

"В ПОМОЩЬ СТУДЕНТУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ"

Вашему вниманию предлагаются обзоры решений Конституционного суда Российской Федерации (1995- 2013 гг.) и Европейского суда по правам человека, в которых подробно изложены позиции указанных судов по наиболее значимым и актуальным вопросам, возникающим у практических работников в области юриспруденции. Изучение приведенных ниже решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека будет способствовать лучшему усвоению учебного материала по дисциплинам: "Уголовный процесс", "Следственные действия", "Криминалистика", "Судебная экспертиза", "Прокурорский надзор"; формированию навыков применения приобретенных знаний для разрешения практических ситуаций; овладению навыками изучения, осмысления и анализа правоприменительной практики; формирования умения вести аргументированную дискуссию по проблемам уголовного процесса.

Данные обзоры подготовлены студентами второго курса очного отделения юридического факультета ФГБОУ ВПО СамГУ в рамках изучения дисциплины "Уголовный процесс".

Список окончательных решений Европейского Суда по правам человека, в которых было установлено нарушение ст.6. Европейской Конвенции по правам человека подготовлен:

Кравцовой А.О., Кудиновой Е.В., Ухтверовым Н.С., Шишкиным Д.И., Яковлевой А.В.

Список Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности положений статей УПК РФ и УПК РСФСР подготовлен:

Гребешковой М.В., Демидовой О.Л., Каримовой Ж.Т., Сыркиным А.Д., Красенковой Ю.А., Неклоковым А.А., Неклоковым В.А.

Научный руководитель: асс. Шестакова Л.А.

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЕЙ УПК РФ и УПК РСФСР**

№	Дата/Номер	Название	Суть жалобы	Суть Постановления
1	Постановление от 19 ноября 2013 г. N 24-П	По делу о проверке конституционности положений ч.1 ст. 10 УК РФ, ч.2 ст. 24, ч.2 ст. 27, ч.4 ст. 133 и ст. 212 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова""	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ положений ч.1 ст. 10 УК РФ, ч.2 ст. 24, ч.2 ст. 27, ч.4 ст. 133 и ст. 212 УПК РФ. Конституционность правового регулирования порядка прекращения уголовного дела применительно к досудебной стадии уголовного процесса оспаривают заявители по настоящему делу - граждане С.А. Боровков и Н.И. Морозов, уголовные дела в отношении которых постановлениями следователей были прекращены в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминировавшихся им органами предварительного следствия деяний.	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по настоящему делу являются положения части первой статьи 10 УК РФ, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК РФ, так как на их основании на досудебной стадии уголовного судопроизводства решается вопрос о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с устранением новым уголовным законом преступности и наказуемости инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния в случае, когда он возражает против прекращения уголовного дела без судебной проверки и оценки законности и обоснованности выдвигавшихся в отношении него подозрения, обвинения.</p> <p>Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях, а также в целях обеспечения иных конституционных ценностей, включая законность, правопорядок и общественную безопасность, закрепляет требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда охраняемые ею ценности становятся объектом преступного посягательства, - осуществления уголовного преследования лиц, преступивших уголовный закон (статьи 1, 2 и 17; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 71, пункты "в", "о"; статья 76, часть 1).</p> <p>По смыслу статьи 54 Конституции РФ во взаимосвязи с положениями части второй статьи 2 и статьи 3 УК Российской</p>

				<p>Федерации, частей первой и второй статьи 1, статей 24, 27 и 73 УПК Российской Федерации, нормы уголовного закона служат материально-правовой предпосылкой для уголовно-процессуальной деятельности: подозрение или обвинение в совершении преступления должны основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, подлежит установлению только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке.</p> <p>Решением о прекращении уголовного преследования в связи с отсутствием в имевшем место деянии состава преступления в случае, когда преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом до вступления приговора в законную силу (пункт 2 части первой и часть вторая статьи 24 УПК Российской Федерации), обеспечивается реализация вытекающего из статей 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации требования равных оснований для распространения нового уголовного закона на лиц, которые согласно статье 49 Конституции Российской Федерации и статье 14 УПК Российской Федерации применительно к вопросу об уголовной ответственности считаются невиновными, независимо от того, до или после его принятия было совершено деяние.</p> <p>Такое решение направлено на защиту прав этого лица и само по себе не может рассматриваться как причинение ему вреда, а потому - учитывая, что вопрос об уголовной ответственности за деяние, утратившее качество преступности, исключается в принципе, - и уголовное преследование в отношении</p>
--	--	--	--	--

				<p>подозреваемого, обвиняемого подлежит прекращению.</p> <p>Решение о прекращении уголовного дела в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость соответствующего деяния были устранены новым уголовным законом, констатирует, с одной стороны, наличие самого деяния, содержащего признаки преступления, а с другой - отсутствие в таком деянии преступности и наказуемости по смыслу нового уголовного закона. В таком случае прекращение уголовного преследования - хотя и со ссылкой на пункт 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации (отсутствие в деянии состава преступления) - не порождает у подозреваемого или обвиняемого права на реабилитацию, как это закреплено пунктом 3 части второй статьи 133 УПК.</p> <p>В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, сформулированной применительно к порядку прекращения уголовного дела на стадии судебного разбирательства в связи с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления в случаях, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния устраняются новым уголовным законом, и возможности реализации лицами, в отношении которых уголовное преследование прекращено по данному основанию, права на реабилитацию, выявление данного основания в ходе судебного разбирательства не освобождает суд от необходимости выяснения позиций сторон по делу и исследования приведенных ими доводов и обязывает суд проверять в таких случаях наличие достаточных для прекращения дела оснований и условий и обеспечивать сторонам возможность высказать свою позицию по данному вопросу (определения от 5 ноября 2004 года N 359-О, N 360-О, N 361-О и N 362-О).</p> <p>Следовательно, в таких случаях вопрос о законности и обоснованности уголовного преследования и выдвинутых</p>
--	--	--	--	---

				<p>обвинений может быть разрешен судом в рамках уголовного дела, которое находится в его производстве, на основе оценки актов органов, осуществлявших дознание или предварительное следствие, вынесенных еще до момента декриминализации соответствующего деяния.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил</p> <p>признать взаимосвязанные положения части первой статьи 10 УК Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации.</p>
2	Постановление от 2 июля 2013 г. N 16-П	По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина республики Узбекистан Б.Т.Гадаева и запросом Курганского областного суда	Поводом к рассмотрению дела явились жалоба гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запрос Курганского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения. Оспариваемый конституционность названных законоположений граждан Республики Узбекистан Б.Т. Гадаев в ходе рассмотрения Калининским районным судом	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о возвращении судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, применительно к случаям, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. Согласно Конституции Российской Федерации судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и

			<p>города Санкт-Петербурга уголовного дела, по которому он был признан потерпевшим, дважды заявлял ходатайства о возвращении данного уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом на том основании, что органы предварительного расследования, по его мнению, квалифицировали действия обвиняемого как менее тяжкое, чем следует из фактических обстоятельств дела, преступление, допустив тем самым при составлении обвинительного заключения существенные нарушения требований УПК РФ</p>	<p>уголовного судопроизводства (статья 118, часть 2) на основе общих для всех видов судопроизводства принципов правосудия, включая независимость судей, их подчинение только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, состязательность и равноправие сторон (статья 18; статья 120, часть 1; статья 123, часть 3), - вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства.</p> <p>Исходя из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизирующей общепризнанный правовой принцип <i>nullum crimen, nulla poena sine lege</i> (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом, а именно Уголовным кодексом Российской Федерации, задачами которого являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (часть первая статьи 2) и который для осуществления этих задач устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений (часть вторая статьи 2).</p> <p>УПК РФ закрепляет в числе принципов уголовного судопроизводства принцип осуществления правосудия только судом, означающий, в частности, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда (статья 8),</p>
--	--	--	--	---

				<p>который должен быть законным, обоснованным и справедливым и может считаться таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями данного Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона (статья 297); при этом неправильное применение уголовного закона является основанием для отмены или изменения не вступивших в законную силу судебных решений (пункт 3 статьи 389.15 и часть первая статьи 389.18), а существенное нарушение уголовного закона, повлиявшее на исход дела, - основанием для отмены или изменения вступивших в законную силу судебных решений (часть первая статьи 401.15 и часть первая статьи 412.9); если же в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, то при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной и надзорной инстанциях допускается поворот к худшему (статья 401.6 и часть вторая статьи 412.9).</p> <p>По смыслу части первой статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьями 215, 220, 221, 225, 226, 226.7 и 226.8, возвращение уголовного дела прокурору в случае нарушения требований данного Кодекса при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления может иметь место по ходатайству стороны или инициативе самого суда, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, при подтверждении сделанного в судебном заседании заявления обвиняемого или потерпевшего, а также их представителей о допущенных на досудебных стадиях нарушениях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 100 и 104 Федерального</p>
--	--	--	--	--

				<p>конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения части первой статьи 237 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации.</p>
3	<p>Постановление от 21 мая 2013г. N 10-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.А.Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана</p>	<p>Поводом к рассмотрению дела явились жалоба гражданина С.А. Первова и запрос мирового судьи судебного участка N 43 города Кургана.</p> <p>Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые положения ч. 2 и 4 ст. 443 УПК РФ.</p> <p>Мировой судья судебного участка постановлением от 22.11.2011 года прекратил уголовное преследование в отношении страдающего психическим расстройством гражданина Х., обвинявшегося в совершении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 119 и ч.1 ст. 130 УК РФ, исходя, что совершенные им деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести, и не принял во внимание содержащиеся в заключении судебно-психиатрической экспертизы выводы о том, что</p>	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по настоящему делу являются взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации, на основании которых суд, осуществляющий производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости и по своему психическому состоянию представляющего опасность, выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, если совершенное деяние отнесено к преступлениям небольшой тяжести, и направляет копию постановления о прекращении уголовного дела в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар.</p> <p>Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства, Конституция Российской Федерации относит к числу неотъемлемых и неотчуждаемых прав, принадлежащих человеку от рождения и охраняемых государством, право каждого на жизнь, защиту своей чести и доброго имени, право на личную неприкосновенность, исключаящее незаконное - как физическое, так и психическое - воздействие на человека и, соответственно, не допускающее насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, а также право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь</p>

		<p>обвиняемый представляет опасность для себя и окружающих и нуждается в принудительном лечении в психиатрическом стационаре общего типа.Нарушение своих прав гражданин С.А. Первов связывает с тем, что положения не обеспечивают государственную защиту достоинства личности, жизни и здоровья потерпевших, поскольку допускают отказ от принудительного лечения лица, страдающего психическим расстройством и совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости.</p> <p>В производстве мирового судьи В.Г. Зайцевой находится уголовное дело о применении принудительных мер медицинского характера в отношении гражданина А., который 24 июля 2012 года совершил в состоянии невменяемости деяния, предусмотренные ч.1 ст. 116, ч.1 ст. 119 УК РФ. По имеющейся информации 4 июля 2012 года он был освобожден от уголовной ответственности без применения принудительных мер</p>	<p>(статья 2; статья 20, часть 1; статья 21, часть 2; статья 22, часть 1; статья 23, часть 1; статья 41, часть 1).</p> <p>В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, не подлежит уголовной ответственности (статья 21), что не устраняет общественной опасности и противоправности самого деяния. Однако тяжесть деяния, совершенного лицом в состоянии невменяемости, не может служить определяющим критерием, на основании которого устанавливается возможность причинения таким лицом иного существенного вреда либо опасность для него самого или окружающих, наличие которой, согласно части второй статьи 97 УК Российской Федерации, является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, имеющих целью, как следует из его статьи 98, излечение или улучшение психического состояния лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части данного Кодекса.</p> <p>Дефектность части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, ее несогласованность как с другими положениями данного Кодекса, так и с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации - единственного закона, образующего уголовное законодательство, которым определяются уголовно-правовые последствия совершения запрещенного уголовным законом деяния, порождают неопределенность, которая не позволяет единообразно</p>
--	--	--	--

			<p>медицинского характера за нанесение побоев. При этом согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы А. представляет опасность для себя и других лиц, может повлечь причинение иного существенного вреда. Оспариваемые ею нормы, не согласуются с требованиями справедливости и соразмерности в регулировании общественных отношений, исключают в соответствующей части исполнение обязанности государства защищать права и свободы граждан, обеспечивать законность и правопорядок.</p>	<p>понимать и толковать правовые нормы, создает противоречивую правоприменительную практику, что приводит к нарушению конституционного принципа равенства, ставит под угрозу неприкосновенность личности, ее честь и достоинство, право на жизнь и охрану здоровья. При прекращении уголовного дела и отказе в применении принудительных мер медицинского характера по основанию, указанному в части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, копия постановления суда, согласно части четвертой той же статьи, в течение 5 суток направляется в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар.</p> <p>Положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации, расширяя границы уголовно-правового бездействия относительно возможности применения принудительных мер медицинского характера к лицам, уже совершившим в состоянии невменяемости деяния, предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и по своему психическому состоянию представляющим опасность для себя или окружающих, сводя указанную возможность лишь к случаям совершения посягательств средней тяжести и выше, не позволяют суду в полной мере осуществлять отправление правосудия и применять уголовный закон в соответствии с его целями, оставляя таких лиц без необходимой и своевременной медицинской помощи, что не только не способствует улучшению их психического состояния, но и, напротив, может его усугубить, и лишая уже пострадавших от деяний небольшой тяжести, равно как и потенциальных потерпевших от их деяний государственной и судебной защиты от общественно опасных и противоправных посягательств. Тем самым нарушаются защищаемые Конституцией Российской</p>
--	--	--	--	---

				<p>Федерации и не подлежащие ограничению права на охрану достоинства личности и личную неприкосновенность, а также право на охрану здоровья, что должно расцениваться как ограничение обусловленных потребностью в безопасности естественных неотчуждаемых прав человека и гражданина, реализация которых гарантируется статьями 18, 21, 22 (часть 1), 41 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, признать взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ.</p>
4	Постановление от 16 октября 2012 г. N 22-П	По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова	С.А. Красноперов обратился в суд с заявлением о привлечении к уголовной ответственности в порядке частного обвинения гражданина РФ К., который, по утверждению заявителя, 17.06.2010г. на борту танкера, приписанного к порту Валетты (Республика Мальта) и плавающего под флагом Республики Мальта, находившегося в порту Констанцы (Румыния) нанес ему телесные повреждения, причинившие	<p>Предмет рассмотрения Конституционного суда РФ ч.1 ст.32 УПК РФ, т.к.ч.2 ст.2 УПК РФ, не определяя территориальную подсудность, реализует предписания ч.2, 3 ст.11 УК РФ, подлежит применению во взаимосвязи с ч.1 ст.2 УПК РФ, а потому не исключает возможности производства на территории РФ по уголовному делу о преступлении, совершенном вне пределов РФ.</p> <p>По Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и их защита - обязанностью государства; они определяют смысл, содержание, применение законов, обеспечиваются правосудием(ст.1,2,17,18).</p> <p>Реализация этих положений Конституции РФ предполагает, как следует из ее статей 4(ч.1),15(ч</p>

		<p>легкий вред здоровью. Постановлением Мирового судьи судебного участка N 47 города Находки Приморского края (далее мировой судья) от 3.11.2010 г. заявление было возвращено со ссылкой на ч. 1 ст. 32 УПК РФ с рекомендацией обратиться за судебной защитой по месту приписки судна. Находкинский городской суд Приморского края (далее городской суд), оставил постановление мирового судьи без изменения. Определением судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда (далее краевой суд) от 29.03.2011 г. отменено на основании: УПК не предусматривает возвращение заявления с такой рекомендацией, и дело направлено на новое рассмотрение в городской суд. Постановлением городского суда от 7.06.2011 г. постановление мирового судьи отменено и заявление С.А. Красноперова возвращено со ссылкой на необходимость его приведения в соответствие с законом, в том числе для точного указания в нем места совершения преступления.</p>	<p>2,4),45(ч.1),46(ч.1),47,61(ч.2),71(п"а", "в", "м", "о"),установление такого правопорядка, возлагающего на граждан РФ независимо от места их пребывания обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы, ответственность за их нарушение, обеспечивает им защиту и покровительство за пределами РФ, гарантированность судебной защиты, в т.ч. от преступных посягательств вне пределов РФ. Право на судебную защиту закреплено также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст.6) и Международным пактом о гражданских и политических правах (ст.14). Это право означает и что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным судом, т.е. чтобы подсудность дел определялась в нормативной форме до возникновения спора что позволило бы участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе Приведенные положения обязывают федерального законодателя исходить из того, что право судебную защиту граждан РФ должно обеспечиваться гарантиями, позволяющими реализовать в полном объеме и обеспечивающими эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства. УК РФ предусматривает уголовную ответственность в соответствии с ним граждан РФ, совершивших вне пределов РФ преступление против интересов, охраняемых Кодексом, если в отношении них по этому преступлению не имеется решения суда иностранного государства (ст. 12 УК РФ), что требует закрепления в УПК подсудности таких уголовных дел, т.к. гарантии прав возможны только при условии взаимной согласованности норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. По общему правилу в ч.1 ст. 32 УПК РФ, уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения</p>
--	--	---	---

		<p>Постановлением мирового судьи от 14.07.2011 г. заявление вновь возвращено заявителю в связи с неподсудностью данного уголовного дела судам РФ и необходимостью его рассмотрения компетентным иностранным судом. Городской суд оставил его без изменения.</p> <p>Отменены определением краевого суда от 27.10.2011 г., материалы направлены мировому судье для исполнения апелляционного постановления от 7.06.2011 г.</p> <p>Постановлением мирового судьи от 10.01. 2012 года заявление возвращено заявителю для приведения в соответствие с требованиями статьи 318 УПК РФ.</p> <p>Постановлением от 20.04.2012 г. С.А. Красноперову в возбуждении уголовного дела в порядке частного обвинения в отношении гражданина К. отказано на основании: действующим УПК РФ порядок привлечения к уголовной ответственности гражданина РФ, совершившего преступление, предусмотренное УК РФ, за пределами РФ, не регламентирован. Нарушение оспариваемыми положениями своего права на государственную,</p>	<p>преступления (т.е. то место совершения деяния, содержащего признаки преступления, где оно пресечено или окончено). Это правило, в силу ограничения юрисдикции РФ по судебному рассмотрению уголовных дел территорией РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ или самим УПК РФ, не позволяет однозначно определить территориальную подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных вне пределов РФ.</p> <p>Применительно к уголовным делам частного обвинения о предусмотренных УК РФ преступлениях, совершенных гражданами РФ в отношении граждан РФ вне пределов РФ означает, что ч.1 ст.32 УПК РФ не согласуется ни с предписанием п. 1 ч.1 ст.6 УПК РФ, по которому уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, ни с предписаниями ч.1 и ч.3 ст.12 УК РФ, закрепляющими право гражданина РФ на государственную защиту от преступлений, предусмотренных данным Кодексом.</p> <p>Признавая необходимость особого внимания к интересам и требованиям потерпевших от преступлений, непринятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности означающее умаление чести и достоинства личности и самим государством.</p> <p>Вытекающим из статей 1(ч.1), 6(ч.2), 17(ч. 3) и 19 Конституции РФ принципом юридического равенства обуславливается необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Иначе это приводит к фактическому ограничению самого существа конституционных прав на</p>
--	--	---	--

			<p>защиту прав и свобод заявитель усматривает в том, что они препятствуют рассмотрению заявления, ущемляя его права как потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба, а значит, противоречит Конституции РФ, ее статьям 15(ч.1),45(ч.1),46(ч.1)и52.</p>	<p>доступ к правосудию и на законный суд. Цели не допустить лишения потерпевшего возможности защиты своих прав и законных интересов соответствует обязанность федерального законодателя установить уголовно-процессуальные механизмы, в максимальной степени упрощающие жертвам преступлений доступ к правосудию.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать часть 1 статьи 32 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ.</p>
5	<p>Постановление от 20 июля 2012 г. N 20-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 125 и части первой статьи 152 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной.</p>	<p>Заявитель просит признать положения ч.1 ст. 125 и ч.1 ст. 152 УПК РФ не соответствующими ст. 47 (ч.1) Конституции РФ, так как они в силу своей неопределенности позволяют произвольно устанавливать территориальную подсудность дел, связанных с рассмотрением жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц следственных органов при производстве предварительного расследования в порядке, предусмотренном ч.1 ст. 125 УПК РФ</p> <p>Р.Г. Мишина была признана потерпевшей по уголовному делу, возбужденному в связи с гибелью ее сына</p>	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения части первой статьи 125 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации, определяющие территориальную подсудность дел по жалобам на решения и действия (бездействие) должностных лиц следственных органов при производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. По Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч.1,ст. 46); решения и действия (или бездействие) органов государственной власти должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч.2 ст.46); никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1ст. 47). Право на судебную защиту закреплено Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п.1 ст.6) и Международным пактом о гражданских и политических правах (п.1 ст.14).</p> <p>По смыслу этих положений право каждого на судебную защиту предполагает и что рассмотрение дела должно</p>

		<p>Зареченским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Татарстан (далее отдел) по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст.109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Полагая, что имело место убийство (умышленное причинение смерти), Мишина обратилась в отдел с ходатайством о переквалификации совершенного деяния на ч.2 ст.105 УК РФ, в чем ей было отказано.</p> <p>Разъясняя заявительнице право обжаловать данное решение в суд в порядке, установленном главой 16 (статьи 123 - 127) УПК РФ, старший следователь в уведомлении об отказе в удовлетворении ходатайства (исходя из того, что предварительное следствие производилось в соответствии с ч.1 ст.152 РФ по месту совершения деяния, т.е в Кировском районе города Казани) назвал в качестве суда, уполномоченного на рассмотрение ее жалобы, Кировский районный суд города Казани(далее суд).</p>	<p>осуществляться законно установленным судом, т.е. судом, подсудность которого по рассмотрению конкретного дела, в каких случаях и в каком порядке допустимо изменение подсудности определяется в нормативной форме до возникновения спора, что позволяет участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе.</p> <p>Эта позиция, в полной мере распространяется на правовое регулирование подсудности дел по жалобам на решения и действия (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования, рассмотрение которых, по смыслу статей 10,18и118(ч.1,2) Конституции РФ, производится в рамках судебного контроля за деятельностью указанных органов судами, осуществляемого посредством уголовного судопроизводства (постановления от 16.03.1998г.№ 9-П,2.02.1999г.№ 3-П,25.02.2004г.№4-П,6.04.2006г. № 3-П,21.01.2010г.№ 1-П,19.04. 2010г.№ 8-П,21.04.2010г.№ 10-П и от 9.06.2011г.№ 12-П).</p> <p>Реализация права на законный суд,(ст. 47 Конституции РФ) обеспечивается распределением компетенции между судами общей юрисдикции путем закрепления в УПК правил подсудности.</p> <p>Так, УПК РФ предусматривает, что решения и действия(бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования (ч.1 ст. 125) независимо от подследственности и возможной подсудности расследуемых дел, вида и уровня органа, производящего предварительное следствие (дознание)(по смыслу ч.3 ст. 29 и ч.9 ст.31 УПК РФ)</p> <p>Местом производства предварительного расследования</p>
--	--	--	--

			<p>Постановлением суда от 8.07.2011г. в принятии жалобы к рассмотрению отказал со ссылкой на статью 125 УПК РФ, посчитав местом производства предварительного расследования уголовного дела Ново-Савиновский район города Казани, на территории которого расположен осуществляющий его расследование следственный орган.</p> <p>Оставлено без изменения кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 19.08.2011 г.</p> <p>В удовлетворении надзорных жалоб заявительницы отказано постановлением судьи Верховного Суда Республики Татарстан от 18.10.2011г., с которым согласился председатель Верховного Суда Республики Татарстан (письмо от 11.11. 2011г.), и постановлением судьи Верховного Суда РФ от 30.11.2011г., с которым согласился заместитель Председателя Верховного Суда РФ (письмо от 29.12. 2011г.).</p>	<p>согласно статье 152 УПК РФ, по общему правилу, считается место совершения деяния, содержащего признаки преступления, за исключением случаев, предусмотренных данной статьей, а именно: если преступления совершены в разных местах, то по решению вышестоящего руководителя следственного органа по делам, расследуемым в форме дознания, - прокурора) уголовное дело расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них; предварительное расследование может производиться и по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков (части первая - пятая). При этом в тех случаях, когда место производства предварительного расследования не совпадает с местом совершения деяния, жалоба на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, а также прокурора рассматривается, как разъяснялось в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. N 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ", тем районным судом, который территориально находится в месте производства предварительного расследования, определяемого в соответствии со статьей 152 УПК РФ .</p> <p>Поэтому взаимосвязанные положения ч.1 ст. 125 и ч.1 ст. 152 УПК РФ сами по себе не определяют возможность различного подхода к решению вопроса, в каком районном суде подлежит рассмотрению соответствующая жалоба.</p> <p>Тем не менее складывается противоречивая практика определения территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц следственных органов при производстве предварительного расследования. Это подтверждается и вынесенными в отношении гражданки Р.Г. Мишиной судебными решениями, в которых под местом</p>
--	--	--	---	--

			<p>производства предварительного расследования суды понимали не административный район, на территории которого было совершено преступление, а место нахождения следственного органа, осуществляющего предварительное расследование соответствующего уголовного дела, - межрайонного следственного отдела, юрисдикция которого выходит за пределы административного района его дислокации и распространяется на территории нескольких административных районов.</p> <p>Такое установление сферы деятельности межрайонных следственных отделов обусловлено их вхождением в качестве структурных подразделений в систему Следственного комитета РФ (подпункт 3 пункта 9 Положения о Следственном комитете РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 14 января 2011 года N 38) и не связано с определением места производства предварительного расследования, как это предусмотрено статьей 152 УПК РФ.</p> <p>Соответственно в случае, когда преступление совершено на территории одного из административных районов, находящихся под юрисдикцией межрайонного следственного отдела, возникает неопределенность в вопросе о том, какой районный суд уполномочен на рассмотрение жалоб, тем самым ставится под сомнение принцип законного суда, являющийся необходимым условием справедливости и эффективности судебной защиты, право на которую выступает гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод и не подлежит ограничению.</p> <p>Понимание оспариваемых положений как позволяющих место производства предварительного расследования определять по месту расположения межрайонного следственного отдела - означает возможность установления и изменения территориальной подсудности вопреки прямому предписанию закона, в не процессуальной форме, на основании</p>
--	--	--	--

				<p>решения государственного органа, уполномоченного устанавливать и изменять юрисдикцию того или иного следственного органа и место его дислокации (притом что принятие такого решения обуславливается, как правило, кадровыми, финансовыми, материально-техническими или иными подобными факторами).</p> <p>Цель одной только рациональной организации деятельности органов власти не может служить основанием для ограничения прав и свобод (постановления от 20.12.1995г. N 17-П, 15.01.1998г. N 2-П, 18.02.2000г. N 3-П, 14.11.2005г. N 10-П и др.)</p> <p>При определении подсудности уголовных дел федеральный законодатель во всяком случае обязан осуществлять соответствующее регулирование с учетом того, что соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, что любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан, должна отвечать установленным Конституцией РФ критериям, в том числе вытекающим из закрепленного ею принципа равенства (статья 19, части 1 и 2), в силу которых такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели (статья 55, часть 3), а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (постановления от 3.11.1998г. N 25-П, 24.05.2001г. N 8-П и др.).</p> <p>Между тем неоднозначность подхода к определению территориальной подсудности жалоб позволяет устанавливать подсудность конкретной жалобы исходя из места расположения осуществляющего его органа (которое, в свою очередь, зависит от обстоятельств организационного, материально-технического или иного подобного характера), создает предпосылки для нарушения конституционного</p>
--	--	--	--	--

				<p>принципа равенства при реализации права на доступ к правосудию и судебную защиту в отношении граждан, обжалующих решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонного следственного отдела, юрисдикция которого распространяется на территорию, где совершено преступление, но место расположения которого находится за пределами административного района, где совершено преступление.</p> <p>Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции РФ и с учетом настоящего Постановления - внести необходимые изменения в правовое регулирование территориальной подсудности жалоб на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.</p> <p>Впредь до введения в действие нового правового регулирования рассмотрение дел по жалобам на решения и действия (бездействие) должностных лиц межрайонных следственных отделов при производстве предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, должно осуществляться - безотносительно к месту расположения указанных следственных органов-тем районным судом, юрисдикция которого распространяется на место совершения деяния, содержащего признаки преступления.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать взаимосвязанные положения ч.1 ст.125 и ч.1 ст. 152 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ.</p>
--	--	--	--	---

6	<p>Постановление от 21 декабря 2011г. № 30-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности положения статьи 90 УПК РФ в связи с жалобами граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко</p>	<p>Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положение статьи 90 УПК Российской Федерации</p> <p>Промышленный районный суд решением от 21.05.2007 г. удовлетворил иск гражданки Г.К. Чернышовой к гражданам В.Д. Власенко и Е.А. Власенко о признании действительным предварительного договора купли-продажи жилого дома, о понуждении заключить договор купли-продажи этого дома и о признании на него права собственности.</p> <p>Постановление о возбуждении в отношении Г.К. Чернышовой уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ по заявлению Е.А. Власенко о хищении принадлежащего ему имущества, было отменено как незаконное заместителем прокурора. Неоднократно проверявшие те же обстоятельства следователи</p>	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является статья 90 УПК Российской Федерации в части, предусматривающей, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.</p> <p>Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ и обеспечивается на основе закрепленных в ней принципов правосудия, включая независимость судей, их подчинение только Конституции РФ и федеральному закону, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статьи 17 и 18; ст.120,ч.1;ст.123,ч.3 Конституции РФ).</p> <p>Приведенным положениям Конституции РФ корреспондируют предписания статьи 10 Всеобщей декларации прав человека и статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.</p> <p>Конституционные принципы равноправия, равенства всех перед законом и судом, а также развивающие их принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве (ст.17,ч 3;ст.19,ч.1 и 2; ст.123,ч. 3, Конституции РФ) предполагают такое построение судопроизводства, при котором функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих перед судом сторон. Осуществляя правосудие как свою исключительную функцию, суд во всех видах судопроизводства, в том числе уголовном, обязан предоставлять сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций и потому не может принимать на себя</p>
---	--	---	--	--

		<p>оснований для возбуждения уголовного дела не находили. Постановлением от 16.04.2010г., вынесенным по очередному заявлению Е.А. Власенко следователем в отношении Г.К. Чернышовой вновь было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК РФ. Как указывалось в постановлении, в 2007 году Г.К. Чернышова совершила хищение чужого имущества в особо крупном размере путем обмана, а именно: используя заведомо для нее фиктивные документы. Промышленный районный суд, куда Г.К. Чернышова обратилась с жалобой в порядке статьи 125 УПК РФ, 3.09. 2010г. со ссылкой на статью 90 отменил постановление о возбуждении в отношении нее уголовного дела, сославшись на вступившее в законную силу решение от 21.05.2007г.</p> <p>Свой отказ в удовлетворении кассационной жалобы адвоката В.Д. Власенко и Е.А. Власенко мотивировала необходимостью соблюдения требований статьи 90</p>	<p>выполнение их процессуальных функций (постановления Конституционного Суда РФ от 28.11.1996г. N 19-П, 14.02.2002г. N 4-П и от 5.02.2007г. N 2-П).</p> <p>Действующие во всех видах судопроизводства общие правила распределения бремени доказывания предусматривают освобождение от доказывания входящих в предмет доказывания обстоятельств, к числу которых процессуальное законодательство относит обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу (статья 90 УПК РФ статья 61 ГПК РФ, статья 69 АПК РФ). В данном основании для освобождения от доказывания проявляется преюдициальность как свойство законной силы судебных решений, общеобязательность и исполнимость которых в качестве актов судебной власти обусловлены ее прерогативами.</p> <p>Наделение судебных решений, вступивших в законную силу, свойством преюдициальности - сфера дискреции федерального законодателя, который мог бы прибегнуть и к другим способам обеспечения непротиворечивости обязательных судебных актов в правовой системе, но не вправе не установить те или иные институты, необходимые для достижения данной цели. Введение же института преюдиции требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства - с другой. Такой баланс обеспечивается посредством установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения.</p> <p>При этом предполагается необходимость пересмотра решений, вступивших в законную силу, с тем чтобы в правовой системе не могли иметь место судебные акты, содержащие взаимоисключающие выводы. Регулирование института пересмотра вступивших в законную силу ошибочных судебных</p>
--	--	--	---

			<p>УПК РФ, в силу которых обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, должны быть признаны следователем без дополнительной проверки.</p>	<p>актов соотносится с международно-правовыми нормами, также признающими как обязательность исполнения судебных решений (<i>res judicata</i>), так и необходимость исправления судебных ошибок в случаях, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела (пункт 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод).</p> <p>Таким образом, как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы. Как указал Конституционный Суд, исключительная по своему существу возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов предполагает установление таких особых процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, может быть поколеблено, если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба (постановления от 11.05.2005г. N 5-П, 5.02.2007г. N 2-П и 17.03.2009г. N 5-П)</p> <p>Таким образом, институт преюдиции, являясь выражением дискреции законодателя в выборе конкретных форм и процедур судебной защиты и будучи направлен на обеспечение действия законной силы судебного решения, его общеобязательности и стабильности, на исключение возможного конфликта</p>
--	--	--	---	---

				<p>различных судебных актов, подлежит применению с учетом принципа свободы оценки доказательств судом, вытекающего из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти.</p> <p>Соответственно, по смыслу статьи 90 УПК РФ в системе норм процессуального законодательства, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, которым завершено рассмотрение дела по существу в рамках любого вида судопроизводства, имеют преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя или дознавателя по уголовному делу в отношении лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом по другому делу. В силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, фигурировавших в гражданском судопроизводстве, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом.</p> <p>Федеральный законодатель вправе предусматривать различные способы опровержения преюдиции, которые, однако, не могут исключаться из сферы судебного контроля с точки зрения их соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений.</p> <p>Так, применительно к статье 90 УПК РФ в предшествующей редакции, согласно которой преюдициальное значение в уголовном судопроизводстве ранее вынесенного приговора по уголовному делу могло быть опровергнуто органами уголовного судопроизводства по другому уголовному делу с</p>
--	--	--	--	--

				<p>помощью исследуемых в данном деле иных доказательств и подтверждаемых ими обстоятельств, Конституционный Суд в Определении от 15.01.2008г. N 193-О-П пришел к выводу, что данная статья не предполагает возможность при разрешении уголовного дела не принимать во внимание обстоятельства, установленные не отмененными решениями арбитражного суда по гражданскому делу, которые вступили в законную силу, пока они не опровергнуты стороной обвинения в надлежащей судебной процедуре, а выводы относительно фактических обстоятельств, которые рассмотрены и установлены в судебных актах арбитражного суда, осуществляющего гражданское судопроизводство в соответствии с компетенцией, определенной Конституцией РФ и АПК РФ, если ими, по существу, предрешается вопрос о виновности или невиновности лица в ходе уголовного судопроизводства, подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими принципами, закрепленными в статье 49 Конституции РФ.</p> <p>Обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляют предмета доказывания по гражданскому делу. Данные фактические обстоятельства выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском судопроизводстве, и составляют предмет доказывания по уголовному делу, возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного УК РФ</p> <p>Исходя из того, что установленные федеральным законом механизмы признания и опровержения преюдициальной силы судебных актов подлежат судебному контролю в том числе с точки зрения их соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений и с учетом конституционного содержания права на судебную защиту, в качестве единого способа опровержения (преодоления) преюдиции во всех видах судопроизводства</p>
--	--	--	--	--

				<p>должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств.</p> <p>Именно возможность преодоления в таких случаях законной силы судебного акта посредством его пересмотра в предусмотренных законом процедурах обеспечивает искомый баланс общеобязательной юридической силы судебного решения и возможности проверки его законности и обоснованности, с тем чтобы при подтверждении судебной ошибки преюдициальность данного судебного решения могла быть преодолена путем его отмены в специально установленных процедурах. Такой подход соответствует как конституционным принципам осуществления правосудия, так и международным обязательствам РФ по обеспечению действия принципа правовой определенности в российской правовой системе.</p> <p>Поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод не исключается обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, отсутствие возможности исправить последствия ошибочного судебного акта не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости; институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны обеспечивать как справедливое правосудие, так и процессуальную эффективность, экономию в использовании средств судебной защиты, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым - гарантировать правовую определенность, основанную на признании законной силы судебных решений,</p>
--	--	--	--	--

				<p>их неопровержимости (постановления Конституционного Суда РФ от 2.02.1996г.№ 4-П,3.02.1998г.№ 5-П,5.02.2007г.№ 2-П и др).</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения статьи 90 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, означают, что: имеющими преюдициальное значение по уголовному делу являются фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, признание при рассмотрении уголовного дела преюдициального значения фактических обстоятельств не может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления; фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления против правосудия подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства.</p>
7	Постановление от 6 декабря 2011г. №27-П	По делу о проверке конституционности статьи 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики	В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.Т. Федин утверждает, что на момент обращения в Конституционный Суд Российской Федерации общее время ограничения его свободы - пребывания под стражей и под домашним арестом - составило более 24 месяцев, в течение которых он лишен возможности	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статьи 107 УПК Российской Федерации, регламентирующие применение в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста. По смыслу Конституции РФ, ее ст. 17 (ч.2), 21 (ч.1) и 22 (ч.1), принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и гражданина. Конституция РФ допускает возможность его ограничения лишь в той мере, в какой это

		<p>А.Т.Федина</p>	<p>трудоустройства и получения какого-либо легального дохода. По его мнению, оспариваемые им статьи 107 и 109 УПК Российской Федерации, как допускающие существенное превышение установленного законом предельного срока содержания под стражей, несоразмерно ограничивают его право на свободу и личную неприкосновенность и тем самым противоречат статьям 22 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.</p>	<p>необходимо в определенных ею целях, в установленном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не оказалось затронутым само существо данного права.</p> <p>УПК РФ среди мер процессуального принуждения предусматривает в гл. 13 меры пресечения - средства ограничения личной свободы обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого, применяемые, как следует из его ст. 97, в целях предупреждения попыток скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иных попыток воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 данного Кодекса.</p> <p>Наиболее строгими из мер пресечения, перечисленных в ст. 98 УПК РФ, являются домашний арест (ст. 107 УПК РФ) и заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). Поскольку суть данных принудительных мер - непосредственное ограничение находящегося под защитой ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность, законодатель допускает применение таких мер в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении лишь тех преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, как правило, на срок свыше двух лет, и при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (ч.1 ст. 108 УПК РФ).</p> <p>Согласно ст. 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены ст. 108 данного Кодекса, с</p>
--	--	-------------------	--	--

				<p>учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств (ч.2). Из ст. 97, 98, 107 и 108 УПК РФ в их нормативном единстве следует, что и домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т.е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления.</p> <p>Срок домашнего ареста, порядок его установления, продления, а также его предельная продолжительность в УПК РФ, в том числе в его ст. 107, не указаны.</p> <p>Положения ст. 107 УПК РФ порождают неопределенность в вопросе и о продолжительности домашнего ареста, и о порядке его продления, и о сроке, по истечении которого дальнейшее продление невозможно, и тем самым позволяют устанавливать временные пределы ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность в произвольном порядке и исключительно по правоприменительному решению. Таким образом, ст. 107 УПК РФ, как не конкретизирующая срок, на который избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, не определяющая основания и порядок его продления и не ограничивающая предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, - в силу неопределенности как самой по себе данной статьи, так и ее положений во взаимосвязи с другими положениями УПК РФ, - порождает противоречивую правоприменительную практику, позволяет налагать ограничения, сопоставимые по степени тяжести с уголовными наказаниями и даже превышающие их, снижает гарантии судебной защиты и тем</p>
--	--	--	--	--

				<p>самым не соответствует ст. 19 (ч.1 и 2), 22 (ч.1), 46 (ч.1 и 2), 49 и 55 (ч.3) Конституции РФ.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил :</p> <p>постановил признать не соответствующими Конституции РФ.</p>
8	<p>Постановление от 18 октября 2011г. №23-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 УПК РФ и пункта 8 статьи 16 закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко</p>	<p>Гражданин С.Л. Панченко оспаривает конституционность положений статей 144, 145 и 448 УПК Российской Федерации, как допускающих возбуждение уголовного дела в отношении судьи по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 УК Российской Федерации, в связи с вынесением этим судьей судебного акта, который уже вступил в законную силу и не отменен в установленном законом порядке. Такое регулирование, по мнению заявителя, противоречит статьям 118 (части 1 и 2), 120 и 122 Конституции Российской Федерации. С.Л. Панченко утверждает также, что пункт 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" вопреки правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации,</p>	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения статей 144, 145 и 448 УПК Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации", руководствуясь которыми уполномоченные органы и должностные лица рассматривают сообщения о совершении преступления судьей, осуществляют проверку таких сообщений и по ее результатам принимают соответствующее решение, - применительно к случаям, когда судебный акт, вынесенный судьей, в отношении которого испрашивается разрешение на возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 305 "Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта" УК Российской Федерации, вступил в законную силу и не отменен.</p> <p>Согласно ст. 118, 120 (ч.1), 121 (ч.1) и 122 (ч.1) Конституции РФ и конкретизирующим их положениям ФКЗ от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ "О судебной системе РФ" (ст. 1, 4, 5, 15 и 16) правосудие в РФ осуществляется только судом; никакие другие органы и лица, кроме судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей, не вправе принимать на себя осуществление правосудия.</p> <p>Федеральный конституционный закон закрепляет, что в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные</p>

			<p>сформулированной в Определении от 17 июля 2007 года N 615-О-О, не позволяет квалификационной коллегии судей отказывать в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи при наличии обстоятельств, исключающих его уголовное преследование, чем нарушаются требования статей 19 (части 1 и 2), 122 и 125 Конституции Российской Федерации.</p>	<p>нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей (статья 5), и устанавливает обязательность вступивших в законную силу судебных постановлений (статья 6).</p> <p>Несменяемость и неприкосновенность обеспечивают самостоятельность и независимость судебной власти, предполагают повышенную ответственность судьи за выполнение своих профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики.</p> <p>Такой подход корреспондирует международным стандартам и рекомендациям в сфере правосудия.</p> <p>Возложением на судей функции отправления правосудия обуславливается и необходимость особого порядка возбуждения в отношении них уголовных дел, в том числе введение дополнительных процессуальных гарантий, которые, не исключая уголовную ответственность судьи за совершенное преступление, обеспечивали бы ему защиту при осуществлении профессиональных обязанностей, носящих публичный характер.</p> <p>Гарантии судейского иммунитета, включая неприкосновенность, не носят абсолютного характера.</p> <p>Судебные ошибки могут приводить к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса и, соответственно, повлечь вынесение неправосудного судебного акта, может служить основанием для применения к судье мер дисциплинарной ответственности (Постановления Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 года N 3-П и от 20 июля 2011 года N 19-П).</p> <p>Процедурный механизм осуществления уголовного преследования в отношении судей урегулирован УПК РФ, в том числе его статьями 144, 145 и 448, во взаимосвязи с положениями Закона РФ "О статусе судей в Российской Федерации".</p>
--	--	--	---	--

				<p>Федерации".Наличие решения квалификационной коллегии судей о даче согласия на осуществление в отношении судьи уголовного преследования, как указывал КС РФ, не предопределяет обязательность вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении судьи или о привлечении его в качестве обвиняемого либо отказе в этом, а также принятия того или иного итогового решения по уголовному делу; квалификационная коллегия судей не может разрешать вопросы, которые могут стать предметом доказывания на последующих стадиях уголовного процесса (определения от 14 декабря 2004 года N 452-О и от 7 февраля 2008 года N 224-О-О).</p> <p>Как следует из правовой позиции, изложенной КС РФ в Определении от 17 июля 2007 года N 615-О-О, возбуждение в отношении судьи уголовного дела и привлечение его в качестве обвиняемого в связи с вынесением им заведомо неправосудного решения не являются средством пересмотра такого решения, могут быть после того, как в установленной процессуальным законом процедуре принятое судьей решение будет признано незаконным и (или) необоснованным.</p> <p>Обращение следственных органов в квалификационную коллегия судей с представлением о даче согласия на возбуждение в отношении судьи уголовного преследования по статье 305 УК Российской Федерации, в случае, когда сам этот акт не отменен как незаконный и необоснованный, получение согласия квалификационной коллегии судей, разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем процессуальном движении означают отрицание окончательности, исполнимости, неопровержимости и обязательности судебного решения, гарантированно исполняющегося силой государства.</p> <p>Возбуждение уголовного дела, если соответствующий судебный акт не был отменен в надлежащей процедуре</p>
--	--	--	--	---

				<p>означает, что следственными органами констатируется вынесение судьей незаконного или необоснованного судебного акта.</p> <p>В 2010 году Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации до сведения квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации доведены разъяснения: соответствующая квалификационная коллегия судей не дает согласие на возбуждение уголовного дела в отношении судьи по статье 305 УК Российской Федерации в случае, если вынесенный судьей судебный акт не отменен или не изменен вышестоящей судебной инстанцией как неправосудный (письмо от 21 июля 2010 года N ВКК-ИП 389/10).</p> <p>Однако другие материалы свидетельствуют о том, что органы прокуратуры РФ, СК РФ, а также Высшая квалификационная коллегия судей РФ и Верховный Суд РФ допускают применительно к случаям возбуждения уголовных дел по статье 305 УК РФ и прямо противоположное толкование положений статей 144, 145 и 448 УПК РФ и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации".</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать взаимосвязанные положения ст. 144, 145 и 448 УПК РФ и п.8 ст. 16 Закона РФ "О статусе судей в РФ" не соответствующими Конституции РФ.</p>
9	Постановление от 17 октября 2011г. №22-П	По делу о проверке конституционности частей	И.Н. Сардыко оспаривает конституционность статей 42, 43, части второй статьи 133, части четвертой статьи	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения частей первой и второй статьи 133 УПК Российской Федерации, служащие основанием для отказа лицу, в

		<p>первой и второй статьи 133 УПК РФ в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко</p>	<p>135 и части седьмой статьи 318 УПК Российской Федерации. По ее мнению, данные нормы содержат неопределенность в вопросе о том, имеет ли право на реабилитацию лицо, оправданное судом апелляционной инстанции по уголовному делу частного обвинения, и нарушают тем самым ее права, гарантированные статьями 53 и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.</p>	<p>отношении которого выдвигалось частное обвинение, в возмещении государством вреда, причиненного в результате нарушения его прав и свобод судом. Конституция РФ закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53), реализация которого гарантируется конституционной обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба (ст. 52) и государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45, ч.1; ст. 46). УПК РФ, исходя из необходимости охраны прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства, устанавливает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч.1 ст. 6); при этом отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания (ч.2 ст. 6). УПК РФ, п.34 ст. 5, определяет реабилитацию как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. По буквальному смыслу ч.1 ст. 133, такой вред возмещается государством лишь тогда, когда он является результатом уголовного преследования, однако в числе возможных причинителей</p>
--	--	---	---	--

				<p>вреда, указанных в этой норме, назван и суд, который - согласно ч.3 ст. 15 того же Кодекса - не является органом уголовного преследования, но который при разрешении уголовного дела обязан объективно и беспристрастно решить вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений. Не наделяя суд правом формировать обвинение, УПК РФ устанавливает, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, предусмотренном данным Кодексом (ч.2 ст. 8). Следовательно, только суд может разрешать дела, связанные с применением мер уголовной ответственности, возлагаемой посредством обвинительного приговора - решения о виновности подсудимого, постановляемого именем Российской Федерации (п.28 ст. 5 и ст. 296 УПК РФ). Согласно УПК РФ право на возмещение вреда имеют не только подозреваемые, обвиняемые и подсудимые в случаях прекращения уголовного преследования в отношении них по реабилитирующим основаниям или оправдания (п.1 и 3 ч.2 ст. 133), но и осужденные - в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям (п.4 ч.2 ст. 133).</p> <p>Разграничение причинителей вреда имеет своей основой отделенность функции правосудия, как особого вида осуществления государственной власти, от функции обвинения по уголовным делам, но не устанавливаемое ст. 20 УПК РФ подразделение видов уголовного преследования. Исходя из положений ч.1 ст. 20, ст. 21, 144 и 145 УПК РФ решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования не зависит от волеизъявления потерпевшего - оно предопределяется исключительно</p>
--	--	--	--	---

				<p>общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела. Соответственно, осуществление уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного обвинения является задачей прокурора, следователя и дознавателя; потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения.</p> <p>Дела же частного обвинения, по общему правилу, возбуждаются только по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч.2 ст. 20 УПК РФ). Необходимость возмещения вреда за счет казны РФ обуславливается не только исключительным полномочием судебной власти принимать окончательные решения, в том числе по делам частного обвинения, но и определяющей ролью суда как единственного участника уголовного процесса со стороны государства по такого рода делам, от которого зависит сама возможность их возбуждения.</p> <p>Жесткая обусловленность реабилитации незаконностью или необоснованностью уголовного преследования, усматриваемая правоприменителем в нормах п.34 ст. 5 и ч.1 ст. 133 УПК РФ при интерпретации последних вне системного единства с требованиями ст. 6 и ч.4 ст. 11 того же Кодекса, позволяет перекладывать компенсационно-восстановительные обязательства по делам частного обвинения во всех случаях на частного обвинителя (как это имело место в делах заявителей по настоящему делу).</p> <p>Тем самым возможность реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, вопреки общему понятию обвиняемого, данному в ст. 47 УПК РФ, фактически признается только для подозреваемых и обвиняемых, уголовное преследование</p>
--	--	--	--	--

				<p>которых осуществлялось в публичном и частно-публичном порядке.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 47.1, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации Конституционный Суд РФ постановил:</p> <p>признать не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 19 (ч.1 и 2) и 53, положения ч.1 и 2 ст. 133 УПК РФ.</p>
10	Постановление от 19 июля 2011г. №18-П	По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина	Гражданин В.С. Шашарин оспаривает конституционность положения части второй статьи 135 УПК Российской Федерации, которое предписывает направлять требование реабилитированного о возмещении вреда в суд, постановивший приговор, в случаях, когда уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом. По мнению заявителя, это положение в силу своей неопределенности позволяет - в противоречие с другими положениями части второй статьи 135, а также статьями 396 и 397 УПК Российской Федерации, допускающими рассмотрение ходатайств реабилитированных о возмещении вреда, причиненного незаконным осуждением, судами по месту их жительства, - произвольно	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является положение части второй статьи 135 УПК Российской Федерации, на основании которого определяется территориальная подсудность вопроса о возмещении реабилитированному имущественного вреда, если уголовное дело в отношении него прекращено или приговор изменен вышестоящим судом.</p> <p>Конституция РФ исходит из того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2) и что признание достоинства личности - основа всех его прав и свобод и необходимое условие их существования и соблюдения; достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (ст. 21, ч.1).</p> <p>Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере правоотношений, связанных с публичной ответственностью, в частности уголовной и административной, должны соответствовать вытекающим из статей 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе посредством справедливого правосудия (Постановления от 12 мая 1998 года</p>

			<p>устанавливать подсудность такого рода ходатайств, а потому не соответствует статьям 19, 45 и 52 Конституции РФ.</p>	<p>№ 14-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 27 мая 2008 года № 8-П). Право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 Конституции Российской Федерации предполагает не только право на обращение в суд, но и гарантии, позволяющие реализовать его в полном объеме и обеспечивающие эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства.</p> <p>В актах международного права судебная защита понимается как эффективное восстановление в правах компетентным и независимым судом, созданным на основании закона, при обеспечении справедливого судебного разбирательства.</p> <p>Исходя из необходимости наиболее полного возмещения вреда законодатель при установлении порядка и условий возмещения вреда, причиненного такими действиями (бездействием), должен предусматривать наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных лиц специальные публично-правовые механизмы, обусловленные тем, что гражданин, необоснованно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав (Постановления Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 года № 1-П и от 2.03.2010 года № 5-П).</p> <p>Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, в том числе причиненного необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют положения Международного пакта о гражданских и политических правах, Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью.</p> <p>Федеральный законодатель, предусматривая специальные механизмы восстановления нарушенных прав для реализации</p>
--	--	--	--	--

				<p>публично-правовой цели - реабилитации каждого, кто незаконно или необоснованно подвергся уголовному преследованию, обязан гарантировать, основываясь на принципах правового государства, верховенства права, юридического равенства и справедливости, именно эффективное восстановление в правах - скорейшее возмещение причиненного вреда в полном объеме в процедурах, максимально отвечающих интересам таких лиц, в том числе с точки зрения территориальной доступности.</p> <p>Приведенные нормы уголовно-процессуального закона по вопросу о возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав устанавливают альтернативную территориальную подсудность требований реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда.</p> <p>Между тем положение части второй статьи 135 УПК Российской Федерации отменяет для лиц, чье право на реабилитацию признано вышестоящей судебной инстанцией, альтернативную подсудность вопроса о возмещении имущественного вреда. Тем самым лица, обладающие единым статусом реабилитированных оказываются в неравных условиях, поскольку те из них, чье уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, права выбора территориально доступного суда лишены.</p> <p>Поскольку все реабилитированные относятся к одной категории - лиц, имеющих право на возмещение государством вреда, причиненного им незаконным или необоснованным уголовным преследованием, такое обстоятельство, как прекращение уголовного преследования вышестоящим судом, не может служить основанием для введения различий в условиях реализации ими прав, закрепленных статьями 46 и 53 Конституции Российской Федерации.</p> <p>В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской</p>
--	--	--	--	--

				<p>Федерации, выраженной в Постановлениях от 3 мая 1995 года N 4-П, от 2 февраля 1996 года N 4-П и от 16 мая 1996 года N 12-П, ограничение доступа к правосудию является одновременно и ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положение ч.2 ст. 135 УПК РФ не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 19 (ч.1 и 2) и 46 (ч. и 2).</p>
11	Постановление от 14 июля 2011г. № 16-П	По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко	Ю.Ф. Ващенко просит признать не соответствующими статьям 2, 18, 21 (часть 1), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют суду принимать решение о прекращении уголовного дела в связи со смертью обвиняемого на стадии судебного рассмотрения дела (при том что дело в полном объеме не слушалось, фактические обстоятельства не исследовались) без вызова его близких родственников в судебное заседание в качестве участников процесса, а следовательно, не	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации, согласно которым уголовное дело подлежит прекращению (в том числе в судебном заседании) в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для его реабилитации, - применительно к случаям, когда с прекращением уголовного дела не согласны близкие родственники умершего.</p> <p>Согласно Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства (ст. 2); достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (ст. 21, ч.1); каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23, ч.1). Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и возможность обжаловать в суд решения и</p>

			<p>учитывать их позицию по данному вопросу, чем нарушаются права этих лиц.</p>	<p>действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (ст. 46, ч.1 и 2), а также закрепляет, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49, ч.1).</p> <p>В соответствии с ч.2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в п.3 и 6 ч.1 ст. 24, ст. 25, п.3 ч.1 ст. 27 и ст. 28, которые сами по себе не влекут возникновение у подозреваемого (обвиняемого) права на реабилитацию в порядке гл.18 данного Кодекса, не допускается, если он против этого возражает, - в таких случаях производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.</p> <p>Смерть подозреваемого (обвиняемого), как следует из ч.2 ст. 133 УПК РФ, устанавливающей круг лиц, имеющих право на реабилитацию, также не входит в число реабилитирующих оснований, дающих право на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием. Что касается близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) или каких-либо других заинтересованных лиц, то уголовно-процессуальный закон не предусматривает, что отсутствие согласия с их стороны на прекращение уголовного преследования может служить препятствием для принятия соответствующего решения.</p> <p>Не предоставив указанным лицам надлежащих средств правовой защиты в таких исключительных случаях, законодатель, по сути, создал возможность неоднозначного истолкования, а следовательно, и произвольного применения п.4 ч.1 ст. 24 УПК РФ.</p> <p>При законодательном закреплении гарантий защиты памяти об умерших и сохранения достойного к ним отношения, которые не могут быть исключены из сферы общего (публичного)</p>
--	--	--	--	--

				<p>интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), нельзя не принимать во внимание наличие у заинтересованных лиц, прежде всего близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), настаивающих на продолжении производства по уголовному делу, законного интереса, оправдывающего дальнейшее рассмотрение дела, который во всяком случае может заключаться в желании защитить как честь и достоинство умершего и добрую память о нем. Кроме того, законный интерес этих лиц в случае реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого) может иметь и имущественный характер, связанный с возможностью возмещения понесенных им расходов.</p> <p>Факт уголовного преследования конкретного лица и осуществления в отношении него обвинительной деятельности может подтверждаться актом о возбуждении уголовного дела, проведением следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него. В случае если такое лицо скончалось до возбуждения уголовного дела (в связи с чем его нельзя привлечь к участию в деле в качестве подозреваемого по общим основаниям, указанным в ч.1 ст. 46 УПК РФ), не исключается, что вопрос о его виновности, по существу, ставился в предварительном порядке в ходе производства по уголовному делу (до момента прекращения либо отказа в возбуждении уголовного дела в связи со смертью этого лица) с целью фиксации признаков преступления в деянии - в той мере, в какой это возможно на соответствующей процессуальной стадии.</p> <p>Согласно ст. 244 УПК РФ в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств,</p>
--	--	--	--	---

				<p>участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в п.1 - 6 ч.1 ст. 299 данного Кодекса, на рассмотрение всех иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства. Участие в деле близких родственников обвиняемого в качестве его защитников допускается только по ходатайству самого обвиняемого, только наряду с адвокатом (за исключением производства у мирового судьи) и только на судебной стадии производства по делу, т.е. в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) участие этих лиц как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства не предусматривается, как не предусматривается, по общему правилу, их участие в качестве законных представителей подозреваемого (обвиняемого). УПК РФ не предоставляет каким бы то ни было лицам правомочий по защите прав умершего подозреваемого (обвиняемого). Поскольку заинтересованные лица, прежде всего близкие родственники умершего, в таких случаях к участию в деле не допускаются, процессуальные решения, затрагивающие конституционные права подозреваемого (обвиняемого), а также права и законные интересы его близких родственников, принимаются соответственно дознавателем, следователем или судом - без участия стороны защиты.</p> <p>Следовательно, близкие родственники умершего подозреваемого (обвиняемого) не имеют возможности добиваться его реабилитации, что не согласуется с конституционным требованием обеспечения защиты чести, достоинства и доброго имени, а также прав, вытекающих из презумпции невиновности</p> <p>Таким образом, исходя из положений, закрепляющих принцип охраны государством достоинства личности, право каждого на защиту своей чести и доброго имени, состязательность и равноправие сторон судопроизводства, гарантии</p>
--	--	--	--	---

				<p>государственной, в том числе судебной, защиты прав и свобод человека и гражданина, принцип презумпции невиновности, при заявлении возражения со стороны близких родственников подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного дела в связи с его смертью орган предварительного расследования или суд обязаны продолжить предварительное расследование либо судебное разбирательство. При этом указанным лицам должны быть обеспечены права, которыми должен был бы обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), аналогично тому, как это установлено ч.8 ст. 42 УПК РФ применительно к умершим потерпевшим, ибо не предоставление возможности отстаивать в уголовном процессе свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами означало бы умаление чести и достоинства личности самим государством. (Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 года N 7-П).</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать взаимосвязанные положения п.4 ч.1 ст. 24 и п.1 ст. 254 УПК РФ, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, не соответствующими Конституции РФ.</p>
12	Постановление от 31 января 2011г. № 1-П	По делу о проверке конституционности положений	В жалобах заявителей по настоящему делу - ЗАО "Недвижимость-М", ООО "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И.	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются следующие нормативные положения: часть первая статьи 115 УПК Российской Федерации в части, предусматривающей наложение ареста на имущество лиц, несущих по закону

		<p>частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 УПК РФ и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Недвижимость-М", общества с ограниченной ответственностью "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И. Костаревой</p>	<p>Костаревой оспаривается конституционность ряда положений статьи 115 УПК РФ, регламентирующей применение в целях надлежащего исполнения приговора такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество, статьи 208 УПК Российской Федерации, предусматривающей основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия по уголовному делу, и статьи 126 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", устанавливающей последствия открытия конкурсного производства.</p>	<p>материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу; часть третья статьи 115 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с абзацем девятым пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", как регулирующие наложение ареста на имущество других, помимо указанных в части первой той же статьи, лиц, в отношении которых возбуждено дело о банкротстве и введена процедура конкурсного производства; часть девятая статьи 115 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с частью третьей той же статьи и пунктом 2 части первой статьи 208 данного Кодекса, как регулирующие применительно к случаям приостановления предварительного следствия по уголовному делу в связи с тем, что подозреваемый, обвиняемый скрылся от следствия, наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий.</p> <p>Конституция РФ закрепляет в ст. 34 (ч.1) право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и устанавливает в ст. 35, что право частной собственности охраняется законом (ч.1), каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч.2), никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч.3).</p> <p>Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Исходя из принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в отношении собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты</p>
--	--	---	---	---

				<p>основных прав. Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя регулирование права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом должен руководствоваться требованиями ее ст. 55 (ч.3).</p> <p>Как указал КС РФ в Постановлении от 16 июля 2008 года N 9-П, из статьи 55 (часть 3) вытекает, что ограничения права собственности, равно как и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данных конституционных прав.</p> <p>Предусматривая возможность предъявления гражданского иска, обеспечения и рассмотрения заявленных в нем требований в порядке уголовного судопроизводства, федеральный законодатель, исходя из связи причиненного вреда с преступным деянием, преследовал цель обеспечения более эффективной защиты субъективных гражданских прав и скорейшего доступа к правосудию. Следовательно, в производстве по гражданскому иску в уголовном деле, включая принятие обеспечительных мер в виде наложения ареста на имущество не должны создаваться препятствия для правильного и своевременного осуществления правосудия по уголовным делам, равно как не должно чрезмерно ограничиваться право собственности лица, на имущество которого наложен арест.</p> <p>Наложение ареста на имущество влечет для собственника соответствующего имущества ограничения в праве владеть, пользоваться и распоряжаться им и, следовательно, не может</p>
--	--	--	--	---

				<p>быть произвольным, - оно должно быть обусловлено предполагаемой причастностью конкретного лица к преступной деятельности или предполагаемым преступным характером происхождения (использования) конкретного имущества либо, как это предусмотрено частью первой статьи 115 УПК Российской Федерации, должно основываться на законе, устанавливающем материальную ответственность лица за действия подозреваемого или обвиняемого.</p> <p>Такое регулирование направлено прежде всего на защиту прав и законных интересов потерпевших от преступления, что само по себе не может рассматриваться как несправедливое и несоразмерное ограничение права собственности лиц, на которых законом возложена соответствующая материальная ответственность.</p> <p>Материальная ответственность как основание для наложения в порядке части первой статьи 115 УПК Российской Федерации ареста на имущество лица, которое само подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу не является, обусловлена возможным совершением подозреваемым, обвиняемым преступления, т.е. является ответственностью внедоговорной. Соответственно, сама эта норма не предполагает наложение ареста на имущество такого лица в случае, если в силу договора или закона оно должно нести материальную ответственность за неисполнение подозреваемым или обвиняемым своих обязательств, вытекающих из иного, нежели причинение вреда, основания.</p> <p>Установление особого режима имущественных требований к должнику, не допускающего удовлетворение этих требований в индивидуальном порядке направлено на предоставление им равных правовых возможностей при реализации экономических интересов, в том числе, когда имущества должника недостаточно для справедливого его распределения между кредиторами; при столкновении законных интересов</p>
--	--	--	--	--

				<p>кредиторов в процессе конкурсного производства решается задача пропорционального распределения среди кредиторов конкурсной массы (КС РФ в Постановлении от 12 марта 2001 года N 4-П,</p> <p>Исходя из этого часть третья статьи 115 УПК РФ во взаимосвязи с абзацем девятым пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не могут рассматриваться как допускающие в нарушение специального порядка удовлетворения в ходе конкурсного производства имущественных требований кредиторов, установленного Федеральным законом "О несостоятельности (банкротстве)", создание особых условий для защиты прав лиц, которые, будучи конкурсными кредиторами в деле о банкротстве лица, на имущество которого в рамках предварительного расследования по уголовному делу наложен арест, признаются гражданскими истцами по данному уголовному делу, - вне зависимости от фактических обстоятельств соответствующего уголовного.</p> <p>Иное означало бы подмену установленных федеральным законом частноправовых способов разрешения спора об имущественных правах публично-правовыми способами, ставящими отдельных конкурсных кредиторов в привилегированное положение лишь в силу их признания также субъектами уголовного судопроизводства.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положение ч.1 ст. 115 УПК РФ не противоречащим Конституции РФ,</p> <p>признать ч.3 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с абз.9 п.1 ст. 126 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" не</p>
--	--	--	--	---

				противоречащими Конституции РФ, признать ч.9 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с ч.3 той же статьи и п.2 ч. 1 ст. 208 данного Кодекса не соответствующими Конституции РФ
13	Постановление от 19 апреля 2010 г. N 8-П	По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда	ФЗ от 30.12.2008 г. N 321-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму" в п. 2 и 3 ч.2 ст. 30 "Состав суда" УПК РФ внесены изменения: дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, ч.2-4 ст.206, ч.1 ст.208, ч.1ст.212, статьями 275,276, 278, 279 и 281 УК РФ рассматриваются судом в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Конституционность вышеуказанного ФЗ в указанной части и конституционность положений п.2 и 3 ч.2 ст.30 УПК РФ в редакции данного Федерального закона оспаривается гражданами Р.Р. Зайнагутдиновым, Р.В. Кудаевым, Ф.Р. Файзулиным, А.Д. Хасановым и А.И. Шаваевым, обвиняемыми в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Свердловский областной суд (далее суд) просит проверить	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункты 2 и 3 ч.2 ст. 30 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 30.12.2008 года N 321-ФЗ) в той части, в какой уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 "Террористический акт", 278 "Насильственный захват власти или насильственное удержание власти" и 279 "Вооруженный мятеж" УК Российской Федерации, исключаются из подсудности суда с участием присяжных заседателей и передаются на рассмотрение суда в составе трех профессиональных судей; часть вторая статьи 325 УПК Российской Федерации, предусматривающая, что уголовное дело, в котором участвует несколько подсудимых, рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе. Право каждого на судебную защиту его прав и свобод как основное неотчуждаемое право человека закреплено в ст. 46 (ч 1) Конституции РФ признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и реализуется на основе принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 17, ч.1 и 2; ст. 19, ч1, Конституции). Правосудие в РФ осуществляется только судом (ст.118, ч 1), судьи независимы и подчиняются только Конституции и ФЗ (ст. 120, ч1), никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности

		<p>конституционность ч.2 ст. 325 УПК РФ, предусматривающей, что уголовное дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей в отношении всех подсудимых, если хотя бы один из них заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе.</p> <p>Как утверждают заявители, в результате применения в их делах п. 2 и 3 ч2 ст. 30 УПК РФ в редакции ФЗ от 30.12.2008 г. N 321-ФЗ они - в нарушение статей 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 20 (часть 2), 32 (часть 5), 45, 47, 55 и 64 Конституции РФ - были лишены права на рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.</p> <p>По мнению Свердловского областного суда, часть вторая ст.325 УПК РФ не позволяет обвиняемым реализовать предусмотренное частью второй статьи 30 УПК РФ право на рассмотрение их дела судом в ином составе, нарушает гарантированные Конституцией РФ равенство всех перед законом и судом (ст. 19, ч.1), право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не</p>	<p>которых оно отнесено законом (ст. 47, ч1).</p> <p>Конституция предусматривает применительно к уголовному судопроизводству и форму такого участия - в качестве присяжных заседателей, по которым в случаях, предусмотренных ФЗ, обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.</p> <p>Право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не относится к числу основных прав, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. По смыслу ст. 47 (ч 2) Конституции во взаимосвязи с ее ст123 (ч4), данное право не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, которое не подлежит изменению иначе как в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации</p> <p>По мнению Европейского Суда по правам человека, при наличии в системе уголовной юстиции конкретного государства суда с участием присяжных принцип справедливого судебного разбирательства, по смыслу п.1 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не предполагает при предъявлении уголовного обвинения обязательного признания права на такой суд (решения о приемлемости жалоб от 17 .09.2002 г "Климентьев против России").</p> <p>Таким образом, суд с участием присяжных заседателей, будучи одной из процессуальных форм осуществления уголовного судопроизводства, не является обязательным условием обеспечения судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей признано в Постановлении КС РФ от 2.02.1999 г. N 3-П особой и гарантией судебной защиты, прямо предусмотренной самой Конституцией РФ в статье 20 (часть 2) лишь в отношении обвиняемого в преступлении, за совершение</p>
--	--	--	--

			<p>запрещенными законом (ст. 45, ч. 2), а также осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 123, ч.3).</p>	<p>которого федеральным законом устанавливается исключительная мера наказания - смертная казнь.</p> <p>Разъясняя данное Постановление, КС РФ в Определении от 19.11.2009 г N 1344-О-Р пришел к выводу, что в РФ в настоящее время действует конкретизирующий закрепленные Конституцией гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, т.е. на реализацию цели, закрепленной ст.20 (ч. 2) Конституции. Кроме того КС РФ подтвердил, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории РФ не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.</p> <p>В контексте действующего правового регулирования положения федерального законодательства о смертной казни как виде уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения в настоящее время применяться не могут, и на федерального законодателя более не возлагается обязанность обеспечивать обвиняемому в качестве гарантии судебной защиты права на жизнь возможность быть судимым судом с участием присяжных заседателей.</p> <p>УК РФ (статья 205) террористический акт отнесен к особо тяжким преступлениям .Средством для достижения конечной цели террористов - оказания воздействия на принятие решения органами публичной власти - служит устрашение населения. При этом общественно опасный способ совершения деяния указывает на то, что направленность террористических актов на устрашение населения предполагает их широкую огласку, с тем чтобы вызывать страх у людей, справедливо опасющихся за</p>
--	--	--	--	---

				<p>свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества; угроза же совершения террористического акта выражается в доведении до сведения широких слоев населения, правоохранительных органов, других органов власти информации о намерении совершить указанные действия.</p> <p>В целях оптимального обеспечения эффективности борьбы с терроризмом как одним из основных источников угроз безопасности человека, общества и государства был принят ФЗ от 30.12.2008 года N 321-ФЗ".</p> <p>УПК РФ устанавливает определенный приоритет суда с участием присяжных заседателей при допуске им выборе обвиняемыми состава суда для рассмотрения конкретного уголовного дела. ФЗ от N 321-ФЗ, изменивший предметную подсудность уголовных дел о терроризме и связанных с ним преступлениях, передав их на рассмотрение суда, состоящего из профессиональных судей, исключил возможность ходатайствовать о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей для обвиняемых в преступлениях, предусмотренных в том числе статьями 205, 278 и 279 УК РФ.</p> <p>Субъективное право обвиняемого на рассмотрение его дела определенным составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом, возникает с момента принятия судом решения о назначении уголовного дела к слушанию, вынося которое суд руководствуется процессуальным законом, действующим во время принятия данного решения.</p> <p>Следовательно, ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, заявленное ранее на предварительном следствии в порядке ст 217 УПК РФ в период действия прежнего процессуального закона, не подлежит удовлетворению судом по результатам предварительного слушания, если на момент принятия соответствующего решения суда действует закон, которым рассмотрение данного дела не отнесено к подсудности суда с</p>
--	--	--	--	---

				<p>участием присяжных заседателей. Иное не только нарушало бы правила о действии закона во времени, но и не соответствовало бы принципу законного суда, закрепленному в ст. 47 (ч. 1) Конституции</p> <p>Ст. 325 УПК РФ корреспондирует правилу п. 1 ч5 ст. 217 УПК РФ, в силу которого если один или несколько обвиняемых отказываются от суда с участием присяжных заседателей, то следователь решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство; при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.</p> <p>УПК РФ допускает выделение уголовных дел в отношении обвиняемых, отказывающихся от рассмотрения их дела судом с участием присяжных заседателей, в отдельное производство, в том числе по ходатайству о рассмотрении дела коллегией из трех судей или о применении особого порядка судебного разбирательства (п.1, 1.1 и 2 ч. 5 ст. 217), при условии, что это не отразится на всесторонности и объективности рассмотрения и разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 154).</p> <p>Не исключается принятие и самим судом решения о раздельном рассмотрении дел. Ни приостановление судом производства в отношении одного из подсудимых, ни решение о возвращении уголовного дела прокурору, предполагающие раздельное рассмотрение уголовных дел в отношении подсудимых, не являются препятствием для продолжения судебного разбирательства, в качестве основания, препятствующего дальнейшему судебному разбирательству, названа необходимость лишь соединения, но не выделения уголовных дел.</p> <p>Соответственно, статья 325 УПК РФ - по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства - не исключает возможность разделения</p>
--	--	--	--	--

				<p>судом уголовных дел и в случае возражения части подсудимых против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, поскольку именно суду в конечном счете принадлежит право определять надлежащие процедуры для рассмотрения конкретного уголовного дела, в том числе для постановления приговора в особом порядке, оценивая достаточность либо недостаточность оснований для применения таких процедур и возможность обеспечить всесторонность и объективность рассмотрения обвинений в отношении других подсудимых</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 года N 321-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму") не противоречащими Конституции РФ;</p> <p>признать положение части второй статьи 325 УПК РФ не противоречащим Конституции РФ.</p>
14	Постановление от 16 июля 2008 г. N 9-П	По делу о проверке конституционности положений статьи 82 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.В.	20 сентября 2005 года Московско-Смоленской транспортной прокуратурой города Москвы по факту перемещения в 2004 году через таможенную границу Российской Федерации двух вертолетов марки "BELL 407" было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью первой	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения подпункта "в" пункта 1 части второй и части четвертой статьи 82 УПК Российской Федерации, как позволяющие осуществлять реализацию изъятого в качестве вещественного доказательства имущества в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых

		<p>Костылева. статьи 188 "Контрабанда" УК Российской Федерации. Данные вертолеты, один из которых был приобретен на основании агентского договора гражданином В.В. Костылевым, постановлениями следователя линейного отдела внутренних дел на станции Москва-Белорусская были признаны вещественными доказательствами и переданы на ответственное хранение уполномоченным организациям Российского фонда федерального имущества. Жалоба В.В. Костылева на эти постановления Тверским районным судом города Москвы была удовлетворена частично: указав, что передача вертолета марки "BELL 407" (серийный номер 53605) на ответственное хранение собственнику не причинит какого-либо ущерба доказыванию по уголовному делу, суд Постановлением от 22 марта 2006 года признал действия и решения следователя в части, касающейся передачи этого вертолета на ответственное хранение ООО "РоДан М", необоснованными и обязал его устранить допущенные нарушения.</p>	<p>соизмеримы с их стоимостью, по постановлению дознавателя, следователя или судьи.</p> <p>В соответствии с Конституцией Российской Федерации признание, соблюдение и защита права частной собственности, относящегося к основным правам, неотчуждаемым и принадлежащим человеку от рождения, составляет обязанность государства; при этом в Российской Федерации равным образом признаются и защищаются также иные формы собственности, в том числе публичная собственность - государственная и муниципальная (статья 2; статья 8, часть 2; статья 17, часть 2).</p> <p>Будучи одной из основ конституционного строя Российской Федерации, право частной собственности, как следует из статьи 18 Конституции Российской Федерации, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием. Исходя из этого статья 35 Конституции Российской Федерации предписывает, что право частной собственности охраняется законом (часть 1); каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими (часть 2); никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда; принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (часть 3). В приведенных положениях Конституции Российской Федерации выражен, по сути, один из основополагающих аспектов верховенства права - общепризнанный в цивилизованных государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, таких как</p>
--	--	--	---

		<p>Между тем по Постановлению следователя Московско-Смоленской транспортной прокуратуры города Москвы от 16 мая 2006 года, посчитавшего, что хранение такого громоздкого вещественного доказательства, как воздушное судно, затруднено и требует высоких затрат, соизмеримых с его стоимостью, принадлежащий В.В. Костылеву вертолет был передан на реализацию в Российский фонд федерального имущества и 9 июня 2006 года приобретен ООО "Мастер-брокер". Судья Пресненского районного суда города Москвы согласился с выводом о нецелесообразности дальнейшего хранения вертолетов и Постановлением от 12 декабря 2006 года оставил жалобу В.В. Костылева на постановление следователя без удовлетворения.</p>	<p>владение, пользование и распоряжение своим имуществом. Этому корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституция Российской Федерации, наделяя федерального законодателя определенной дискрецией при регулировании права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом (статья 71, пункты "в", "о"), закрепляет в статье 55 (часть 3), что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из данной нормы во взаимосвязи со статьями 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 и 35 Конституции Российской Федерации вытекает, что ограничения права собственности, равно как и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности могут вводиться федеральным законом, если только они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности), носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данного конституционного права. Согласно статье 235 ГК Российской Федерации право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом (пункт 1); принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производится обращение взыскания на имущество по обязательствам,</p>
--	--	--	--

				<p>отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу, отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием участка, выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей, домашних животных, реквизиция, конфискация, отчуждение имущества в иных случаях, предусмотренных данным Кодексом(пункт 2).</p> <p>Следовательно, прекращение права собственности возможно либо по воле самого собственника, либо в силу обстоятельств, которые не могут рассматриваться как действия третьих лиц, специально направленные на прекращение права собственности, либо в результате принудительного изъятия имущества у собственника на законных основаниях.</p> <p>В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предметы (в том числе имущество, которое получено в результате совершения преступления или может служить средством для установления обстоятельств уголовного дела), признанные вещественными доказательствами, приобщаются к уголовному делу (часть вторая статьи 81); вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением предусмотренных законом случаев; когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда (часть первая статьи 82).</p> <p>Согласно части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах; при этом</p>
--	--	--	--	--

				<p>орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются (пункт 1), предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются (пункт 2), предметы, не представляющие ценности и не истребованные стороной, подлежат уничтожению, а в случае ходатайства заинтересованных лиц или учреждений могут быть переданы им (пункт 3), деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу (пункт 4), деньги, ценности и иное имущество, указанные в пунктах "а" - "в" части первой статьи 104.1 УК Российской Федерации, подлежат конфискации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 4 данной части (пункт 4.1), документы, являющиеся вещественными доказательствами, остаются при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего либо передаются заинтересованным лицам по их ходатайству (пункт 5), остальные предметы передаются законным владельцам, при не установлении последних - переходят в собственность государства, а споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства (пункт 6). Частью четвертой той же статьи предусматривается, что предметы, изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты.</p> <p>Соответственно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации определяются полномочия следователя при вынесении постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования принимать решение о вещественных доказательствах (пункт 9 части первой статьи</p>
--	--	--	--	--

				<p>213) и правомочие суда при постановлении приговора разрешать вопросы о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере и как поступить с вещественными доказательствами, а также с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации (пункты 10, 11 и 12 части первой статьи 299).</p> <p>Как следует из приведенных законоположений, устанавливающих общий порядок решения вопросов о вещественных доказательствах, лишение лица его имущества, признанного вещественным доказательством, происходит в результате вынесения судебного решения по существу уголовного дела, что корреспондирует требованию статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, и предписаниям статьи 235 ГК Российской Федерации, закрепляющей основания прекращения права собственности.</p> <p>К числу положений, позволяющих окончательно определять судьбу вещественных доказательств еще до завершения производства по уголовному делу, относятся и взаимосвязанные положения подпункта "в" пункта 1 части второй и части четвертой статьи 82 УПК Российской Федерации. Предусмотренная ими мера (передача для реализации соответствующих вещественных доказательств по постановлению дознавателя, следователя или судьи) направлена не на временное изъятие имущества и его хранение в качестве вещественного доказательства, с тем чтобы создать условия для принятия обоснованного и мотивированного решения по существу уголовного дела, - она имеет целью избежать затруднений или значительных издержек по обеспечению специальных условий хранения громоздких вещей, больших партий товаров и т.п. В результате имеет место</p>
--	--	--	--	--

				<p>не временное изъятие имущества у собственника, а его отчуждение, т.е. собственник лишается своего имущества в смысле статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации. В такой ситуации последующий судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры не может быть признан эффективной гарантией права собственности.</p> <p>Принудительное изъятие имущества, влекущее за собой прекращение права собственности на это имущество, по сути, является лишением имущества и, следовательно, - в силу требований полной и эффективной судебной защиты права собственности и критериев справедливого судебного разбирательства (статьи 35 и 46 Конституции Российской Федерации, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) - невозможно без предварительного судебного контроля и принятия соответствующего судебного акта. Именно поэтому закрепленное в статье 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации право может считаться обеспеченным лишь при условии, что вопрос о лишении имущества, отнесенного к таким вещественным доказательствам, которые указаны в подпункте "в" пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации, может быть решен только в результате рассмотрения дела по существу. Иное в данном случае означало бы - в нарушение конституционных гарантий права собственности - лишение собственника или законного владельца его имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора, которым в соответствии со статьей 81 и пунктом 2 части первой статьи 309 УПК Российской Федерации решается вопрос об этом имуществе как вещественном доказательстве, и - в случае, когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского</p>
--	--	--	--	---

				<p>судопроизводства, - до вступления в силу решения суда.</p> <p>Таким образом, установленное подпунктом "в" пункта 1 части второй во взаимосвязи с частью четвертой статьи 82 УПК Российской Федерации ограничение права собственности не может быть признано правомерным с точки зрения требований, вытекающих из статей 8 (часть 2), 35 (части 1 - 3), 46 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку применительно к указанным в данных законоположениях вещественным доказательствам избранные федеральным законодателем средства несоразмерны преследуемым целям. Оно не является необходимым, поскольку предполагаемые цели, ради которых оно введено, могут быть достигнуты иными, адекватными средствами, в частности предусмотренными в подпунктах "а" и "б" пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации, которые во всяком случае не влекут за собой лишение собственника или законного владельца его имущества до разрешения дела по существу. Вместе с тем, исходя из исключительной публичной ответственности государства за организацию уголовного судопроизводства, федеральный законодатель вправе в развитие действующего правового регулирования хранения, учета и передачи вещественных доказательств внести в него изменения и дополнения, основываясь на требованиях Конституции Российской Федерации и настоящем Постановлении.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать взаимосвязанные положения подпункта "в" пункта 1 части второй и части четвертой статьи 82 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации</p>
--	--	--	--	---

				Федерации.
15	Постановление от 20 ноября 2007 г. N 13-П	По делу о проверке конституционности 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К.Матвеева	Граждане С.Г. Абламский, О.Б. Лобашова и В.К. Матвеев просят признать не соответствующими Конституции Российской Федерации ряд положений УПК РФ, которыми регламентируется производство по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости. Неконституционность статей 402 и 444, а также части первой статьи 445 УПК Российской Федерации О.Б. Лобашова усматривает в том, что содержащиеся в них нормы, не включая лицо, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера, в число участников уголовного судопроизводства, имеющих право обжаловать решения суда о применении и продлении принудительных мер медицинского характера и могущих инициировать рассмотрение вопроса о прекращении применения этих мер, лишают ее права на	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются находящиеся в нормативном единстве положения статьи 402, части третьей статьи 433, статей 437 и 438, частей третьей и шестой статьи 439, части первой статьи 441, статьи 444 и части первой статьи 445 УПК Российской Федерации, на основании которых определяются процессуальные права лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а именно прав на личное ознакомление с материалами уголовного дела, на участие в судебном заседании при его рассмотрении, на заявление ходатайств, инициирование рассмотрения вопроса об изменении и прекращении применения таких мер и обжалование принятых по делу процессуальных решений. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и - исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, - возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1). Неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения (статья 17, часть 2, Конституции Российской Федерации) предполагает недопустимость какого бы то ни было их умаления, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. Права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации; при этом общепризнанные принципы и нормы международного

		<p>самостоятельное обращение в суд за защитой своих прав и тем самым противоречат статьям 45 и 46 Конституции Российской Федерации. Не соответствующими Конституции Российской Федерации заявительница просит признать и те нормы главы 51 УПК Российской Федерации, которые, как она полагает, не предоставляют лицам, в отношении которых ведется производство или уже принято решение о применении принудительных мер медицинского характера, право знакомиться с затрагивающими их права решениями и участвовать в судебном заседании, т.е. часть третью статьи 433, части третью и шестую статьи 439 и часть первую статьи 441.</p> <p>Кроме того, О.Б. Лобашова утверждает, что используемое как в главе 51 УПК Российской Федерации (часть вторая статьи 443, часть шестая статьи 445), так и в главе 15 УК Российской Федерации (часть третья статьи 102, часть вторая статьи 104) в связи с регламентацией оснований для применения, продления, изменения и прекращения</p>	<p>права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (статья 15, часть 4; статья 17, часть 1, Конституции Российской Федерации). Соответственно, часть третья статьи 1 УПК Российской Федерации закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, то применяются правила международного договора.</p> <p>Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника (подпункт "d" пункта 3 статьи 14). Право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия, закреплено также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт "с" пункта 3 статьи 6).</p> <p>Конкретизируя приведенные положения международно-правовых актов применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты</p>
--	--	--	---

		<p>применения принудительных мер медицинского характера понятие "психическое состояние" является юридически неопределенным и порождает произвольное применение этих мер, что противоречит статьям 19 и 46 Конституции Российской Федерации.</p> <p>В.К. Матвеев просит признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19, 45, 46 (части 1 и 2), 50 (часть 3) и 55 (часть 3), взаимосвязанные положения статей 437, 438 и 444 УПК Российской Федерации, как не предусматривающие обжалование постановления о применении принудительных мер медицинского характера самим лицом, в отношении которого эти меры применяются. Кроме того, он оспаривает конституционность части первой статьи 437 УПК Российской Федерации, как не обеспечивающей обязательное привлечение к участию в производстве о применении принудительных мер медицинского характера законного представителя лица, в отношении которого ведется данное производство.</p>	<p>17 декабря 1991 года Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/119) предусматривают право любого психически больного лица на осуществление всех признанных международными нормами гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, т.е. установления в связи с психическим заболеванием лица таких отличий, исключений или предпочтений, следствием которых являются отрицание или ограничение равенства в реализации прав (пункты 4 и 5 принципа 1); в отношении же лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, если предполагается или установлено, что они страдают психическим заболеванием, общие принципы защиты подлежат применению в полном объеме с такими минимальными, необходимыми в данных обстоятельствах изменениями и исключениями, которые не будут наносить ущерб их правам (принцип 20); при этом государства обязаны обеспечивать наличие соответствующих механизмов для соблюдения данной Резолюции, в том числе в части разрешения жалоб (принцип 22).</p> <p>В ряде других документов - рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818(1977) "О положении психически больных", рекомендациях Комитета Министров Совета Европы N R(83)2 "Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке", N R(99)4 "О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых", Rec (2004)10 "Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством" государствам - членам Совета Европы предложено установить, чтобы судебные решения не принимались только на основании медицинских заключений, а пациенту с психическим заболеванием, как и любому другому лицу, было обеспечено</p>
--	--	--	--

				<p>право быть выслушанным и чтобы в случаях предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства присутствовал адвокат; лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все свои гражданские и политические права, а любые их ограничения допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания.</p> <p>С названными положениями международных актов соотносятся предписания Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", согласно части первой статьи 5 которой лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами; ограничение же прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации, как это следует из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.</p> <p>3. Согласно части третьей статьи 433 и части первой статьи 441 УПК Российской Федерации производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, осуществляется в порядке, установленном данным Кодексом с изъятиями, предусмотренными его главой 51.</p> <p>Лица, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, непосредственно не упомянуты ни в разделе II УПК Российской Федерации в числе участников уголовного судопроизводства - в отличие от других лиц, в отношении которых также осуществляется преследование, но которые</p>
--	--	--	--	---

				<p>способны нести уголовную ответственность (подозреваемые и обвиняемые), ни в самой главе 51 УПК Российской Федерации - в числе тех субъектов, которым в соответствии с правилами данной главы разъясняется право знакомиться с материалами уголовного дела, которые уведомляются о прекращении уголовного дела или о направлении его в суд для применения принудительной меры медицинского характера с вручением копии соответствующего постановления и которые наделены правом участвовать в судебном заседании при его рассмотрении (части третья и шестая статьи 439, часть первая статьи 441); не отнесены они и к имеющим право обжаловать постановления суда в кассационном и надзорном порядке (статьи 402 и 444) и право инициировать прекращение или изменение принудительной меры медицинского характера (часть первая статьи 445). В силу статей 437 и 438 УПК Российской Федерации перечисленные права осуществляются законным представителем и защитником лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.</p> <p>Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Поэтому такому лицу, хотя оно и не привлекается к уголовной ответственности, должны обеспечиваться равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется преследование, процессуальные права, - тем более что, как следует из пункта 3 части второй статьи 29, пункта 16 части четвертой статьи 47, пункта 4 части третьей статьи 49, пункта 3 статьи 196 и статьи 203 УПК Российской Федерации, до получения результатов судебно-психиатрической экспертизы лицо, в отношении которого она проводилась, по своему статусу являлось обвиняемым или</p>
--	--	--	--	--

				<p>подозреваемым и, таким образом, уже обладало соответствующими процессуальными правами (статьи 46 и 47 УПК).</p> <p>Конституционное право на судебную защиту в его истолковании Конституционным Судом Российской Федерации предполагает, прежде всего, право каждого на обращение в суд самостоятельно либо через своего представителя, законного представителя или защитника; при этом, по смыслу правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 3 мая 1995 года N 4-П, от 16 марта 1998 года N 9-П, от 17 ноября 2005 года N 11-П и от 20 февраля 2006 года N 1-П, правомочие лично обращаться к суду за защитой своих прав и свобод имеет универсальный характер и является неотъемлемым элементом нормативного содержания данного права. Указанного правомочия не могут быть лишены и лица, в отношении которых разрешается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера либо об их продлении, изменении или прекращении.</p> <p>Именно такое регулирование предусмотрено для решения вопросов, связанных с признанием лиц недееспособными и их госпитализацией в психиатрический стационар в недобровольном порядке, в гражданском судопроизводстве, где допускается личное участие лица в судебном заседании, если это возможно по его состоянию здоровья; если же по сведениям, полученным от представителя психиатрического учреждения, психическое состояние лица не позволяет ему лично участвовать в рассмотрении вопроса о его госпитализации в проводимом в помещении суда судебном заседании, то заявление о принудительной госпитализации гражданина рассматривается судьей в психиатрическом стационаре; признается также право на личное заявление ходатайств и обжалование в суд нарушающих права и свободы</p>
--	--	--	--	---

				<p>граждан действий и решений медицинских и иных работников при оказании лицу психиатрической помощи, а также право лично обжаловать в кассационном и надзорном порядке решение суда о госпитализации в недобровольном порядке, о продлении ее сроков, о признании лица недееспособным (часть первая статьи 284, часть первая статьи 304, статья 336 и часть первая статьи 376 ГПК Российской Федерации, часть вторая статьи 34, часть третья статьи 35 и часть вторая статьи 37 Закона Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании").</p> <p>Отсутствие в нормах главы 51 УПК Российской Федерации аналогичных прямых предписаний относительно прав, предоставленных лицам, страдающим психическими расстройствами, в уголовном судопроизводстве, истолковывается в правоприменительной практике как позволяющее не учитывать фактическую способность лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в производстве по делу и самостоятельно осуществлять процессуальные действия, направленные на защиту своих интересов.</p> <p>В процессе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данной сфере федеральный законодатель вправе - исходя из конституционного принципа равенства, не допускающего различное регулирование однородных по своей юридической природе отношений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года N 9-П), - в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий осуществить дифференцированное регулирование прав указанных лиц с учетом их психического состояния и способности лично участвовать в уголовном судопроизводстве. Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи</p>
--	--	--	--	---

				71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил: признать не соответствующими Конституции Российской Федерации.
16	Постановление от 16 мая 2007 г. N 6-П		В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации президиум Курганского областного суда утверждает, что положения статьи 237, пункта 2 части второй и части третьей статьи 413 и статьи 418 УПК Российской Федерации, как необоснованно сужающие конституционные полномочия суда по осуществлению правосудия и ограничивающие конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина, включая право на судебную защиту, противоречат статьям 17 (часть 1), 19, 21 и 46 Конституции Российской Федерации. Так, приговором районного суда от 10.03.2005 года гражданка Е.Л. Акимова была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ, хотя еще до вынесения приговора потерпевший по данному уголовному делу скончался в больнице, причем	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения пункта 2 части второй и части третьей статьи 413 и статьи 418 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьей 237, как позволяющие отказывать в возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при установлении возникших после завершения досудебного производства фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях осужденного или оправданного признаков более тяжкого преступления. В Конституции Российской Федерации основные начала взаимоотношений демократического правового государства и личности права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод. В рамках уголовного преследования лицам, в отношении которых осуществляется такое преследование, иным заинтересованным лицам, в том числе пострадавшим в результате преступления, гарантируется защита их прав и свобод, включая право в установленном федеральным законом порядке обжаловать вынесенные в отношении них процессуальные решения и добиваться тем самым пересмотра этих решений, как нарушающих их права и законные интересы (статья 46, часть 2; статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации). Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации

		<p>смерть его, как было установлено уже после вступления приговора в законную силу, находилась в непосредственной причинно-следственной связи с нанесенной ему колото-резаной раной.</p> <p>Прокурор, полагая, что при таких обстоятельствах уголовное дело подлежит пересмотру в связи с необходимостью привлечения ее к ответственности за более тяжкое преступление, внес в президиум областного суда заключение о возобновлении производства по делу в порядке главы 49 УПК РФ. Однако президиум пришел к выводу, что возобновление производства по делу невозможно, поскольку указанное в заключении прокурора обстоятельство не относится к числу новых или вновь открывшихся обстоятельств, как они определены в статье 413 УПК РФ, статьи 237 и 418 УПК Российской Федерации не предоставляют суду, полномочие возвратить уголовное дело прокурору для учета при формулировании обвинения ранее не существовавших последствий преступления, могущих повлечь изменение положения осужденного в сторону</p>	<p>Федерации, правосудие признается таковым лишь при условии, что оно отвечает закрепленному в Конституции Российской Федерации, ее вводных положениях, а также в международно-правовых документах требованию справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.</p> <p>Ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите конституционных ценностей, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам.</p> <p>Судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности - неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на законность, обоснованность и справедливость судебного акта.</p> <p>Гарантируя в статьях 21, 46 (часть 1) и 52 государственную охрану достоинства личности, право на защиту своих прав и свобод в суде и на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, Конституция РФ предполагает необходимость обеспечения восстановления в полном объеме нарушенных преступлением прав и законных интересов.</p> <p>Несмотря на то что, как отмечается в Постановлениях КС РФ от 24 апреля 2003 года N 7-П и от 27 июня 2005 года N 7-П, лица, пострадавшие от преступлений, в силу особенностей своего статуса не наделяются правом предопределять осуществление уголовного преследования и его пределы, им должна предоставляться государственная защита и обеспечиваться возможность собственными действиями добиваться восстановления своих прав и законных интересов, в</p>
--	--	---	--

			ухудшения.	<p>том числе в рамках производства по уголовному делу.</p> <p>По смыслу приведенных законоположений, при возникновении новых фактических обстоятельств, могущих послужить основанием для ухудшения положения лица, оправданного или осужденного по уголовному делу, суд, рассматривающий соответствующее заключение прокурора, должен принять решение об отмене приговора и передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства.</p> <p>В системе действующего уголовно-процессуального регулирования принятие судом каких-либо решений, ведущих к изменению положения обвиняемого в худшую для него сторону, невозможно как в силу предписаний статьи 413 УПК РФ, так и в связи с отсутствием процессуального механизма, обеспечивающего принятие таких решений.</p> <p>Даже в случае отмены приговора и передачи уголовного дела для производства нового судебного разбирательства суд первой инстанции, повторно рассматривая это дело, был бы связан пределами предъявленного ранее и сформулированного в обвинительном заключении (обвинительном акте) обвинения. Не открывает возможность для принятия такого решения и правовая позиция КС РФ, согласно которой часть первая статьи 237 УПК РФ не исключает правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не обусловлено необходимостью восполнения неполноты проведенного дознания или предварительного следствия, поскольку данная правовая позиция, изложенная в Постановлении от 8 декабря 2003 года N 18-П, непосредственно не распространяется на случаи, связанные с необходимостью исследования новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые ранее не были и не</p>
--	--	--	------------	---

				<p>могли быть известны органам предварительного расследования.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать не соответствующими положения пункта 2 части второй и части третьей статьи 413 и статьи 418 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьей 237 Конституции РФ.</p>
17	<p>Постановление от 20 апреля 2006 г. N 4-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации", Федерального закона "О внесении</p>	<p>Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова, А.С. Алексеева, и др., осужденных за совершение преступлений, ответственность за которые была смягчена Федеральным законом от 8 декабря 2003 года "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации".</p> <p>Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации часть вторая статьи 10 УК Российской Федерации, часть вторая статьи 3 Федерального закона от 13 июня 1996 года "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации" (в редакции</p>	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть вторая статьи 10 УК Российской Федерации, которая по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, в системе действующего уголовно-процессуального регулирования не допускает в связи с изданием нового уголовного закона, смягчающего ответственность за преступление, снижение назначенного осужденному наказания ниже верхнего предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции этого закона.</p> <p>Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства (статья 2). Будучи непосредственно действующими, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18 Конституции Российской Федерации).</p> <p>Характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их</p>

	<p>изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и ряда положений УПК РФ, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других.</p>	<p>Федерального закона от 27 декабря 1996 года N 161-ФЗ), Федеральный закон от 8 декабря 2003 года "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и положения статей 396, 397, 399, 402-410, 413 и 415 УПК Российской Федерации, конституционность которых оспаривается заявителями.</p> <p>В своих жалобах граждане просят признать названную норму нарушающей их права, гарантированные статьями 19 (часть 1), 50 (часть 3), 54 (часть 2), 55 (часть 2) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.</p> <p>Оспаривается конституционность части второй статьи 10 УК Российской Федерации, устанавливающей, что если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом.</p> <p>Конституционность ряда положений статей 396, 397 и 399 УПК Российской Федерации, регламентирующих порядок</p>	<p>обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний. В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель - исходя из указанных конституционных принципов - обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями.</p> <p>Устанавливая в статье 54 (часть 2) в качестве гарантии защиты достоинства личности и ее прав в сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений правило, согласно которому никто не может нести ответственность за деяние, не признававшееся правонарушением в момент его совершения, и исключая тем самым возможность возложения на граждан ответственности за деяния, общественная опасность которых в момент совершения ими не осознавалась и не могла осознаваться ввиду отсутствия в законе соответствующего правового запрета, Конституция Российской Федерации создает необходимые предпосылки определенности их правового положения. Одновременно, исходя из общеправовых принципов гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, Конституция Российской Федерации в той же статье 54 (часть 2) предписывает, что в случае устранения или смягчения новым законом ответственности за совершенное правонарушение применяется новый закон.</p> <p>Статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации коррелируют положения пункта 1 статьи 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункта 1 статьи 15</p>
--	--	--	---

			<p>разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора.</p> <p>Как утверждают заявители, эти законоположения не закрепляют эффективный процессуальный механизм, который позволял бы в случае издания нового уголовного закона, устранившего или смягчающего ответственность за преступление, снижать назначенное осужденному наказание в рамках соответствующих статей Особенной части и Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции этого закона, а не только до указанного в той или иной статье Особенной части верхнего предела наказания. Кроме того, гражданин О.П. Аринин настаивает на признании Федерального закона от 8 декабря 2003 в целом не соответствующим статьям 54 (часть 2) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации.</p>	<p>Международного пакта о гражданских и политических правах.</p> <p>Из статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, во взаимосвязи со статьями 19 (часть 1), 46 (часть 2), 47 (часть 1), 50 (часть 3), 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, закрепляющими равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, право на обжалование и пересмотр неправосудных судебных решений, осуществление правосудия только судом и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.</p> <p>В сфере уголовного судопроизводства суды в этих целях наделяются полномочиями, как установление виновности или невиновности обвиняемых в совершении преступлений и вынесение соответствующих приговоров (статья 49, часть 1), пересмотр приговоров, вынесенных нижестоящей судебной инстанцией (статья 50, часть 3), а также приведение ранее вынесенных приговоров в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление (статья 54, часть 2). Осуществление указанных полномочий должно подчиняться требованиям законности, обоснованности, справедливости, которые Конституция Российской Федерации и федеральные законы предъявляют к актам правосудия.</p> <p>Согласно статье 10 УК Российской Федерации уголовный закон, устранивший преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих</p>
--	--	--	---	---

				<p>судимость (часть первая); если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом (часть вторая).</p> <p>Ни статья 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, ни пункт 1 статьи 15 Международного пакта о гражданских и политических правах не содержат норм, которые допускали бы возможность ограничения действия закрепленных в них правил в зависимости от видов правонарушений, категорий лиц, их совершивших, или каких-либо иных обстоятельств. Так же и по буквальному смыслу части первой статьи 10 УК Российской Федерации закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение - в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил его Общей части, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином.</p> <p>Иное, ограничительное, истолкование части второй статьи 10 УК Российской Федерации, а именно как допускающей возможность снижения назначенного осужденному наказания только до верхнего предела санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, имевшее место в том числе при принятии правоприменительных решений по уголовным делам граждан - заявителей по настоящему делу, не соответствует буквальному смыслу данной нормы и не вытекает из положений Конституции Российской Федерации, предопределяющих ее</p>
--	--	--	--	--

				<p>содержание и значение в системе действующего уголовно-правового регулирования.</p> <p>Такое истолкование названной нормы, не учитывающее устанавливаемые новым законом юридическую оценку того или иного деяния как менее тяжкого, более низкие пределы подлежащего применению наказания или более мягкие правила его назначения, влекло бы переоценку степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в неблагоприятную для осужденного сторону по сравнению с тем, как они отражены в ранее принятых судебных решениях, что не только ограничивало бы гарантируемое статьей 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации право осужденного на применение уголовного закона, смягчающего ответственность, но и могло бы повлечь определенное, как формально-правовое, так и фактическое, ухудшение его положения.</p> <p>Между тем, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 мая 2005 года N 5-П поворот к худшему для осужденного при пересмотре вступившего в законную силу приговора, за исключением случаев, когда при его постановлении были допущены фундаментальные, имеющие принципиальный характер нарушения, недопустим. Тем более недопустимо изменение в худшую сторону положения осужденного в связи с решением вопроса о приведении вынесенного в отношении него приговора в соответствие с новым уголовным законом, смягчающим ответственность за совершенное преступление, поскольку при этом искажались бы сама сущность такого закона и выраженная в нем воля законодателя.</p> <p>Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству применение нового уголовного закона, устраняющего или смягчающего ответственность за</p>
--	--	--	--	--

				<p>преступление и, следовательно, имеющего обратную силу, может осуществляться на любых стадиях уголовного судопроизводства, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая пересмотром вступивших в законную силу судебных решений и исполнением приговора.</p> <p>Порядок приведения вступившего в законную силу приговора в соответствие с новым уголовным законом непосредственно регламентируется лишь применительно к стадии исполнения приговора.</p> <p>Вступивший в законную силу приговор может быть приведен в соответствие с новым уголовным законом и путем его пересмотра в надзорном порядке, который, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, осуществляется соответствующим судом надзорной инстанции (статья 403) по надзорному представлению прокурора или надзорной жалобе осужденного, его защитника или законного представителя (статьи 402 и 404) в судебном заседании с участием сторон (статья 407) и может выражаться в отмене или изменении постановленных по уголовному делу приговора и последующих судебных решений (статьи 408 и 410).</p> <p>Названные процедуры - независимо от того, в какой из них будет разрешаться вопрос о приведении ранее принятых по уголовному делу судебных решений в соответствие с уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, - должны обеспечивать конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.</p> <p>Рассмотрение судом находящихся в его производстве дел в силу указанных конституционных принципов предполагает наличие у него возможности выбора решения, исходя из действующего законодательства, обстоятельств конкретного дела, позиций участников судопроизводства и их обоснования. Предоставление же суду при решении вопросов, связанных с</p>
--	--	--	--	--

				<p>применением нового уголовного закона, смягчающего ответственность за преступление, единственной возможности - снизить ранее назначенное наказание до верхнего предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по существу, ограничивало бы его полномочия как органа правосудия и нарушало бы право граждан на судебную защиту.</p> <p>Нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющие полномочия суда по приведению вступившего в законную силу приговора и других судебных решений в соответствие с имеющим обратную силу уголовным законом, которым устраняется или смягчается ответственность за преступление, такого рода ограничений не содержат и, следовательно, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы граждан, что не исключает право законодателя предусмотреть иной, специальный, порядок приведения таких решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктом 2 части первой статьи 43, статьей 68, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 86, 87, 99, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Признать пункт 5 части первой статьи 8 Федерального закона от 18 декабря 2001 года "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2002 года N 181-ФЗ не противоречащим Конституции Российской Федерации). 2. Признать взаимосвязанные положения статьи 32 УПК Российской Федерации, части 4 статьи 4 Федерального закона от 20 августа 2004 года "О присяжных заседателях
--	--	--	--	---

				федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" и пункта 5 части первой статьи 8 Федерального закона от 18 декабря 2001 года "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2002 года N 181-ФЗ) не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку данные законоположения - по их конституционно-правовому смыслу в действующей системе правового регулирования.
18	Постановление от 6 апреля 2006 г. N 3-П	По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», федеральных законов « о присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введение в действие Уголовно-процессуальног	Поводом к рассмотрению дела послужили запрос Президента Чеченской Республики, жалоба гражданки К.Г. Тубуровой и запрос Северо-Кавказского окружного военного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения. Президент Чеченской Республики в своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации оспаривает конституционность части 2 статьи 1, пункта 2 части 1 статьи 7, части 1 статьи 13, части 1 статьи 14, пункта 2 части 1 статьи 15 и статьи 28 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 года "О военных судах	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные нормативные положения статьи 32 УПК Российской Федерации. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1). Право на судебную защиту относится к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека; в Российской Федерации оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Данное конституционное право предполагает и право на доступ к правосудию, которое должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах, и право на независимый и беспристрастный суд как необходимое условие справедливого правосудия. Принципы беспрепятственного доступа к правосудию и законного суда признаны международным сообществом в качестве фундаментальных. Права на доступ к правосудию и на законный суд, гарантированные Конституцией Российской Федерации и названными международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации

	<p>о Кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-кавказского окружного военного суда</p>	<p>Российской Федерации", части 4 статьи 4 Федерального закона от 20 августа 2004 года "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации", пункта 5 части первой статьи 8 Федерального закона от 18 декабря 2001 года "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2002 года N 181-ФЗ), пункта 2 части второй статьи 30, частей третьей и шестой статьи 31, статьи 32 УПК Российской Федерации.</p> <p>Как следует из жалобы и выступлений гражданки К.Г. Тубуровой и ее представителя в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, эти законоположения оспариваются лишь в той части, в какой они, по мнению заявительницы, лишают граждан, проживающих в Чеченской Республике, возможности быть включенными в списки кандидатов в присяжные заседатели и тем самым - права участвовать в отправлении правосудия (статья 32, часть 5</p>	<p>составной частью правовой системы Российской Федерации, по самой своей природе требуют законодательного регулирования, при осуществлении которого федеральный законодатель располагает определенной свободой усмотрения, что, однако, не освобождает его от обязанности соблюдать вытекающее из Конституции Российской Федерации требование разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью, с тем чтобы не допустить такого ограничения указанных прав, которое затрагивало бы самое их существо.</p> <p>В целях обеспечения определенности в вопросе о подсудности уголовных дел и о полномочиях того или иного суда рассматривать конкретные уголовные дела, с тем чтобы не допустить произвольное истолкование соответствующих норм и, следовательно, произвольное их применение в судебной практике, законом должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения и тем самым устанавливать подсудность дела не на основании закона (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 года N 9-П).</p> <p>Конституционно-правовой смысл положений статьи 32 УПК Российской Федерации, части 4 статьи 4 Федерального закона "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" и пункта 5 части первой статьи 8 Федерального закона "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" не может быть выявлен без учета их места в системе действующего законодательства, которым регулируются</p>
--	---	--	--

			<p>Конституции Российской Федерации) и допускают формирование коллегии присяжных заседателей для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, на основании списков кандидатов от других регионов, что не согласуется с требованием объективности присяжных заседателей и нарушает права потерпевших на судебную защиту и равный доступ к правосудию, гарантированные статьями 19,46, 52 и 55 Конституции Российской Федерации.</p>	<p>отношения, связанные с реализацией права на законный суд в случае, когда разрешается вопрос, подлежит ли то или иное дело рассмотрению судом (в данном случае - окружным военным судом) с участием присяжных заседателей.</p> <p>Суд общей юрисдикции, на основании статьи 120 Конституции Российской Федерации самостоятельно решая вопрос о том, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уясняет смысл нормы и связь между нею и конкретным фактом, т.е. осуществляет ее казуальное толкование. Вместе с тем в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению законоположений. Поэтому в силу требований статьи 101 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации закона, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке его конституционности.</p> <p>Конституционный Суд Российской Федерации при разрешении дел о конституционности законов, руководствуясь требованиями Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов.</p> <p>В силу статьи 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации обвиняемому в особо тяжком преступлении против жизни, за совершение которого федеральным законом предусмотрена возможность назначения смертной казни в качестве исключительной меры наказания, должно быть предоставлено право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных</p>
--	--	--	--	---

				<p>заседателей. В этих случаях, как следует из названной нормы во взаимосвязи со статьями 18, 20 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой, закрепленной непосредственно Конституцией Российской Федерации, процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь и должно быть обеспечено на равных основаниях и в равной степени всем обвиняемым в таких преступлениях независимо от места их совершения, установленной федеральным законом территориальной и иной подсудности уголовных дел и прочих обстоятельств.</p> <p>Приведенная правовая позиция сформулирована Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 2 февраля 1999 года N 3-П, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях". На момент рассмотрения этого дела суды присяжных были сформированы лишь в нескольких субъектах Российской Федерации, в связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации предложил Федеральному Собранию внести в законодательство изменения, обеспечивающие на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого в качестве меры наказания установлена смертная казнь, возможность реализации права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Постановив, что до введения в действие соответствующего федерального закона наказание в виде смертной казни назначаться не может, Конституционный Суд Российской Федерации одновременно указал, что отсутствие такого закона не является препятствием к рассмотрению дел данной категории иным составом суда на территориях, где суд присяжных не создан.</p> <p>Осуществленное Федеральным Собранием во исполнение</p>
--	--	--	--	---

				<p>Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П регулирование предусматривает поэтапное введение суда присяжных на территории Российской Федерации. Так, в Чеченской Республике срок введения суда присяжных определен с 1 января 2007 года. Это означает, что до указанной даты Верховный суд Чеченской Республики в силу абзаца первого пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации рассматривает дела о преступлениях, за совершение которых законом в качестве меры наказания предусмотрена смертная казнь, в прежнем порядке, без участия присяжных заседателей - при действующем запрете назначения осужденным исключительной меры наказания.</p> <p>То обстоятельство, что, несмотря на значительный срок, прошедший с момента вступления в силу Конституции Российской Федерации, создание суда присяжных в Российской Федерации до настоящего времени не завершено, само по себе не может расцениваться как нарушение требований Конституции Российской Федерации. В частности, не противоречит им пункт 5 части первой статьи 8 Федерального закона "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации", из которого следует, что срок введения суда присяжных в Чеченской Республике - 1 января 2007 года. Такое ограничение гарантированного статьей 32 (часть 5) Конституции Российской Федерации права на участие в отправлении правосудия (в данном случае - в качестве присяжного заседателя) в отношении граждан, проживающих в Чеченской Республике, носит временный характер и обусловлено как обстоятельствами организационного и материально-технического характера, так и необходимостью создания условий, при которых могут быть обеспечены</p>
--	--	--	--	---

				<p>беспристрастность и объективность судебного разбирательства с участием присяжных заседателей. Отсрочка в реализации этого права не означает и недопустимое с точки зрения требований статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации ограничение права на законный суд, поскольку применительно к указанным в статье 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации преступлениям законным судом в смысле ее статьи 47 (часть 1) - при том, что смертная казнь не назначается, - может быть суд в ином установленном законом составе.</p> <p>Конкретизируя вытекающий из статей 46, 47 (часть 1), 118 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации принцип законного (должного) суда, законодатель установил в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации предметную и территориальную подсудность уголовных дел: по общему правилу уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, уполномоченном на рассмотрение дел соответствующей категории.</p> <p>Дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, подлежат рассмотрению военными судами. По смыслу указанных статей Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями Федерального конституционного закона "О военных судах Российской Федерации", военные суды не являются чрезвычайными судами, - как и иные специализированные суды, они формируются в системе судов общей юрисдикции для рассмотрения определенной категории дел; принципы деятельности, объем полномочий и их реализация, порядок производства в этих судах, по существу, не отличаются от общего порядка и характеризуются лишь усилением специализации, целью которой является наиболее полное и квалифицированное рассмотрение той или иной категории дел, обладающих значительной спецификой, что присуще специализированным судам в современном</p>
--	--	--	--	--

			<p>демократическом правовом государстве.</p> <p>По смыслу статей 31 и 32 УПК Российской Федерации местом совершения преступления является часть территории Российской Федерации на которую распространяется юрисдикция суда соответствующего уровня. Применительно к делам об указанных в статье 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации особо тяжких преступлениях против жизни, которые подсудны верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа, - это, как следует из части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 65 Конституции Российской Федерации, территория находящихся в составе Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономной области или автономного округа.</p> <p>В силу части 1 статьи 14 Федерального конституционного закона "О военных судах Российской Федерации" и части шестой статьи 31 УПК Российской Федерации в отношении полномочия по рассмотрению уголовных дел об особо тяжких преступлениях против жизни окружные военные суды приравниваются к указанным федеральным судам, при том что для окружных военных судов каких-либо специальных, отличных от установленных для других судов общей юрисдикции такого же уровня, нормативно-правовых оснований определения места совершения преступления на территории Российской Федерации не предусмотрено. Местом совершения на территории Российской Федерации преступлений, дела о которых подсудны окружному военному суду, является - по смыслу статей 31 и 32 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с частью 2 статьи 1, статьей 3, частью 3 статьи 7, статьями 13 и 14 Федерального конституционного закона "О военных судах Российской Федерации".</p>
--	--	--	---

				<p>Федерации" - территория соответствующего субъекта Российской Федерации независимо от того, распространяется юрисдикция этого суда на один или несколько субъектов Российской Федерации.</p> <p>Дела об указанных в статье 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации особо тяжких преступлениях против жизни по ходатайству обвиняемого рассматриваются верховным судом республики, краевым или областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области, судом автономного округа, а также окружным (флотским) военным судом с участием присяжных заседателей.</p> <p>Правовое регулирование, обеспечивающее право граждан на законный суд в случаях рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, имеет свою специфику, обусловленную прежде всего природой такого суда и особенностями производства в нем: присяжные заседатели не обязаны мотивировать свое решение, в том числе по основному вопросу уголовного дела - о доказанности или недоказанности виновности подсудимого в совершении преступления; принимая решение, присяжные заседатели, не будучи профессиональными судьями, основываются преимущественно на своем жизненном опыте и сформировавшихся в обществе, членами которого они являются, представлениях о справедливости.</p> <p>Отбор присяжных заседателей из граждан, в числе которых по тем или иным причинам не представлены граждане, постоянно проживающие на территории субъекта Российской Федерации, на которую распространяется юрисдикция соответствующего окружного военного суда и на которой было совершено преступление, создавал бы опасность произвольного формирования коллегии присяжных заседателей для рассмотрения конкретного дела и тем самым не обеспечивал бы справедливое разбирательство дела беспристрастным</p>
--	--	--	--	--

			<p>судом, созданным на основании закона, право на которое гарантируется статьями 47 (часть 1) и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а также пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пунктом 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьей 10 Всеобщей декларации прав человека.</p> <p>Помимо прав обвиняемых и других участников уголовного судопроизводства правила подсудности уголовных дел, а также правила формирования коллегии присяжных для их рассмотрения призваны обеспечивать гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан на участие в отправлении правосудия, в том числе в качестве присяжных заседателей, а также направлены на защиту интересов общества и государства, с тем чтобы уголовное дело в целях общей и специальной превенции рассматривалось как общее правило судом по месту совершения преступления. Между тем при формировании - вопреки общим правилам территориальной подсудности уголовных дел - окружным военным судом, юрисдикция которого распространяется на территорию нескольких субъектов Российской Федерации, коллегии присяжных заседателей для рассмотрения дела о преступлении, совершенном на территории одного из них, на основе списков кандидатов в присяжные заседатели от другого субъекта Российской Федерации было бы невозможно достичь справедливого представительства населения как необходимого условия законного состава коллегии присяжных заседателей. Кроме того, при таком подходе, поскольку в Чеченской Республике в настоящее время суд присяжных не создан, граждане, совершившие особо тяжкие преступления против жизни на ее территории, были бы поставлены в неравное положение перед уголовным и уголовно-процессуальным законом и, следовательно, судом в зависимости от</p>
--	--	--	--

				<p>принадлежности к военной службе.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктом 2 части первой статьи 43, статьей 68, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 86, 87, 99, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>1. Признать пункт 5 части первой статьи 8 Федерального закона от 18 декабря 2001 года "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2002 года N 181-ФЗ не противоречащим Конституции Российской Федерации.</p> <p>2. Признать взаимосвязанные положения статьи 32 УПК Российской Федерации, части 4 статьи 4 Федерального закона от 20 августа 2004 года "О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации" и пункта 5 части первой статьи 8 Федерального закона от 18 декабря 2001 года "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2002 года N 181-ФЗ не противоречащими Конституции Российской Федерации.</p>
19	Постановление от 27 июня 2005 г. N 7-П	Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. N 7-П "По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20,	Поводом к рассмотрению дела явились запрос Законодательного Собрания Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 20 УПК Российской Федерации и запрос Октябрьского районного суда города Мурманска о проверке конституционности части четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой	Предметом рассмотрения по настоящему делу являются взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации, регламентирующие порядок возбуждения таких уголовных дел частного обвинения, как дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 и 116 УК Российской Федерации, и последующего производства по этим делам в случаях, когда потерпевшие не имеют возможность представить суду данные о лице, подлежащем привлечению к уголовной ответственности.

		<p>части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска"</p>	<p>статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации - как регламентирующих возбуждение в порядке частного обвинения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 115 и 116 УК Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли оспариваемые заявителями законоположения Конституции Российской Федерации.</p>	<p>Федерации (статьи 1, 2, 18, 49, 50, 51, 52 и 54) основных начал взаимоотношений государства и личности в сфере уголовного права и процесса, федеральный законодатель реализует принадлежащие ему в силу статей 71 (пункты "в", "о"), 72 (пункт б" части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации полномочия по регулированию и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности и в предусмотренных Конституцией Российской Федерации пределах (статья 55, часть 3) определяет содержание положений уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость, а также порядок привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, учитывая при этом степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств.</p> <p>Диспозитивность в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает, таким образом, в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению. Ее использование в законодательном регулировании производства по делам этой категории не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать установление такого правопорядка, который бы гарантировал каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления - доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 1, часть 1; статья 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52</p>
--	--	--	--	---

				<p>Конституции Российской Федерации).</p> <p>Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя в качестве обязательного условия возбуждения уголовных дел частного обвинения наличие надлежащим образом оформленного заявления, в котором должны быть указаны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, лишает потерпевшего, которому такие данные не известны, возможности возбудить в суде соответствующее уголовное дело и получить защиту своих нарушенных прав, поскольку при несоблюдении этого требования закона судья выносит постановление, в котором предлагает устранить в установленный срок выявленные недостатки, а при неисполнении данного указания - отказывает в принятии заявления к своему производству (часть вторая статьи 20, часть шестая статьи 144, части первая, пятая и шестая статьи 318, часть первая статьи 319).</p> <p>Часть четвертая статьи 20 и часть третья статьи 318 УПК Российской Федерации, связывая полномочие прокурора, следователя и дознавателя возбуждать дела частного обвинения лишь с особенностями личности потерпевшего, который в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам (возраст, состояние здоровья и т.п.) не способен самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами, не предусматривают их обязанность возбудить уголовное дело частного обвинения и принять меры, направленные на обеспечение привлечения лица, виновного в совершении такого преступления, к уголовной ответственности в иных случаях, в том числе когда это лицо потерпевшему неизвестно. В результате отказ прокурора, следователя или дознавателя от возбуждения уголовного дела и от принятия предусмотренных законом мер к установлению личности виновного фактически исключает возможность получения потерпевшим судебной защиты своих прав и законных</p>
--	--	--	--	--

				<p>интересов.</p> <p>В силу статей 46-52, 118 (части 1 и 2), 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской Федерации функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующий субъект. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях - также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством, в частности, уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром.</p> <p>Возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения не согласуется с предписаниями статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют статьи 10, 118 и 120 Конституции Российской Федерации</p> <p>Институт производства по делам частного обвинения также предполагает разграничение функции отправления правосудия, возложенной на суд, и функции обвинения, реализуемой потерпевшим. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 января 2000 года.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения частей второй и четвертой статьи</p>
--	--	--	--	--

				20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации признать положения части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, частей первой и второй статьи 319 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации.
--	--	--	--	---

20	Постановление от 11 мая 2005 г. N 5-П	По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственного кооператива «Содействие», общества с ограниченной	Поводом к рассмотрению дела явились запрос Курганского областного суда, жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", ООО "Карелия", граждан Е.А. Бакотиной, Л.Н. Башкировой, И.В. Виноградовой, Е.И. Губановой, Р.И. Гура, С.Б. Гурьянова, Г.И. Днепровской, А.Г. Долуханяна, Р.Б. Забродиной, Н.А. Зелепукиной, Л.М. Запорожец, А.И. Иванова, В.О. Ивкиной, Г.П. Кадомцевой, Г.Г. Казадаевой, А.И. Кацнельсона, Л.З. Карцхия, А.Я. Кириловой, А.Ф. Клапцова, Г.А. Козолуповой, Т.В. Клоковой, Н.Ю. Кочневой, О.Е. Крыловой, А.П. Кычакова, В.М. Лапина, Н.М. Лапина, Г. Магомедова, М.П. Малова, Л.В. Манаховой, Л.А. Моргунцовой, С.М. Перфильевой, А.А. Рамазанова, О.В. Садовской, К.М. Сенаторова, Г.Н. Смолякова,	Предметом рассмотрения по настоящему делу является статья 405 УПК Российской Федерации, как не допускающая поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора и тем самым исключая пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статьи 1, 2, 17 и 18); при этом право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, выступая одновременно гарантией всех
----	---------------------------------------	---	---	--

		<p>ответственность «Карелия» и ряда граждан</p>	<p>А.А. Толстых, Л.С. Устименко, Ю.С. Фирстова, Ю.В. Фокина, Г.М. Хузеевой, А.М. Чуба, А.В. Чумакова и Н.С. Ялакаевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ оспариваемая заявителями статья 405 УПК Российской Федерации.</p>	<p>других прав и свобод (статья 46, части 1 и 2). Конституция Российской Федерации, гарантируя судебную защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает каждому право обжаловать в суд нарушающие его права и свободы решения и действия (или бездействие) государственных органов и должностных лиц, а каждому осужденному за преступление - право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (статья 46, части 1 и 2; статья 50, часть 3). В силу названных норм Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 123 (часть 3), закрепляющей принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, правом на обжалование приговора или иного судебного решения в вышестоящий суд обладает и сторона обвинения - потерпевший, его представитель и прокурор.</p> <p>Конституция Российской Федерации, закрепляя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным в том смысле, что в обычной процедуре это решение не может быть изменено. Надзорное производство по уголовным делам, по смыслу статей 17 (часть 3), 46, 50 (часть 3), 52, 55 (часть 3), 118 и 126 Конституции Российской Федерации, призвано обеспечить исправление судебных ошибок путем пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений, с тем чтобы - исходя из принципов справедливости, соразмерности и правовой безопасности - гарантировать эффективную защиту конституционных ценностей, прежде всего прав и свобод человека и гражданина. Суд надзорной инстанции не вправе отменить вступивший в законную силу оправдательный приговор со ссылкой на его</p>
--	--	---	--	---

				<p>необоснованность, если в ходе предыдущего разбирательства не было допущено нарушение, отвечающее критерию, указанному в пункте 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Соответственно, и прокурор или потерпевший не вправе ставить перед судом надзорной инстанции вопрос о пересмотре приговора со ссылкой на необоснованность, не подпадающую под этот критерий. Иное противоречило бы статьям 15 (часть 4), 46, 50 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.</p> <p>В судебном разбирательстве сторону обвинения, согласно пункту 47 статьи 5 УПК Российской Федерации, помимо прокурора, который в целях обеспечения верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства осуществляет уголовное преследование путем поддержания обвинения от имени государства и оспаривание противоречащих закону судебных актов в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (статья 1 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации"), представляет, в частности, потерпевший - лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации (часть первая статьи 42 УПК Российской Федерации) и которое имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы.</p> <p>Интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопросов, которые ставит перед судом прокурор, поддерживающий от имени государства обвинение по делам публичного и частно-публичного обвинения, - о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания.</p> <p>Обеспечивая потерпевшему возможность отстаивать в</p>
--	--	--	--	---

				<p>уголовном судопроизводстве свои права и охраняемые законом интересы, а прокурору - реализовывать предоставленные ему полномочия, законодатель наделил их правом наравне со стороной защиты - обвиняемым, осужденным, оправданным, их защитниками и законными представителями - оспаривать вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда, иницируя тем самым их пересмотр (статья 402 УПК Российской Федерации). Такой пересмотр должен осуществляться с учетом конституционных предписаний об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), что нашло отражение и развитие в главе 2 раздела I "Основные положения" УПК Российской Федерации.</p> <p>Осужденный (оправданный), напротив, не ограничен в возможности ходатайствовать о пересмотре судебного решения по основаниям, улучшающим его положение, и такое ходатайство является обязательным для рассмотрения и разрешения по существу приведенных в нем доводов судом надзорной инстанции. Тем самым сторона защиты ставится в преимущественное положение по отношению к стороне обвинения - потерпевшему, его представителю и прокурору, что не согласуется с конституционными предписаниями об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, ведет к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных, с одной стороны, и прав и законных интересов других лиц, публичных интересов - с другой, к неправомерному ограничению прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью и противоречит требованиям обеспечения им доступа к правосудию, компенсации причиненного ущерба, гарантий судебной защиты (статьи 46 и 52; статья 55, часть 3; статья 123 Конституции</p>
--	--	--	--	--

				<p>Российской Федерации).</p> <p>Таким образом, статья 405 УПК Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда она, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, ведущие к неправильному разрешению дела, т.е. такие нарушения, которые подпадают под критерий, предусмотренный пунктом 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола N 11), не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19, 21, 46 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 123 (часть 3).</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43, статьей 68, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 97, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать статью 405 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации.</p>
21	Постановление от 22 марта 2005 г. N 4-П	По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального Кодекса РФ,	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан М.Н. Алекперова, Ю.А. Бирюченко, С.В. Бровченко, А.В. Евстафьева, П.Л. Лебедева, Г.Л. Ойкаса, В.А. Приходько, А.Ю. Реутова, О.В. Рябова, А.С. Синякова и Е.А. Суворова на нарушение их	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения ч.10 ст. 108, частей десятой и одиннадцатой статьи 109, частей первой и второй статьи 110, статей 227 и 228, части второй статьи 229, частей второй и третьей статьи 231, частей первой, второй и третьей статьи 255, статей 410 и 411, статьи 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации постольку, поскольку ими регулируется принятие решений о

		<p>регламентирующий порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан.</p>	<p>конституционных прав указанными положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации указанные граждане оспаривают конституционность примененных в их уголовных делах положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которыми регулируется порядок и сроки применения в отношении обвиняемого заключения под стражу в качестве меры пресечения на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования. По мнению заявителей, положения статей 227 и 228 УПК Российской Федерации, и часть вторая статьи 229 УПК Российской Федерации. допускают возможность содержания обвиняемых под стражей без соответствующего судебного решения в период с момента окончания предварительного расследования и направления уголовного дела в</p>	<p>применении в отношении обвиняемого (подсудимого) заключения под стражу в качестве меры пресечения после окончания предварительного расследования и направления прокурором уголовного дела в суд с обвинительным заключением или постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, при назначении судебного заседания и в ходе разбирательства дела в суде первой инстанции, а также при направлении дела на новое рассмотрение в случаях отмены обвинительного приговора вышестоящим судом.</p> <p>В Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности являются конституционной обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). Как следует из взаимосвязанных положений ст. 10, 17 (ч. 1 и 2) и 18 Конституции РФ, этой обязанностью обусловлена деятельность органов государственной власти, в том числе судебной, призванной гарантировать неотъемлемость и неотчуждаемость основных прав и свобод человека и гражданина.</p> <p>Меры пресечения, в том числе заключение под стражу, могут применяться лишь при наличии оснований, соответствующих указанным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям; только в этом случае их применение будет отвечать конституционному смыслу данного вида мер уголовно-процессуального принуждения, в связи с чем орган дознания, следователь, прокурор и суд, принимая решение об избрании меры пресечения, о ее отмене или изменении, а также о продлении срока содержания под стражей, в каждом случае должны обосновывать соответствие этого решения конституционно оправданным целям (Определение от 23 июня 2000 года N 175-О по жалобе граждан В.А. Жеребенкова и Е.С. Жигарева на нарушение их конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР,</p>
--	--	---	--	---

		<p>суд до момента принятия судом решения о назначении судебного заседания либо предварительного слушания и тем самым не согласуются с конституционными гарантиями их прав на свободу и личную неприкосновенность, а также на судебную защиту прав и свобод</p> <p>частей второй и третьей статьи 255 УПК Российской Федерации, как допускающих после передачи уголовного дела в суд содержание обвиняемого под стражей в течение шести месяцев без судебного решения</p> <p>статьи 410 УПК Российской Федерации, которая, определяя пределы прав суда надзорной инстанции при отмене приговора, не возлагает на него обязанность в случае отмены приговора и направления уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции решить вопрос о мере пресечения, и</p> <p>статьи 411 УПК Российской Федерации, предусматривающих, что после отмены в порядке надзора обвинительного приговора и направления дела на новое рассмотрение это дело подлежит разрешению по тем же</p>	<p>касающихся применения в качестве меры пресечения заключения под стражу).</p> <p>Использование для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, судебных механизмов, основанных на конституционных принципах равенства всех перед законом и судом, справедливости, состязательности и равноправия сторон, обеспечивает режим правовой определенности (постановления от 27 мая 2003 года по делу о проверке конституционности положения статьи 199 УК Российской Федерации, от 25 февраля 2004 года по делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и части первой статьи 259 ГПК Российской Федерации, от 16 июля 2004 года по делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации).</p> <p>Основания и порядок заключения под стражу обвиняемого и подозреваемого определяются статьями 97, 99, 108 и 109 УПК Российской Федерации, из которых следует, что данная мера пресечения применяется, по общему правилу, к лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при наличии достаточных оснований полагать, что это лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.</p> <p>В силу статей 10, 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской</p>
--	--	---	---

			<p>правилам, которые установлены для его первоначального рассмотрения судом первой инстанции, в том числе в части, касающейся вопроса о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения.</p> <p>В обоснование утверждения граждане указывают на то, что, допуская по истечении шестимесячного срока со дня поступления уголовного дела в суд многократное продление срока содержания под стражей (каждый раз не более чем на три месяца), она позволяет содержать подсудимых под стражей неограниченное время. К таким же последствиям приводит применение, особенно в случаях неоднократной отмены приговора в надзорном порядке и направления дела на новое рассмотрение, частей первой и второй статьи 110, части седьмой статьи 410 и части первой статьи 411 УПК Российской Федерации.</p>	<p>Федерации, а также конкретизирующих их статей 15 и 243 УПК Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты; решая задачи, стоящие перед ним как органом правосудия, суд в то же время создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.</p> <p>Конституция Российской Федерации, ее статья 22 (часть 2), предусматривая, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, исключает тем самым возможность лишения человека свободы без судебного решения, кроме случаев, когда лицо подвергается задержанию до судебного решения на срок не более 48 часов. Соответственно, если определенный судебным решением срок содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей истекает, суд принимает решение о продлении этого срока либо подозреваемый или обвиняемый должен быть освобожден из-под стражи.</p> <p>По смыслу статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации, в уголовном судопроизводстве суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства эти решения принимаются. Такая процедура предполагает обязанность государства, в том числе органов судебной власти, охранять достоинство личности (статьи 21 и 45 Конституции Российской Федерации) и обращаться с нею не как с объектом государственной деятельности, а как с равноправным</p>
--	--	--	---	--

				<p>субъектом, который вправе защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года по делу о проверке конституционности статей 2201 и 2202 УПК РСФСР). Поскольку ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно только по судебному решению, принимаемому судом в судебном заседании на основе исследования конкретных обстоятельств уголовного дела при условии обеспечения содержащемуся под стражей обвиняемому возможности довести до суда свою позицию, запрет на вынесение вне судебного заседания решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения должен распространяться на все судебные решения, касающиеся как первичного избрания этой меры пресечения, так и сохранения содержания под стражей, избранного ранее.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>1. признать часть десятиую статьи 108, части десятиую и одиннадцатую статьи 109 и часть первую статьи 255 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации.</p> <p>2. признать статьи 227 и 228, часть вторую статьи 229 УПК Российской Федерации и находящиеся с ними в нормативном единстве части вторую и третью статьи 255, статьи 410 и 411 данного Кодекса не противоречащими Конституции Российской Федерации.</p> <p>3. признать части первую и вторую статьи 110, часть третью статьи 255, часть седьмую статьи 410, часть первую статьи 411 УПК Российской Федерации не</p>
--	--	--	--	---

				противоречащими Конституции Российской Федерации. 4.признать статью 227, часть вторую статьи 228, части вторую и третью статьи 231, статью 477 (приложение 15) УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции РФ.
22	Постановление от 29 июня 2004 г. N 13-П	По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального Кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы	Поводом к рассмотрению дела явился запрос группы депутатов Государственной Думы, в котором оспаривается конституционность положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального Кодекса РФ Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции РФ. В запросе группы депутатов ГД оспаривается конституционность следующих УПК РФ: частей первой и второй статьи 7, как не соответствующих предписанию статьи 76 (часть 3) Конституции РФ о недопустимости противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам; части второй статьи 15 как освобождающей государственные органы и их должностных лиц - прокурора, следователя,	Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ являются положения частей первой и второй статьи 7, в той мере, в какой они устанавливают приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами и запрещают суду, прокурору, следователю, органу дознания и дознавателю применять федеральный закон, противоречащий данному Кодексу; части второй статьи 15, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо; частей шестой и восьмой статьи 234, не допускающих удовлетворение ходатайства защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если соответствующее ходатайство не заявлялось в ходе предварительного расследования, и допрос по ходатайству стороны защиты лиц, обладающих свидетельским иммунитетом; статьи 450 и находящейся с ней в системной связи статьи 107 в той части, в которой ими допускается возможность избрания в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста в качестве меры пресечения без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания. Согласно статье 98 Конституции Российской Федерации члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий; они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за

		<p>дознателя от выполнения конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и тем самым не отвечающей требованиям статьи 2 Конституции Российской Федерации;</p> <p>частей шестой и восьмой статьи 234 как необоснованно ограничивающих возможность доказывания невиновности обвиняемого и тем самым не согласующихся со статьями 45, 46 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации;</p> <p>статьи 450 и находящейся с ней в системной связи статьи 107 как противоречащих статье 98 Конституции Российской Федерации.</p> <p>Кроме того, заявители просили проверить конституционность пункта 2 части первой статьи 448 УПК Российской Федерации как возлагающего на суд не свойственную ему функцию обвинения. Однако после того как Федеральным законом от 4 июля 2003 года "О внесении изменений и дополнений</p>	<p>исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей (часть 1); вопрос о лишении неприкосновенности решается по представлению Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания (часть 2).</p> <p>Неприкосновенность (парламентский иммунитет), как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности положений статей 18, 19 и 20 Федерального закона "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", - один из основных элементов статуса парламентария, важнейшая правовая гарантия его деятельности; она имеет публично-правовой характер и призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, с тем чтобы оградить его от необоснованных преследований, способствовать беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым - парламента, их самостоятельности и независимости; Конституция Российской Федерации, определяя в статье 98 лишь общее направление и условия действия депутатской неприкосновенности, в целях обеспечения основ конституционного строя, связанных с осуществлением народовластия (статья 3), с разделением властей и самостоятельностью органов законодательной власти (статья 10), созданием условий для беспрепятственной деятельности парламента, допускает возможность конкретизации ее положений в федеральном законодательстве. Соответствующая конкретизация осуществлена, в частности, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Согласно части второй его статьи 447 порядок</p>
--	--	---	--

			<p>в УПК РФ названная норма была изменена (в новой редакции ею устанавливается порядок возбуждения уголовного дела в отношении Генерального прокурора Российской Федерации прокурором, на которого в таком случае возлагается исполнение обязанностей Генерального прокурора Российской Федерации), заявители отозвали свой запрос в указанной части.</p>	<p>производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, в том числе членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, определяется данным Кодексом с изъятиями, предусмотренными его главой 52. Одно из таких изъятий установлено в статье 450 УПК Российской Федерации, определяющей особенности избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий, которая непосредственно предусматривает гарантии их статуса только в связи с применением в качестве меры пресечения заключения под стражу. Отсутствие в данной статье прямого указания на согласие соответствующей палаты Федерального Собрания как на обязательное условие применения в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста не может, однако, расцениваться как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии необходимости получения такого согласия в случае применения к этим лицам данной меры пресечения. Домашний арест в силу статьи 107 УПК Российской Федерации заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи; он избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 УПК Российской Федерации, регламентирующей вопросы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. Следовательно, установленные статьей 450 УПК Российской Федерации гарантии неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы при решении вопроса о применении в отношении них меры пресечения, предусмотренной статьей 108 УПК Российской Федерации, должны обеспечиваться и при решении вопроса о применении</p>
--	--	--	---	---

				<p>в отношении названных категорий лиц домашнего ареста. Иное означало бы преодоление приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, что недопустимо в силу части второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации".</p> <p>Таким образом, статья 450 и находящаяся с ней во взаимосвязи статья 107 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса предполагают применение в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста по судебному решению и с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания и, следовательно, не противоречат Конституции Российской Федерации.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил: признать части первую и вторую статьи 7, часть вторую статьи 15, часть шестую, часть восьмую статьи 234 УПК РФ Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации.</p>
23	Постановление от 8 декабря 2003 г. N 18-П	По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а	Поводом к рассмотрению дела явились запросы Вологодского областного суда, Курганского областного суда, Курганского городского суда Курганской области, Подольского городского суда Московской области, Советского районного суда города Челябинска, а также жалобы граждан С.С. Зиминой, Л.М.	Предметом проверки Конституционным судом являются положения частей первой и четвертой статьи 237 УПК Российской Федерации, ограничивающие возможность возвращения судом первой инстанции уголовного дела прокурору в случае выявления допущенных в досудебном производстве по данному уголовному делу нарушений уголовно-процессуального закона; положение части седьмой статьи 236, исключающее обжалование в кассационном порядке постановления судьи о приостановлении производства по делу, вынесенного по итогам предварительного слушания;

		<p>также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан"</p>	<p>Курилко, В.А. Кухранова, Л.С. Лариной, Д.Н. Мамедова, Л.Н. Мельниковой, Л.Г. Носовой, Г.В. Павлюк и В.Л. Фадеевой, в которых оспаривается конституционность положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли нормативные положения, оспариваемые заявителями, Конституции Российской Федерации.</p>	<p>положения частей седьмой, восьмой и девятой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 УПК Российской Федерации, предусматривающие обязательность вынесения судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) или об осуждении подсудимого за менее тяжкое преступление в случае отказа государственного обвинителя от обвинения или его изменения в сторону смягчения и не допускающие пересмотр такого решения в вышестоящем суде.</p> <p>В соответствии с Конституцией Российской Федерации в Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются.</p> <p>Из названных положений Конституции Российской Федерации следует, что правосудие может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. В рамках уголовного судопроизводства это предполагает, по меньшей мере, установление на основе исследованных доказательств обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния. В целях обеспечения прав и законных интересов таких участников процесса, как обвиняемый и потерпевший, им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования. Данное правило находит свое воплощение в статье 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой каждый</p>
--	--	--	---	--

				<p>человек, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.</p> <p>В силу статей 46 - 52, 118 (части 1 и 2), 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской Федерации судебная функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующие субъекты. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром.</p> <p>Возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения не согласуется с предписаниями статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют статьи 10, 118 и 120 Конституции Российской Федерации, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.</p> <p>С учетом содержания и значимости досудебного производства уголовно-процессуальный закон гарантирует обвиняемому на стадии предварительного расследования право знать, в чем он обвиняется, пользоваться помощью защитника, пользоваться помощью переводчика бесплатно, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться по окончании дознания или предварительного следствия со всеми материалами уголовного дела и ряд других прав (статья 47 УПК Российской Федерации); потерпевший, в свою очередь,</p>
--	--	--	--	--

				<p>вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении, иметь своего представителя, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами уголовного дела и т.д. (статья 42 УПК Российской Федерации). Нарушение процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого в стадии предварительного расследования может лишить их эффективной судебной защиты.</p> <p>Конституционный Суд Российской Федерации ранее неоднократно обращался к вопросам о законодательных гарантиях судебной защиты прав лиц, чьи права и законные интересы были нарушены на досудебных стадиях производства по уголовному делу действиями (бездействием) и решениями органов дознания, дознавателей, следователей и прокуроров, а также о полномочии суда возвращать дело прокурору для исправления допущенных нарушений.</p> <p>В Постановлениях от 3 мая 1995 года, от 13 ноября 1995 года, от 29 апреля 1998 года Конституционный Суд Российской Федерации признал указанные положения уголовно-процессуального закона, исключавшие, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, возможность судебной проверки по жалобам заинтересованных лиц законности и обоснованности постановлений о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу, о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, не соответствующими Конституции Российской Федерации.</p> <p>Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации положения пунктов 1 и 3 части первой статьи 232 и части первой статьи 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможности в судебном заседании</p>
--	--	--	--	--

				<p>неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении. При этом Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что иницируя продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, суды общей юрисдикции, по сути, исходили из того, что необходимые и достаточные доказательства, непосредственно касающиеся существа обвинения, отсутствуют; принятие же судом решения о возвращении дела для дополнительного расследования по собственной инициативе, при отсутствии соответствующих ходатайств сторон, т.е. если ни сторона обвинения, ни сторона защиты не настаивают на этом, фактически приводит к осуществлению судом не свойственной ему обвинительной функции.</p> <p>Вместе с тем пункт 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР в части, допускающей возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 4 марта 2003 года по делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 УПК РСФСР был признан не противоречащим Конституции Российской Федерации.</p> <p>Из статей 215, 220, 221, 225 и 226 УПК Российской Федерации, в соответствии с которыми обвинительное заключение или обвинительный акт как итоговые документы следствия или дознания, выносимые по их окончании, составляются, когда следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления</p>
--	--	--	--	--

				<p>указанных документов, вытекает, что если на досудебных стадиях производства по уголовному делу имели место нарушения норм уголовно-процессуального закона, то ни обвинительное заключение, ни обвинительный акт не могут считаться составленными в соответствии с требованиями данного Кодекса.</p> <p>По смыслу пункта 1 части первой статьи 237 во взаимосвязи с пунктами 2 - 5 части первой той же статьи, а также со статьями 215, 220, 221, 225 и 226 УПК Российской Федерации, возвращение дела прокурору в случае нарушения требований данного Кодекса при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта может иметь место по ходатайству стороны или инициативе самого суда, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, при подтверждении сделанного в судебном заседании заявления обвиняемого или потерпевшего, а также их представителей о допущенных на досудебных стадиях нарушениях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства. При этом основанием для возвращения дела прокурору во всяком случае являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного решения. Подобные нарушения в досудебном производстве требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, всегда свидетельствуют в том числе о несоответствии обвинительного заключения или обвинительного акта требованиям данного Кодекса.</p> <p>Между тем положение части четвертой статьи 237 УПК Российской Федерации, не позволяющее осуществлять</p>
--	--	--	--	---

				<p>необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия, исключает какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допустившими эти нарушения органами расследования, но и при последующем разбирательстве дела судом, что не согласуется с требованиями независимого, беспристрастного и справедливого осуществления правосудия, вытекающими, в частности, из статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, по смыслу которой каждому, в том числе обвиняемому и потерпевшему, при определении его прав и обязанностей должны обеспечиваться гарантии справедливого правосудия. В системе действующих уголовно-процессуальных норм это означает нарушение статей 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации и не согласуется также с требованиями ее статей 18, 49, 50 и 118 (части 1 и 2). Частью седьмой статьи 236 УПК Российской Федерации не допускается обжалование в кассационном порядке вынесенного по итогам предварительного слушания решения суда о приостановлении производства по делу.</p> <p>Регулирование, установленное законодателем в части седьмой статьи 236 УПК Российской Федерации, является таким же, как ранее признанное Конституционным Судом Российской Федерации противоречащим Конституции Российской Федерации. Между тем в силу статьи 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, а согласно основанной на этом предписании части второй статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" юридическая сила постановлений Конституционного Суда Российской Федерации не может быть преодолена повторным принятием норм, которые были признаны не соответствующими</p>
--	--	--	--	---

				<p>Конституции Российской Федерации, их неконституционность не требует вторичного подтверждения, они не имеют юридической силы с момента принятия и не подлежат применению.</p> <p>Согласно статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Это предполагает предоставление участвующим в судебном разбирательстве сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов, включая возможность заявления ходатайств, обжалования действий и решений суда, осуществляющего производство по делу.</p> <p>Это в полной мере относится и к обеспечению права на судебную защиту потерпевшим от преступлений, которым согласно статье 52 Конституции Российской Федерации государство обеспечивает доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Потерпевший, являясь лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации (часть первая статьи 42 УПК Российской Федерации), имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (пункт 47 статьи 5 УПК Российской Федерации) наделен правами стороны в судебном процессе: в частности, он вправе заявлять о совершенном в отношении него преступлении, представлять доказательства, поддерживать обвинение, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, в том числе на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, обжаловать приговор, определение и постановление суда.</p>
--	--	--	--	---

				<p>Такой подход к регламентации прав потерпевшего корреспондирует положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года), Следовательно, интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда - они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, тем более что во многих случаях от решения по этим вопросам зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда.</p> <p>Как отмечалось в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года, вытекает также из положений статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством.</p> <p>7. Оспариваемыми положениями статей 246 и 254 УПК Российской Федерации регулируются порядок и правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения, а также изменения им обвинения в сторону</p>
--	--	--	--	--

				<p>смягчения.</p> <p>Предусматривая указанные полномочия государственного обвинителя и связанную с этим обязанность суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование либо признать подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, уголовно-процессуальный закон исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), в соответствии с которым функции обвинения и разрешения дела отделены друг от друга и возложены на разных субъектов. Данный принцип во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшим, к ведению же суда относится проверка и оценка правильности и обоснованности сделанных ими выводов по существу обвинения.</p> <p>Вопрос о правовых последствиях отказа прокурора от поддержания обвинения в суде ранее уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Постановлением от 20 апреля 1999 года по делу о проверке конституционности положений статей 232, 248 и 258 УПК РСФСР была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации часть четвертая статьи 248 УПК РСФСР, как допускающая при отказе прокурора от обвинения (включая изменение обвинения в сторону смягчения) осуществление судом не свойственной ему обязанности по обоснованию предъявленного органами расследования обвинения.</p> <p>Сделав данный вывод применительно к действовавшей в тот период системе уголовно-процессуальных норм (Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР), Конституционный Суд</p>
--	--	--	--	--

				<p>Российской Федерации вместе с тем указал в Постановлении от 20 апреля 1999 года и подтвердил в Определении от 5 июля 2000 года что законодатель вправе предусмотреть и иные процессуальные последствия, исключаящие продолжение производства по уголовному делу при отказе прокурора (и потерпевшего) от обвинения, в частности прекращение дела, как это уже было установлено для судебной процедуры с участием присяжных заседателей.</p> <p>Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации была воспринята законодателем и закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Так, согласно статье 246 УПК Российской Федерации если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа; полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации (часть седьмая); государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем: исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание; исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой данного Кодекса, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте; переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса</p>
--	--	--	--	---

				<p>Российской Федерации, предусматривающей более мягкое наказание (часть восьмая). Пунктом 2 статьи 254 УПК Российской Федерации предписывается, что суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в случае отказа обвинителя от обвинения в соответствии с частью седьмой статьи 246 или частью третьей статьи 249 данного Кодекса.</p> <p>Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, по общему правилу, исключает проверку обоснованности процессуальных решений только в тех случаях, когда на принимающем это решение лице не лежит обязанность привести его мотивы (в частности, при постановлении приговора в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением или на основе вердикта коллегии присяжных заседателей); если же закон требует указания мотивов решения, то тем самым предполагается и возможность их последующей проверки.</p> <p>Следовательно, как сами по себе отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, так и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Непредоставление данным участникам процесса возможности изложить свое мнение лишало бы смысла или ограничивало бы обеспечивающие защиту их прав и законных интересов другие закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации правомочия, такие как право выступать в прениях, обжаловать вынесенное судом решение, в том числе о прекращении дела в результате отказа государственного обвинителя от обвинения, а также доказывать его незаконность, необоснованность и несправедливость в вышестоящем суде. Тем самым нарушались бы не только</p>
--	--	--	--	--

				<p>процессуальные права участников судопроизводства, но и их конституционные права, гарантированные статьями 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации. Такое конституционное истолкование норм частей седьмой и восьмой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 УПК Российской Федерации согласуется и с закрепленным в статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требованием, в соответствии с которым осуществление прав и свобод, в том числе в области уголовного судопроизводства, построенного на началах состязательности и равноправия сторон, не должно нарушать права и свободы других лиц, участников судопроизводства.</p> <p>8. Статья 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, гарантируя право на судебную защиту и обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, исходит из обязанности государства обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями. Применительно к уголовному судопроизводству право на рассмотрение дела судом не только первой, но и второй инстанции вытекает также из статьи 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом. С учетом того, что статья 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации гарантирует равноправие сторон в судопроизводстве, такое право должно обеспечиваться и потерпевшему.</p> <p>Между тем часть девятая статьи 246 УПК Российской Федерации, допуская пересмотр определения или постановления суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения лишь при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств в соответствии с главой 49 УПК Российской Федерации, лишает</p>
--	--	--	--	--

				<p>стороны возможности оспорить названные судебные решения в вышестоящем суде в связи с иными основаниями, нарушая тем самым их конституционные права.</p> <p>Кроме того, содержащийся в части девятой статьи 246 УПК Российской Федерации запрет пересмотра определений или постановлений суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа прокурора от обвинения исключает их проверку в кассационном порядке, что не согласуется с другими нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющими правомочия участников уголовного судопроизводства на обжалование не вступивших в законную силу судебных решений. Ограничение права на доступ к суду вышестоящей инстанции, в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не может быть оправдано конституционно значимыми целями, как они сформулированы в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации (Постановления от 6 июля 1998 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 УПК РСФСР и от 28 мая 1999 года по делу о проверке конституционности положений статей 266 и 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях).</p> <p>Норма части девятой статьи 246 УПК Российской Федерации, по существу, направлена на то, чтобы исключить проверку законности и обоснованности прекращения производства по делу по основаниям, предусмотренным статьями 24 и 27 данного Кодекса, при отказе государственного обвинителя от обвинения, тогда как решения о прекращении производства по делу, принимаемые по тем же основаниям органами, осуществляющими уголовное преследование, подлежат судебной проверке, что подтверждено как в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, так и в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающих возможность судебного обжалования</p>
--	--	--	--	---

				<p>решений о прекращении производства по делу на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Тем самым нарушается закрепленный в статье 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом и судом.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>1.признать часть первую статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, соответствующей Конституции РФ.</p> <p>2.признать не соответствующей часть четвертую статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации взаимосвязанные положения частей седьмой и восьмой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Конституции Российской Федерации.</p> <p>3.признать не соответствующей часть девятую статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Конституции Российской Федерации.</p>
24	Постановление от 4 марта 2003 года № 2-П	По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части 1 и части 3 статьи 232 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И.Батищева,	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева на нарушение их конституционных прав и свобод указанными положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Граждане Л.И. Батищев, Ю.А. Евграфов, О.В. Фролов и А.В. Шмелев в своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации	Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по настоящему делу являются взаимосвязанные положения, содержащиеся в пункте 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР - в части, допускающей возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты расследования, а также в части третьей той же статьи, на основании которой судья при направлении дела для дополнительного расследования разрешает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого. Согласно статьям 118 (части 1 и 2) и 123 (часть 3) Конституции РФ правосудие Российской Федерации осуществляется только судом, который осуществляет судебную власть посредством

		<p>Ю.А.Евграфова, О.В.Фролова и А.В.Шмелева</p>	<p>оспаривают конституционность положения пункта 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР, на основании которого их уголовные дела были направлены судами общей юрисдикции для дополнительного расследования со ссылкой на допущенные в ходе предварительного расследования существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Кроме того, граждане Ю.А. Евграфов и А.В. Шмелев просят проверить конституционность части третьей статьи 232 УПК РСФСР, допускающей оставление ранее избранной меры пресечения в отношении обвиняемого при направлении дела для дополнительного расследования.</p>	<p>конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Применительно к уголовному судопроизводству это означает прежде всего строгое разграничение судебной функции разрешения дела и функции обвинения, каждая из которых возлагается на соответствующие субъекты. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечивается указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях - также потерпевшими. Возложение же на суд обязанности в той или иной форме осуществлять функцию обвинения не согласуется с предписанием статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют статья 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и нормы ратифицированных Российской Федерацией международных договоров - Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6) и Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14).</p> <p>Кроме того, конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное соблюдение процедуры уголовного преследования, что гарантирует процессуальные права участников уголовного судопроизводства. Поэтому в случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений суд, самостоятельно осуществляя правосудие (статья 120 Конституции Российской Федерации), вправе принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав, что позволяет всесторонне и объективно рассмотреть дело по существу. Тем самым обеспечивается право каждого на</p>
--	--	---	---	---

				<p>судебную защиту его прав и свобод (статья 46 Конституции Российской Федерации) и право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52 Конституции Российской Федерации). Основанием для возвращения прокурору уголовных дел граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева послужили и допущенные органами предварительного расследования существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые не могли быть исправлены в ходе судебного разбирательства. Существенное процессуальное нарушение является препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства, исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора и фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия. Такие процессуальные нарушения не касаются ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнение ранее предъявленного обвинения. Направляя в этих случаях уголовное дело прокурору, суд не подменяет сторону обвинения, - он лишь указывает на выявленные нарушения, ущемляющие процессуальные права участников уголовного судопроизводства, требуя их восстановления. Возвращение уголовного дела прокурору имеет целью приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями, установленными в уголовно-процессуальном законе, что дает возможность после устранения выявленных существенных процессуальных</p>
--	--	--	--	--

				<p>нарушений вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу и принятия решения. Тем самым обеспечиваются гарантированные Конституцией Российской Федерации право обвиняемого на судебную защиту и право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 46 и 52).</p> <p>Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22, часть 1), вместе с тем предусматривает и возможность его ограничения федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3). Меры пресечения служат указанным конституционно значимым целям, если они направлены на воспрепятствование обвиняемому в том, чтобы он мог скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины по уголовному делу или продолжить преступную деятельность. При этом избыточное или не ограниченное по продолжительности применение мер, связанных с ограничением прав, гарантированных статьей 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации и пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, недопустимо, а решение об избрании меры пресечения, включая заключение под стражу и подписку о невыезде, может быть вынесено только при условии подтверждения достаточными данными, устанавливаемыми в соответствии с уголовно-процессуальным законом, оснований ее применения. Такая правовая позиция выражена Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 13 июня 1996 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР, а также в официально опубликованных определениях от 25 декабря 1998 года по делу о проверке</p>
--	--	--	--	--

				<p>конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР, от 8 октября 1999 года по жалобам ряда граждан на нарушение их конституционных прав статьями 89, 91 и 96 УПК РСФСР и от 15 мая 2002 года по жалобам ряда граждан на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 239.1 УПК РСФСР.</p> <p>Кроме того, поскольку в ходе производства в судебных стадиях уголовного процесса именно суд является тем единственным органом, который вправе принимать обязательные решения, обеспечивающие дальнейшее движение дела и определяющие права и обязанности участников уголовного судопроизводства, наделение суда полномочием применять, изменять или отменять в отношении обвиняемого меру пресечения не выходит за рамки возлагаемой на суд функции правосудия (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР).</p> <p>Часть третья статьи 232 УПК РСФСР не содержит каких-либо положений, которые противоречили бы данному Конституционным Судом Российской Федерации истолкованию оснований и порядка применения мер пресечения и наделяли суд как орган правосудия не свойственными ему полномочиями, позволяющими применять меры пресечения в каких-либо иных целях, нежели предусмотренные уголовно-процессуальным законом, и предопределять его отношение к основному вопросу - о виновности или невиновности обвиняемого в инкриминируемом ему деянии.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 части первой статьи 43, статьей 68, частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75 и 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",</p>
--	--	--	--	---

				Конституционный Суд Российской Федерации постановил: признать пункт 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР часть третью статьи 232 УПК РСФСР не противоречащими Конституции Российской Федерации
25	Постановление от 26 ноября 2002 г. N 16-П	По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Казимова	В своей жалобе в Конституционный Суд РФ гражданин А.А. Кизимов оспаривает конституционность положений статей 77.1 и 77.2 УИК РФ, предусматривающих случаи, когда осужденный к лишению свободы может быть оставлен в следственном изоляторе либо переведен в следственный изолятор из исправительного учреждения, а также частей первой и десятой статьи 175 УИК РФ, наделяющих полномочием обращаться к суду с представлением об условно - досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания администрацию исправительного учреждения, и статьи 363 УПК РСФСР, закрепляющей полномочие суда выносить в связи с данным представлением соответствующее решение. По мнению заявителя, оспариваемые нормы, как не наделяющие администрацию следственного изолятора	Предметом проверки по настоящему делу являются положения статьи 77.2, части первой статьи 175 УИК Российской Федерации и части первой статьи 363 УПК РСФСР, определяющие порядок применения условно - досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении осужденного к лишению свободы, в том числе содержащегося в следственном изоляторе в связи с привлечением его к уголовной ответственности по другому делу. Согласно части первой статьи 363 УПК РСФСР условно - досрочное освобождение от отбывания наказания применяется судом по представлению администрации учреждения или органа, исполняющих наказание. Не предусматривая возможности рассмотрения этого вопроса по инициативе других органов и лиц, в том числе по обращению самого осужденного, данная норма препятствует реализации в судебном порядке гарантированного статьей 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации и конкретизированного в нормах отраслевого законодательства права осужденного просить о смягчении наказания. Кроме того, осужденный, отбывший установленную законом часть назначенного судом наказания и полагающий, что к нему может быть применено условно - досрочное освобождение, тем не менее в силу части первой статьи 363 УПК РСФСР лишен возможности добиваться перед судом применения в отношении него соответствующих предписаний уголовного закона, чем нарушается его право защищать свои права и свободы, в том числе в судебном порядке (статья 46, часть 1, Конституции РФ Реализация конституционного права осужденного просить о смягчении наказания, охватывающая и решение вопроса об

			<p>полномочием представлять осужденного, содержащегося под стражей, к условно - досрочному освобождению и не позволяющие самому осужденному, содержащемуся в следственном изоляторе, инициировать рассмотрение судом этого вопроса, нарушают его конституционные права, гарантированные статьями 21 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации.</p>	<p>условно - досрочном освобождении от отбывания наказания, в том числе в отношении лица, находящегося в следственном изоляторе в связи с привлечением к уголовной ответственности по другому делу, предполагает обязанность государства обеспечить рассмотрение судом соответствующего обращения осужденного на основе состязательности и равноправия сторон. При этом законодатель вправе предусмотреть особенности процедуры решения вопроса о применении условно - досрочного освобождения в отношении таких осужденных, обеспечивая с учетом настоящего Постановления их конституционное право просить о смягчении назначенного наказания.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде РФ Конституционный Суд РФ постановил:</p> <p>признать часть первую статьи 363 УПК РСФСР не соответствующей Конституции РФ.</p>
26	Постановление от 17 июля 2002 г. N 13-П	По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного Кодекса РСФСР и	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.Ю. Жевченко, С.И. Зарубы, А.В. Мягкова, А.К. Никитина и В.А. Сардо, а также запрос Подольского городского суда Московской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального Кодекса	Предметом рассмотрения по настоящему делу являются: находящиеся в нормативном единстве положения пунктов 1 и 2 статьи 342, части первой и пункта 1 части второй статьи 371, пункта 2 части первой статьи 378, части первой статьи 379, части третьей статьи 380 УПК РСФСР, а также пунктов 1 и 2 статьи 36 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" - в части, допускающей пересмотр и отмену в порядке надзора по протесту прокурора вступившего в законную силу оправдательного приговора ввиду односторонности или неполноты расследования или судебного следствия, а также несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела; находящиеся в нормативном единстве положения статьи 41 УК РСФСР, статьи 373, части третьей статьи 380 и части второй статьи 382 УПК РСФСР - в части, наделяющей надзорную

		<p>статьи 36 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан</p> <p>РСФСР. В жалобе А.Ю. Жевченко оспаривается также конституционность части второй статьи 1 и статьи 2 УПК РСФСР. Однако содержащиеся в них нормы, формулирующие общее правило применения уголовно - процессуального закона, действующего в момент производства по делу, а также задачи и цели уголовного судопроизводства, достижение которых обеспечивается всеми предписаниями Уголовно - процессуального кодекса РСФСР, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права и свободы заявителя. Следовательно, в этой части данная жалоба не отвечает критерию допустимости, установленному статьей 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", а производство по делу - подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 названного Закона.</p> <p>Кроме того, А.Ю. Жевченко оспаривает конституционность положения части пятой статьи 47 УПК РСФСР, согласно которому</p>	<p>инстанцию правомочием в течение года после вступления в законную силу обвинительного приговора отменить его в связи с неприсоединением неотбытой части наказания по предыдущему приговору, передать дело на новое рассмотрение и исправление данного нарушения в суд первой инстанции.</p> <p>В соответствии с Конституцией РФ в РФ, как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства.</p> <p>Правосудие может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.</p> <p>Конституция РФ обеспечивает каждому право обжаловать в суд нарушающие его права и свободы решения и действия (или бездействие) государственных органов и должностных лиц, а каждому осужденному за преступление - право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном ФЗ (статья 46, части 1 и 2; статья 50, часть 3). Исходя из этого федеральный законодатель в целях создания механизма эффективного восстановления нарушенных прав на основании статей 71 (пункты "в", "о") и 76 (часть 1) Конституции РФ определил в УПК РСФСР процедуры пересмотра неправосудных решений - производство в кассационной инстанции, которая рассматривает дела по кассационной жалобе и протесту на судебные приговоры, определения и постановления, не вступившие в законную силу, и в качестве дополнительной гарантии обеспечения законности и обоснованности судебных решений - пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу, в порядке надзора (глава 30, статьи 371 - 383), а также возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 31, статьи 384 - 390).</p> <p>Институт пересмотра судебных решений в порядке надзора</p>
--	--	--	---

			<p>близкие родственники обвиняемого могут быть допущены в качестве защитников по определению суда или постановлению судьи. По мнению заявителя, данное положение позволило не допустить к участию в деле в суде надзорной инстанции в качестве защитника его отца - Ю.Ю. Жевченко.</p>	<p>основан на положении статьи 126 Конституции РФ, согласно которой ВС РФ как высший судебный орган по уголовным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью, и на положениях о полномочиях ВС Российской Федерации и других федеральных судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора, которые содержатся в ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" и "О военных судах РФ", принятых в порядке конкретизации статей 126 и 128 Конституции РФ.</p> <p>Конституционно - правовая природа института пересмотра приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу, ранее была выявлена Конституционным Судом Российской Федерации, в частности в Постановлениях от 2 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности положений статей 371, 374 и 384 УПК РСФСР, от 6 июля 1998 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 УПК РСФСР, от 14 февраля 2000 года по делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 УПК РСФСР. При этом Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам.</p> <p>Пересмотр вступивших в законную силу, т.е. окончательных, судебных решений и новое рассмотрение дела - дополнительный способ обеспечения правосудности приговоров, который, имея резервное значение, используется, когда неприменимы или исчерпаны все другие средства процессуально - правовой защиты.</p> <p>Законодатель, установив в качестве обязательных стадий судебного производства рассмотрение дел судами первой и кассационной инстанций, предусмотрел дополнительную гарантию конституционного права каждого на судебную</p>
--	--	--	--	---

				<p>защиту - производство в надзорной инстанции, наделив соответствующих должностных лиц суда и прокуратуры обязанностью приносить надзорные протесты на состоявшиеся судебные решения при наличии оснований для их пересмотра; сам по себе отказ в принесении протеста (равно как и принесение протеста) на состоявшиеся судебные решения нельзя рассматривать как нарушение конституционного права на судебную защиту, поскольку какое-либо иное решение, по-новому определяющее права и обязанности лиц, участвующих в деле, при решении вопроса о принесении надзорного протеста не выносится.</p> <p>Установление уголовно - процессуальным законом возможности возбуждения надзорного производства лишь по инициативе соответствующих должностных лиц (в том числе прокурора) само по себе не влечет отказ в праве на судебную защиту для граждан, чьи права нарушены в результате судебной ошибки, поскольку наряду с надзорным производством в Уголовно - процессуальном кодексе РСФСР предусмотрен еще один дополнительный способ защиты - в процедуре возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам в целях устранения допущенных при рассмотрении уголовных дел судебных ошибок, которые не были или не могли быть выявлены ранее (статьи 384 - 390).</p> <p>Конституция РФ, закрепляя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным в том смысле, что в обычной процедуре это решение не может быть изменено. Такой вывод вытекает из статьи 46 (часть 3) Конституции РФ, признающей за каждым право обращаться в соответствии с международными договорами России в межгосударственные организации по защите прав и свобод</p>
--	--	--	--	--

				<p>человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Данное конституционное положение, означающее, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами РФ, тем самым позволяет законодателю закрепить полномочия последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся решений. Следовательно, указанные полномочия законодатель вправе предусмотреть и для случаев, когда необходимость изменения судебного решения может быть выявлена и без участия межгосударственных органов.</p> <p>Положения, содержащиеся во взаимосвязанных пунктах 1 и 2 статьи 342, части первой и пункте 1 части второй статьи 371, пункте 2 части первой статьи 378, части первой статьи 379, части третьей статьи 380 УПК РСФСР, а также пунктах 1 и 2 статьи 36 ФЗ "О прокуратуре РФ", образующие единый нормативный комплекс, допускают пересмотр и отмену в порядке надзора по протесту прокурора вступившего в законную силу оправдательного приговора по основаниям односторонности или неполноты предварительного или судебного следствия, а также несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.</p> <p>Согласно статье 343 УПК РСФСР односторонним или неполно проведенным признается дознание, предварительное или судебное следствие, которые оставили невыясненными такие обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора; дознание, предварительное или судебное следствие во всяком случае признается односторонним или неполным, когда по делу: 1) не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела, или не была проведена экспертиза, когда ее проведение по закону является обязательным, а равно не были истребованы документы или</p>
--	--	--	--	---

				<p>вещественные доказательства, имеющие существенное значение, 2) не были исследованы обстоятельства, указанные в определении суда или постановлении судьи, передавшего дело для производства дополнительного расследования или на новое судебное рассмотрение, 3) не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого. Согласно статье 344 УПК РСФСР приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам дела, если: 1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, 2) суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда, 3) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие, 4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания.</p> <p>УПК РСФСР, как это вытекает из его статьи 379 во взаимосвязи со статьями 342 - 345, предусматривает одни и те же основания к отмене или изменению приговора и в надзорной и в кассационной инстанциях, не учитывая, таким образом, принципиальное отличие пересмотра судебного решения, вступившего в законную силу, т.е. окончательного, исполняемого или исполненного (такой пересмотр осуществляется в исключительных случаях, тем более в отношении оправдательного приговора), от кассационной проверки судебного решения, которое законную силу еще не приобрело. В конечном счете это привело к искажению конституционно - правовой природы надзорного производства и обусловленных ею критериев допустимости пересмотра и отмены окончательных приговоров.</p>
--	--	--	--	--

				<p>В соответствии с общепризнанным правовым принципом non bis in idem Конституция РФ устанавливает, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление.</p> <p>Указанный запрет направлен на обеспечение правовой безопасности и правовой стабильности, что нашло отражение и в уголовном законодательстве РФ. Положения ст 6 Конституции РФ корреспондируют и предписанию статьи 55 (часть 3) Конституции РФ о допустимости возложения на гражданина только таких ограничений прав и свобод, которые соразмерны конституционно значимым целям и направлены на защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.</p> <p>В силу приведенных положений Конституции РФ и международно - правовых актов невозможно произвольное изменение правового режима для участников уголовно - правовых отношений, в том числе для лица, в отношении которого вынесен окончательный приговор, - поворот к худшему для осужденного (оправданного) при пересмотре вступившего в законную силу приговора, как общее правило, недопустим.</p> <p>Вместе с тем Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а именно пунктом 2 статьи 4 Протокола N 7 (в редакции Протокола N 11), установлено, что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно - процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства было допущено существенное нарушение. Из этого следует, что федеральный законодатель вправе предусмотреть - с соблюдением критериев и условий,</p>
--	--	--	--	--

				<p>закрепленных в данных положениях, - процессуальные механизмы и процедуры пересмотра и отмены вступившего в законную силу приговора и с учетом их природы определить, в каких случаях такой пересмотр возможен в процедуре возобновления дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, а в каких - в надзорном порядке.</p> <p>При этом исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших. Отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства фундаментальным нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, что - вопреки принципу справедливости и основанном на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека (статья 17, часть 1; статьи 19, 21 и 46 Конституции Российской Федерации) - такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено.</p> <p>Исходя из требований статей 15 (часть 4), 17 (части 1 и 3), 46, 50 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, федеральный законодатель, предусматривая возможность отмены вступившего в законную силу приговора и пересмотра уголовного дела, обязан сформулировать точные и четкие критерии и основания подобной отмены, с учетом того, что речь идет о таком решении судебной власти, которое уже вступило в законную силу и которым, следовательно, окончательно решены вопросы о виновности лица и мере наказания.</p>
--	--	--	--	---

				<p>Между тем основания пересмотра вступивших в законную силу приговоров, предусмотренные УПК РСФСР, выходят за эти рамки. Предусматривая возможность отмены вступивших в законную силу, т.е. окончательных, приговоров, тем более если речь идет об оправдательных приговорах, федеральный законодатель - в силу требований Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод - был обязан сформулировать безусловные основания к их отмене с достаточной определенностью, точностью и ясностью, с тем чтобы исключить произвольное применение закона судом. Не выполнив этого, он тем самым искажил критерии допустимости отмены окончательных приговоров, вытекающие из статей 15 (часть 4), 46, 50 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ и пункта 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.</p> <p>В результате нарушаются также принципы состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции РФ), которые предполагают, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а лицо, привлеченное к уголовной ответственности, вправе использовать все не запрещенные законом средства для защиты от предъявленного обвинения. Кроме того, искажается принцип презумпции невиновности, закрепленный в статье 49 Конституции РФ, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.</p> <p>Конституционным принципам уголовного</p>
--	--	--	--	---

				<p>судопроизводства и сформулированной на их основе правовой позиции Конституционного Суда РФ не соответствует и положение о том, что суд надзорной инстанции при установлении им в результате собственной оценки доказательств односторонности или неполноты дознания или предварительного следствия наделяется полномочием передать дело на новое расследование (пункт 2 части первой статьи 378 УПК РСФСР), поскольку тем самым стороне обвинения неправомерно создаются дополнительные возможности по доказыванию вины привлеченного к уголовной ответственности лица уже после вступления приговора суда в законную силу. Следовательно, суд надзорной инстанции не вправе отменить вступивший в законную силу оправдательный приговор со ссылкой на его необоснованность, если в ходе предыдущего разбирательства не было допущено нарушение, отвечающее критерию, указанному в пункте 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Соответственно, и прокурор не вправе ставить перед судом надзорной инстанции вопрос о пересмотре приговора со ссылкой на необоснованность, не подпадающую под этот критерий.</p> <p>Согласно статье 41 УК РСФСР, если осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания совершил новое преступление, суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. Аналогичное правило содержится в статье 70 УК Российской Федерации, действующей в настоящее время. В нормативном единстве со статьей 373, частью третьей статьи 380 и частью второй статьи 382 УПК.</p> <p>Данную норму, императивную по своему характеру, суд обязан применить в любом случае при вынесении нового приговора в отношении указанной категории осужденных, и</p>
--	--	--	--	---

				<p>потому он не вправе при назначении наказания за новое преступление не присоединить неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. Дискреция суда проявляется лишь в решении вопроса, полностью или частично (и в какой именно части) присоединить неотбытое наказание по предыдущему приговору.</p> <p>Вступивший в законную силу приговор - поскольку он не пересмотрен в установленном законом порядке, - будучи актом судебной власти, является обязательным для всех, включая суд, рассматривающий дело о новом преступлении лица, отбывающего наказание по данному приговору. Поэтому в случае, когда вопреки указанному уголовно - правовому императиву суд при вынесении нового приговора ошибочно не присоединяет неотбытую часть наказания за предшествующее преступление, такая грубая судебная ошибка безусловно подлежит исправлению, в том числе после вступления этого приговора в законную силу. Иное означало бы, что приговор по предыдущему делу, по существу, неправомерно аннулируется, что - по смыслу статей 1 (часть 1), 17 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 118 (части 1 и 2) Конституции РФ во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод - несовместимо с принципами уголовного права, противоречит самой идее правосудия, а потому недопустимо в правовом государстве.</p> <p>Вместе с тем пересмотр и отмена окончательного приговора в надзорном порядке, если это влечет ухудшение положения осужденного (даже когда приговор отменяется вследствие того, что суд не присоединил неотбытую часть наказания по предыдущему приговору), должны быть - в силу вытекающих из статей 19 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ принципов правовой стабильности и правовой безопасности - обусловлены достаточно кратким сроком. Положение статьи 373 УПК РСФСР о возможности пересмотра</p>
--	--	--	--	---

				<p>в порядке надзора обвинительного приговора по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, лишь в течение года по вступлении его в законную силу направлено на то, чтобы исключить долговременную угрозу пересмотра приговора, и как таковое не нарушает баланс конституционно защищаемых ценностей (статья 17, часть 3; статья 50, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции РФ).</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 75, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде РФ", Конституционный Суд РФ постановил:</p> <p>1) признать положения пунктов 1 и 2 статьи 342, части первой и пункта 1 части второй статьи 371, пункта 2 части первой статьи 378, части первой статьи 379 и части третьей статьи 380 УПК РСФСР, а также пунктов 1 и 2 статьи 36 ФЗ "О прокуратуре РФ" не соответствующими Конституции РФ,</p> <p>2) признать положения статьи 41 УК РСФСР, статьи 373, части третьей статьи 380 и части второй статьи 382 УПК РСФСР не противоречащими Конституции РФ.</p>
27	Постановление от 14 марта 2002 года N 6-П	По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан С.С.Маленкина, Р.Н.Мартынова и С.В.Пустовалова	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова на нарушение их конституционных прав положениями указанных статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которыми регламентируются порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, и порядок применения в качестве меры пресечения заключения под стражу. Основанием к	Предметом рассмотрения Конституционного Суда в настоящем деле явилась конституционность статьи 96 УПК РСФСР, а также признать не соответствующей Конституции РФ статью 216 УПК РСФСР. Закрепленное Конституцией РФ право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22, часть 1) относится к числу основных прав человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения (статья 17, часть 2), а конституционно установленные особые уголовно-процессуальные гарантии судебной защиты данного права в силу статьи 18 Конституции РФ являются непосредственно действующими и, следовательно, определяющими смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства, равно как и деятельность

	ва	<p>рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти положения, примененные в делах заявителей, Конституции Российской Федерации.</p> <p>В своих жалобах в Конституционный Суд Российской Федерации Р.Н. Мартынов и С.В.Пустовалов оспаривают конституционность статьи 96 УПК РСФСР, устанавливающей, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется с соблюдением требований статьи 11 УПК РСФСР, т.е на основании судебного решения или с санкции прокурора, и определяющей соответствующие полномочия должностных лиц органов прокуратуры. По мнению заявителей, положения этой статьи противоречат статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48</p>	<p>законодательной власти по его принятию, изменению и дополнению.</p> <p>Предусмотрев в абзаце втором пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения", что до приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с конституционными положениями сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, Конституция РФ тем самым обязала законодателя в течение переходного периода, конкретные временные границы которого ею не определялись, внести изменения в действующее законодательство, с тем чтобы нормы о применении ареста (заключения под стражу) и содержании под стражей только на основании судебного решения и о предельном 48-часовом сроке задержания лица до вынесения судебного решения вошли в качестве обязательного элемента в механизм правового регулирования применения мер процессуального принуждения.</p> <p>Временный характер сохранения того порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, который был урегулирован действовавшим до принятия Конституции РФ уголовно-процессуальным законодательством, подтвержден ФЗ от 30 марта 1998 года "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней". Признавая закрепленное в пунктах 3 и 4 статьи 5 Конвенции право каждого задержанного или арестованного на незамедлительное доставление к судье и на судебное разбирательство в течение разумного срока, российский законодатель ограничил применение санкционированного абзацем вторым пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции ФЗ и предусмотренного частью первой статьи 11, частью первой статьи 89, статьями 90, 92, 96, 961, 962, 97, 101 и</p>
--	----	--	---

		<p>часов. Кроме того, С.В. Пустовалов просит признать не соответствующей Конституции Российской Федерации статью 216 УПК РСФСР, предусматривающую право прокурора при утверждении обвинительного заключения избирать в отношении обвиняемого меру пресечения в виде заключения под стражу, в том числе несмотря на истечение установленных статьей 97 УПК РСФСР предельных сроков содержания под стражей. С.С. Маленкин в своей жалобе утверждает, что статья 90 УПК РСФСР, как позволяющая в исключительных случаях применять с санкции прокурора меру пресечения в виде заключения под стражу на срок до десяти суток в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, до предъявления ему обвинения, и статья 122 УПК РСФСР, как позволяющая задерживать лицо, подозреваемое в совершении преступления, без судебного решения на срок более 48 часов, нарушают гарантируемое статьей 22 Конституции Российской</p>	<p>122 УПК РСФСР порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, периодом, который потребуется для внесения в законодательство РФ изменений, полностью устраняющих несоответствия указанных положений положениям Конвенции. Таким образом, как в Конституции РФ, так и в ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" сохранение действия положений уголовно-процессуального закона, которыми регламентируются порядок задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, и порядок применения заключения под стражу, рассматривается как переходная мера, ограниченная по времени периодом, необходимым лишь для внесения в законодательство соответствующих изменений. В случаях, когда право, для защиты которого необходимо принятие закона, непосредственно закреплено в Конституции РФ, исполнение подобной обязанности должно осуществляться скорейшим образом. Данная правовая позиция была сформулирована Конституционным Судом РФ в Постановлении от 2 февраля 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона РФ "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях".</p> <p>Как следует из этой правовой позиции, подтвержденной Конституционным Судом РФ в официально опубликованном Определении от 2 апреля 2001 года по жалобе гражданина С.В. Посохова на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 122 УПК РСФСР, в связи с тем, что после принятия Конституции РФ прошел значительный срок, достаточный не</p>
--	--	--	--

			<p>Федерации право на свободу и личную неприкосновенность.</p>	<p>только для выполнения законодателем предписания абзаца второго пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции РФ о приведении уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РФ, но и для обеспечения его действия, меняется конституционное значение переходных положений, содержащихся в Конституции РФ, поскольку временные нормы фактически становятся постоянно действующими и в таком качестве нарушают не только право, гарантированное статьей 22 Конституции РФ, но и провозглашенный ею принцип непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина (статья 18). Сохранение прежнего порядка задержания и применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, таким образом, уже с этого времени - вопреки конституционному смыслу абзаца второго пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции РФ и принятым на себя РФ обязательствам в связи с ратификацией ею Конвенции о защите прав человека и основных свобод - приводило, по сути, к отказу от реализации гарантированного главой 2 Конституции РФ механизма судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Между тем гарантии судебной защиты имеют особое значение для ситуаций, связанных с ограничением одного из основных прав человека - права на свободу и личную неприкосновенность, что признается, в частности, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и Международным пактом о гражданских и политических правах. Согласно этим международно-правовым актам, являющимся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции РФ составной частью правовой системы РФ, каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону</p>
--	--	--	--	--

				<p>полномочие осуществлять судебную власть, и ему должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение (пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах).</p> <p>Указанные гарантии права на судебную защиту, которое как неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения должно быть обеспечено наиболее полным образом, не могут быть компенсированы предоставлением - на основании действующего регулирования - обвиняемому и подозреваемому, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, возможности обжаловать в судебном порядке незаконность и необоснованность ареста или продления срока содержания под стражей (статьи 2201 и 2202 УПК РСФСР), поскольку при этом допускается ограничение свободы и личной неприкосновенности вне судебного контроля в течение значительного времени (до момента рассмотрения судом соответствующей жалобы).</p> <p>18 декабря 2001 года принят УПК РФ. Однако часть вторая его статьи 29, согласно которой только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, о продлении срока содержания под стражей, а также другие нормы, касающиеся передачи судам в ходе досудебного производства по уголовному делу полномочий по применению меры пресечения в виде заключения под стражу и продлению срока содержания под стражей, ФЗ от 18 декабря 2001 года "О введении в действие УПК РФ" вводятся в действие лишь с 1 января 2004 года; до этого момента решения по таким вопросам по-прежнему принимает прокурор.</p> <p>Следовательно, до наступления указанного срока порядок</p>
--	--	--	--	---

				<p>внесудебного ограничения свободы и личной неприкосновенности по-прежнему сохраняется в качестве составной части правовой системы РФ, т.е. применительно к этому периоду фактически рассматривается законодателем как соответствующий Конституции РФ. Тем самым предписание абзаца второго пункта 6 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции РФ реализовано им сугубо формально, чем нарушается действительный смысл данного предписания. Сохранение прежнего порядка задержания и применения в качестве меры пресечения заключения под стражу является отступлением не только от провозглашенных статьями 22 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции РФ особых процессуальных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность, но и от закрепленных в статьях 17 и 18 Конституции РФ принципа непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина, обязанности РФ признавать и гарантировать их в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, не согласуется с сохраняющими свою силу правовыми позициями Конституционного Суда РФ по данному вопросу, а также несовместимо с принятыми на себя Россией обязательствами в связи с ратификацией ею Конвенции о защите прав человека и основных свобод.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 80, 87 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде РФ", Конституционный Суд РФ постановил: признать положения статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР, не соответствующими Конституции Российской Федерации.</p>
28	Постановление от 25 октября 2001 г. N 14-П	По делу о проверке конституционности	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В.	Предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации в настоящем деле являются взаимосвязанные положения части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР, находящиеся в неразрывном нормативном

		<p>положений, содержащихся в статьях 47 и 51 уголовно-процессуального Кодекса РФ и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицына и И.В. Москвичева</p>	<p>Москвичева на нарушение их конституционных прав положения, содержащихся в статьях 47 и 51 УПК РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" о порядке предоставления подозреваемым и обвиняемым, находящимся под стражей, свиданий с адвокатом (защитником). Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли указанные положения, примененные в делах заявителей, Конституции Российской Федерации. Конституционность положений, содержащихся в статьях 47 и 51 УПК РСФСР, уже проверялась Конституционным Судом Российской Федерации: часть четвертая статьи 47 УПК РСФСР - в части, касающейся квалификационных требований к защитнику, допускаемому к участию в уголовном судопроизводстве (Постановление от 28 января 1997 года), часть</p>	<p>единстве с частью четвертой статьи 47 УПК РСФСР, согласно которой адвокат допускается в качестве защитника по предъявлении им ордера юридической консультации. Согласно статье 48 (часть 2) Конституции РФ каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Данное право служит для этих лиц гарантией осуществления других закрепленных в Конституции РФ прав - на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1), на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), на судебную защиту (статья 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3) - и находится во взаимосвязи с ними. Основные права и свободы человека и гражданина, к каковым по своему существу относится право пользоваться помощью адвоката (защитника), признаются и гарантируются в РФ согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием (статьи 1, 2, 17 и 18 Конституции РФ), а их признание, соблюдение и защита, в силу предписаний Конституции РФ и корреспондирующих им общепризнанных принципов и норм международного права, - обязанность государства и одно из необходимых условий справедливого правосудия. Из статей 71 (пункты "в", "о") и 76 (часть 1) Конституции РФ во взаимосвязи с ее статьей 55 (часть 3) следует, что закрепленное статьей 48 (часть 2) Конституции РФ право в</p>
--	--	---	--	---

		<p>первая статьи 47 УПК РСФСР - в части, касающейся определения момента, с которого лицу, подозреваемому в совершении преступления, предоставляется право пользоваться помощью защитника, а часть вторая статьи 51 УПК РСФСР - в части, касающейся права защитника до окончания расследования знакомиться с протоколами следственных действий и другими материалами дела (Постановление от 27 июня 2000 года). В иных аспектах указанные нормы Конституционным Судом Российской Федерации не рассматривались.</p> <p>Оспариваемые в жалобах граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева взаимосвязанные положения части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР находятся в неразрывном нормативном единстве с частью четвертой статьи 47 УПК РСФСР, согласно которой адвокат допускается в качестве защитника по предъявлении им ордера юридической консультации. Следовательно, именно эти положения, а также пункт 15 части</p>	<p>уголовном судопроизводстве регулируется уголовно - процессуальным законодательством и что федеральный законодатель вправе конкретизировать содержание данного права и устанавливать правовые механизмы его осуществления, условия и порядок реализации, не допуская при этом искажения существа данного права, самой его сути, и введения таких его ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями.</p> <p>Регламентируя условия и порядок реализации права на помощь адвоката (защитника), УПК РСФСР предусматривает, что обвиняемый с момента предъявления обвинения, а лицо, подозреваемое в совершении преступления, в случае его задержания или совершения в отношении него до предъявления обвинения действий, связанных с его уголовным преследованием, - с начала осуществления этих мер или действий вправе иметь защитника, которого либо приглашают сам обвиняемый, его законный представитель, другие лица по поручению или с согласия обвиняемого, либо выделяет юридическая консультация (президиум коллегии адвокатов) по поручению органа или лица, в производстве которых находится уголовное дело (статьи 46, 47 и 48).</p> <p>Вступая в дело, защитник, соответственно, вправе иметь с обвиняемыми (подозреваемыми) свидания, присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе, а также в иных процессуальных действиях, производимых с их участием, использовать иные предусмотренные уголовно - процессуальным законом права в уголовном судопроизводстве, а также любые другие средства и способы защиты, не противоречащие закону (статьи 47 и 51 УПК РСФСР).</p> <p>При этом адвокат в силу статьи 67.1 УПК РСФСР не вправе участвовать в деле в качестве защитника, если он по данному делу оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам лица,</p>
--	--	--	--

			<p>второй статьи 16 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" являются предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации в настоящем деле - постольку, поскольку ими регулируется порядок допуска адвоката, имеющего ордер юридической консультации, к участию в деле, в том числе при проведении свиданий с содержащимися под стражей обвиняемыми и подозреваемыми.</p>	<p>обратившегося с просьбой о ведении дела, или если он ранее участвовал в качестве судьи, прокурора, следователя, лица, производившего дознание, эксперта, специалиста, переводчика, свидетеля или понятого, а также если в расследовании или рассмотрении дела принимает участие должностное лицо, с которым адвокат состоит в родственных отношениях. При наличии обстоятельств, исключающих участие в деле адвоката, вопрос о его отводе разрешается лицом, производящим дознание, следователем или прокурором при производстве соответственно дознания или предварительного следствия либо судом, рассматривающим дело.</p> <p>Как следует из приведенных законоположений в их нормативном единстве, выполнение адвокатом, имеющим ордер юридической консультации на ведение уголовного дела, процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, основанного на не перечисленных в уголовно - процессуальном законе обстоятельствах, исключающих участие этого адвоката в деле.</p> <p>Положения частей первой и четвертой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР, определяя момент, с которого адвокат, имеющий ордер юридической консультации, при отсутствии обстоятельств, указанных в статье 67.1 УПК РСФСР, вправе вступить в уголовное дело, не предполагают какого-либо особого - разрешительного - порядка такого вступления и, следовательно, не должны служить основанием для лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, принимать правоприменительные акты, разрешающие защитнику участвовать в деле. Не должны они рассматриваться и как основание для введения разрешительного порядка реализации права адвоката иметь свидания с подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей. Иное понимание</p>
--	--	--	--	---

				<p>этих норм расходилось бы с их аутентичным смыслом и противоречило бы предписаниям статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в силу которой - во взаимосвязи со статьями 46, 49 (части 1 и 2), 50 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции РФ - реализация закрепленного в ней права подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью адвоката (защитника), в том числе иметь с ним свидания, не может быть обусловлена соответствующим разрешением лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. По смыслу статьи 48 (часть 2) Конституции РФ и корреспондирующих ей положений Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт "b" пункта 3 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подпункт "с" пункта 3 статьи 6), существенным и неотъемлемым элементом права на помощь адвоката (защитника) является предоставление содержащемуся под стражей обвиняемому (подозреваемому) возможности непосредственного общения со своим защитником и, соответственно, возможность последнего иметь свидания с подзащитным.</p> <p>Как следует из статей 48 (часть 2), 71 (пункты "в", "о") и 76 (часть 1) Конституции РФ в их взаимосвязи, федеральный законодатель при регулировании права на помощь адвоката (защитника), относящегося к основным правам и свободам человека и гражданина, обязан установить в уголовно - процессуальном законе все важнейшие элементы данного права, включая условия и порядок его реализации, в частности условия и порядок предоставления адвокату свиданий с обвиняемым (подозреваемым), поскольку такое регулирование непосредственно затрагивает само существо уголовно - процессуальных отношений, в том числе в части реализации функции защиты обвиняемым и его адвокатом, а также поскольку оно связано с установлением пределов</p>
--	--	--	--	--

				<p>осуществления данного права, т.е. возможными его ограничениями, и нахождением разумного баланса различных конституционно защищаемых ценностей, конкурирующих прав и законных интересов.</p> <p>В соответствии с частью пятой статьи 46 и частью четвертой статьи 52 УПК РСФСР порядок и условия предоставления обвиняемому и подозреваемому свиданий, в том числе с защитником, определяются ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", что предполагает установление в нем предписаний, обеспечивающих соблюдение вытекающих из приведенных статей Конституции РФ требований к его нормативному содержанию.</p> <p>Между тем положение пункта 15 части второй статьи 16 данного ФЗ, на основании которого - во взаимосвязи со статьей 18 того же Федерального закона - порядок проведения свиданий подозреваемых и обвиняемых с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, устанавливается нормативными актами Министерства юстиции РФ, иных министерств и ведомств, этим требованиям не удовлетворяет, поскольку позволяет осуществлять регулирование (и, следовательно, создает возможность ограничения) ведомственными нормативными актами существенных элементов конституционного права пользоваться помощью адвоката (защитника), которые подлежат определению непосредственно в уголовно - процессуальном законе.</p> <p>ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", исходя из признания государством права обвиняемого (подозреваемого), содержащегося под стражей, на свидания с защитником (пункт 4 части первой статьи 17), установил, что с момента задержания такие свидания предоставляются с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, по предъявлении им ордера юридической</p>
--	--	--	--	--

				<p>консультации и не подлежат ограничению по количеству и продолжительности (часть первая статьи 18). Вместе с тем им не определены исчерпывающие, точные и четкие критерии условий и порядка реализации адвокатом права на свидания с содержащимся под стражей обвиняемым (подозреваемым), в частности не ясно, достаточно ли для предоставления свиданий предъявления адвокатом ордера юридической консультации или требуются какие-либо еще подтверждения его участия в деле в качестве защитника, исходящие в том числе от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.</p> <p>Подобная неопределенность позволяет неоднозначно и, следовательно, произвольно толковать и применять названный ФЗ в части, касающейся условий и порядка предоставления адвокату свиданий с обвиняемым (подозреваемым). Положение пункта 15 части второй его статьи 16, как его толкует правоприменительная практика, служит основанием для отказа подозреваемым и обвиняемым в предоставлении свидания с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, если он не имеет специального документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело, т.е. предоставление таких свиданий (или даже каждого свидания в отдельности) фактически зависит от разрешения следователя, прокурора или суда.</p> <p>Требование обязательного получения адвокатом (защитником) разрешения от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, на допуск к участию в деле означает, по существу, что подозреваемый и обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) - возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) либо субъективного</p>
--	--	--	--	---

				<p>(нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера.</p> <p>В результате создается возможность нарушения закрепленного в статье 123 (часть 3) Конституции РФ принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, исключаяющего, как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона РФ "О государственной тайне", зависимость реализации обвиняемым (подозреваемым) конституционного права на помощь адвоката (защитника) от усмотрения органа предварительного расследования, прокуратуры и суда, и тем самым - нарушения конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты в целом.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд РФ постановил:</p> <p>признать положения, содержащиеся в частях первой и четвертой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР. не противоречащими Конституции Российской Федерации, признать положение пункта 15 части второй статьи 16 ФЗ "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" не соответствующим Конституции РФ.</p>
29	Постановление от 27 июня 2000 г. № 11-П	По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и	Гражданин В.И. Маслов, полагая, что его конституционным правам в уголовном процессе причинен невосполнимый ущерб, поскольку они своевременно не были реализованы на важной для защиты стадии уголовного	Предметом рассмотрения по настоящему делу являются положения ч.1 ст. 47 УПК РСФСР, которые допускают защитника к участию в деле с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу; и положения ч.2 ст. 51 УПК РСФСР, которые

		<p>части второй статьи 51 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова</p>	<p>процесса, обратился в Конституционный Суд РФ с просьбой проверить конституционность примененных в его деле положений УПК РСФСР, как противоречащих ст. 45 (ч.2), 48 (ч.1 и 2) и 55 (ч.3) Конституции РФ.</p>	<p>толкуются правоприменительной практикой как не предоставляющие защитнику до окончания расследования по делу право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием его подзащитного до того, как он был признан подозреваемым, и документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, и исключающие право выписывать необходимые сведения из материалов, с которыми защитник был ознакомлен. Конституция РФ, гарантируя государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2; ст. 45, ч.1), предоставляет каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48, ч.1) и, кроме того, прямо предусматривает, что "каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения" (ст. 48, ч.2).</p> <p>Норма ст. 48 (ч.2) Конституции РФ определенно указывает на существенные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным.</p> <p>В противоречие с требованиями ст. 48 Конституции РФ оспариваемые положения ч.1 ст. 47 УПК РСФСР препятствуют реализации права на помощь адвоката (защитника), допуская ее не с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, а лишь с момента объявления ему органами дознания и следствия протокола задержания или</p>
--	--	--	---	--

				<p>постановления об аресте, в результате чего реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов.</p> <p>Ст. 48 (ч.2) Конституции РФ, дополнительно гарантирующая защиту от необоснованных ограничений предусмотренного ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность, не может толковаться как ограничивающая право на квалифицированную юридическую помощь адвоката - такая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах. Иное истолкование было бы умалением конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и противоречило бы ст. 55 (ч.3) и 56 (ч.3) Конституции РФ.</p> <p>Оспариваемые положения ч.1 ст. 47 УПК РСФСР, согласно которым лицо, подозреваемое в совершении преступления, получает право пользоваться помощью защитника с момента объявления ему либо протокола задержания, либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из их буквального смысла, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием, и, следовательно, не соответствуют ст. 17 (ч.1), 21 (ч.1), 22 (ч.1), 48 и 55 (ч.3) Конституции РФ.</p> <p>Оспариваемые положения ч.2 ст. 51 УПК РСФСР не предусматривают право защитника до окончания расследования по делу знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного до признания его подозреваемым, и с</p>
--	--	--	--	---

				<p>документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, а также право выписывать из материалов, с которыми защитник был ознакомлен, любые сведения в любом объеме. Именно таким образом эти положения были истолкованы в деле заявителя органами следствия, прокуратуры и в первоначальных решениях - судом.</p> <p>Иное истолкование оспариваемых положений ч.2 ст. 51 УПК РСФСР противоречило бы также смыслу ст. 45 (ч.1) Конституции РФ, согласно которой в РФ гарантируется государственная защита прав и свобод, и ст. 48 Конституции РФ, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе право пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения ч.1 ст. 47 УПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ,</p> <p>признать положения ч. 2 статьи 51 УПК РСФСР не противоречащими Конституции РФ.</p>
30	Постановление от 14 февраля 2000 г. № 2-П	По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-	В своих жалобах в Конституционный Суд РФ граждане А.Б.Аулов, А.Б.Дубровская, А.Я.Карпинченко, А.И.Меркулов, Р.Р.Мустафин и А.А.Стубайло оспаривают конституционность ч.3 ст. 377 УПК РСФСР, согласно которой в необходимых случаях	Предметом рассмотрения по настоящему делу являются положения части третьей статьи 377 УПК РСФСР, в соответствии с которыми на заседание суда, рассматривающего дело в порядке надзора по протесту, в котором поставлен вопрос об отмене вступившего в законную силу судебного решения по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного или оправданного, эти лица, а также их защитники приглашаются для дачи объяснений лишь в необходимых, по мнению суда, случаях, и только

	<p>процессуальног о кодекса РФСР в связи с жалобами граждан А.Б.Аулова, А.Б.Дубровско й, А.Я.Карпинчен ко, А.И.Меркулова , Р.Р.Мустафина и А.А.Стубайло</p>	<p>на заседание суда, рассматривающего дело в порядке надзора, для дачи объяснений могут быть приглашены осужденный, оправданный, их защитники, законные представители несовершеннолетних, потерпевший и его представитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители; приглашаемым на заседание лицам обеспечивается возможность ознакомления с протестом или заключением. Кроме того, гражданка А.Б.Дубровская оспаривает конституционность ч.4 и 5 той же статьи, согласно которым дело докладывается председателем суда или по его назначению членом президиума или членом суда, ранее не участвовавшим в рассмотрении дела; докладчик излагает обстоятельства дела, содержание приговора, определения и постановления, содержание протеста; докладчику могут быть заданы вопросы; если в судебном заседании участвуют осужденный, оправданный, их защитники, законные представители</p>	<p>приглашаемым на заседание лицам обеспечивается возможность ознакомления с протестом; на заседание суда, рассматривающего дело в порядке надзора, потерпевшие приглашаются для дачи объяснений лишь в необходимых, по мнению суда, случаях, и только приглашаемым на заседание лицам обеспечивается возможность ознакомления с протестом; положение частей четвертой и пятой статьи 377 УПК РФ, в соответствии с которым потерпевший дает объяснения в заседании суда надзорной инстанции после доклада дела судьей, но до предоставления прокурору слова для поддержания внесенного им протеста или дачи заключения по протесту председателя суда или его заместителя. В соответствии со ст. 46 (ч.1) Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Одним из процессуальных средств, обеспечивающих соответствующую этим требованиям судебную защиту, является предусмотренная гл. 13 УПК РФ возможность исправления в порядке надзора судебных ошибок путем пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений. Производство в надзорной инстанции имеет место после того, как судебное решение, постановленное по делу, вступило в законную силу. Срок принесения протеста в порядке надзора ограничен лишь для случаев пересмотра судебных решений по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного или оправданного (ст. 373 УПК РФ), надзорная жалоба (в отличие от кассационной) не является достаточным поводом к возбуждению производства в суде надзорной инстанции, поскольку пересмотр судебного решения в порядке надзора допускается лишь по протесту соответствующих должностных лиц суда и прокуратуры, указанных в ст. 371 УПК РФ. Основаниями к отмене или изменению приговора как в надзорной, так и в кассационной инстанциях являются, как это следует из ст. 379 и 342 УПК РФ, одни и те же</p>
--	---	---	---

			<p>несовершеннолетних, потерпевший и его представитель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, то они вправе после доклада судьи дать свои устные объяснения (ч.4); затем предоставляется слово прокурору для поддержания внесенного им протеста или дачи заключения по протесту председателя суда или его заместителя, после чего судьи выносят постановление, а Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ-определение (ч.5).</p>	<p>обстоятельства. Идентичны и полномочия надзорной и кассационной инстанций, позволяющие суду либо оставить протест без удовлетворения, либо отменить судебное решение, прекратив дело производством или передав его на новое расследование или новое судебное рассмотрение (ст. 378 и 339 УПК РСФСР). Однако, несмотря на то, что полномочия судов кассационной и надзорной инстанций, направленные на реализацию одной из основных задач судопроизводства, в значительной степени совпадают, объем реальных прав осужденного, оправданного и иных участников процесса в этих инстанциях существенно различается.</p> <p>По смыслу ст. 377 УПК РСФСР, участие прокурора в надзорном производстве является обязательным, в то время как осужденный, оправданный, их защитники для дачи объяснений в судебное заседание могут быть допущены лишь по усмотрению суда "в необходимых случаях".</p> <p>Ч.3 ст. 377 УПК РСФСР, таким образом, позволяет суду, рассматривающему дело в порядке надзора, вынести решение без уведомления осужденного, оправданного и их защитников о возбуждении надзорного производства, без ознакомления их с доводами протеста, без извещения о времени и месте рассмотрения дела. Указанные средства правовой защиты обеспечиваются только лицам, которых суд сочтет необходимым пригласить для дачи объяснений – это является отступлением от принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч.1, Конституции РФ), а также ограничением конституционного права на судебную защиту (ст. 46, ч.1, Конституции РФ).</p> <p>Одной из гарантий применительно к уголовному судопроизводству является закрепленное в ст. 123 (ч.3) Конституции РФ положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Вопреки требованиям, вытекающим из ст. 123 (ч.3)</p>
--	--	--	---	---

				<p>Конституции РФ, ст. 377 УПК РСФСР, признавая обязательным участие прокурора в суде надзорной инстанции и допуская возможность рассмотрения дела без выяснения отношения осужденного, оправданного к вопросам, поставленным в протесте, наделяет тем самым одну из сторон в состязательном процессе - прокурора дополнительными возможностями в отстаивании своей позиции, в обсуждении всех вопросов, связанных с разбирательством дела, что ставит его в преимущественное положение по сравнению с другой стороной - обвиняемым.</p> <p>Ч.3 ст. 377 УПК РСФСР не препятствует суду в целях выполнения задач надзорной инстанции при проверке законности и обоснованности приговора признать необходимым участие осужденного, оправданного в судебном заседании и принять меры к обеспечению их явки.</p> <p>Конституционный Суд РФ постановил:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1.признать положения ч.3 ст. 377 УПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 19 (ч.1), 46 (ч.1) и 123 (ч.3), 2.признать положения ч.3 ст. 377 УПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 46 (ч.1) и 52, 3.признать не противоречащим Конституции РФ положение ч.4 и 5 ст. 377 УПК РСФСР.
31	Постановление от 14 января 2000 г. № 1-П	По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих	В своей жалобе в Конституционный Суд РФ И.П. Смирнова просит проверить конституционность положений ч.1,2 и 4 ст. 256 УПК РСФСР, нарушающих, как она утверждает, ее конституционные права, поскольку возбуждение уголовного преследования - задача специальных органов	Предметом рассмотрения в настоящем деле являются единые по своему нормативному содержанию положения УПК РСФСР, возлагающие на суд на любом этапе производства в суде обязанность в каждом случае обнаружения им признаков преступления возбудить уголовное дело, в том числе в отношении лица, не привлеченного к уголовной ответственности по рассматриваемому делу, а также закрепляющие неразрывно связанные с этим полномочия суда по избранию меры пресечения в отношении указанного лица и направлению дела для дополнительного расследования.

		<p>полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П.Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации</p>	<p>исполнительной власти, и возложение законом такой обязанности на суд противоречит его конституционной функции (природе) как независимого и беспристрастного органа, осуществляющего правосудие в состязательном процессе (ст. 10, 118, ч.1, и 123, ч.3, Конституции РФ).</p>	<p>Ст. 108 и 109 УПК РСФСР регулируют общий для всех органов уголовного судопроизводства порядок возбуждения уголовного дела и обязывают суд наравне с прокурором, следователем и органом дознания рассматривать поступившие заявления и сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении и выносить по этим заявлениям, а также в связи с непосредственным обнаружением им самим признаков преступления решение о возбуждении уголовного дела. Общие предписания относительно полномочий по возбуждению уголовного дела, порядка и последствий его возбуждения содержатся также в ст. 112 и 115 УПК РСФСР, которые, как и ст. 3, не могут не применяться во всех случаях при принятии такого решения, в том числе судом.</p> <p>Полномочия суда по возбуждению уголовного дела закреплены и в ч.1 и 2 ст. 256 УПК РСФСР, которые предусматривают, что при установлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, указывающих на совершение преступления лицом, не привлеченным к уголовной ответственности, суд возбуждает в отношении этого лица уголовное дело и направляет его отдельно или вместе с рассматриваемым делом для производства расследования. Суд вправе также, возбуждая уголовное дело в отношении нового лица, применить к нему меру пресечения (ч.4 ст. 256 УПК РСФСР) по правилам ст. 89, 91 и 92 УПК РСФСР, предусматривающих применение мер пресечения только к обвиняемым.</p> <p>В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключющие</p>
--	--	--	---	---

				<p>возбуждение уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью и т.п.</p> <p>Возлагая на суд в уголовном процессе исключительно задачу осуществления правосудия, Конституция РФ не относит к его компетенции уголовное преследование, посредством которого реализуются закрепленные, в частности, за исполнительной властью конституционные полномочия по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.</p> <p>Принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной власти и самостоятельности органов каждой из них (ст. 10 Конституции РФ) в уголовном судопроизводстве предполагает разграничение возлагаемых на соответствующие органы функций, а именно конституционной функции осуществления правосудия и функции уголовного преследования.</p> <p>Осуществление правосудия в РФ в соответствии со ст. 11 (ч.1) и гл. 7 Конституции РФ возлагается на суды как органы судебной власти, которые рассматривают и разрешают в судебном заседании конкретные дела в строгом соответствии с установленными законом процедурами конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118, ч.1 и 2 Конституции РФ).</p> <p>Наделение суда полномочиями по возбуждению уголовного преследования не согласуется с конституционными положениями о независимом правосудии (ст. 18, ст. 46, ч.1 и ст. 120 Конституции РФ).</p> <p>На суд как орган правосудия не может возлагаться выполнение несвойственной ему процессуальной функции возбуждения уголовного преследования (ст. 3 УПК РСФСР) - тем более при наличии неотмененного акта следствия об отказе от уголовного</p>
--	--	--	--	---

				<p>преследования и прекращения уголовного дела (п.10 ч.1 ст. 5 УПК РСФСР). На суд не должно возлагаться и принятие решения о возбуждении уголовного дела в качестве возможного условия для направления им дела на дополнительное расследование в случае возникновения оснований для привлечения к уголовной ответственности нового лица, как это предусмотрено ч.2 ст.256 и допускается в соответствии с п. 4 ч.1 ст. 232 УПК РСФСР.</p> <p>Не имеет конституционных оснований и содержащееся в ч.4 ст. 256 УПК РСФСР полномочие суда при возбуждении уголовного дела в отношении нового лица применить к нему меру пресечения, поскольку в таких случаях это сопряжено непосредственно с обоснованием самим судом подозрения в совершении преступления, что является всецело функцией уголовного преследования.</p> <p>Единые по своему нормативному содержанию положения, закрепленные в ст. 3, п. 6 ч.1 ст. 108, ч.1, 2 и п.1 ч.3 ст. 109, ст. 112 и 115, п.4 ч.1 ст. 232, ч.1, 2 и 4 ст. 256, а также в п. 10 ч.1 ст. 5, ст. 255 и ч.3 ст. 256 УПК РСФСР, в той части, в какой они предусматривают правомочие суда возбуждать уголовное дело по признакам преступления, влекущего публичное уголовное преследование, в том числе в отношении нового лица, и применять к нему меру пресечения, не соответствуют ст. 10, 120 и 123 (ч.3) Конституции РФ.</p> <p>Содержащиеся в п.4 ч.1 ст. 232 и в ч.2 ст. 256 УПК РСФСР положения - в части, предусматривающей полномочие суда по собственной инициативе возвращать дело для дополнительного расследования в случае, если имеется основание для привлечения к уголовной ответственности других лиц, материалы, в отношении которых невозможно выделить в отдельное производство, являются аналогичными ранее признанным Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ.</p>
--	--	--	--	---

				<p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 87, 100 и 104, а также статьей 68 и пунктом 3 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд РФ постановил:</p> <p>признать не соответствующими Конституции РФ единые по своему нормативному содержанию ст. 3, п.6 ч.1 ст. 108, ч.1, 2 и п.1 ч.3 ст. 109, ст. 112 и 115, п.4 ч.1 ст. 232 и ч.1, 2 и 4 ст. 256 УПК РСФСР.</p>
32	<p>Постановление от 20 апреля 1999 г. № 7-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского</p>	<p>Полагая, что предписания указанных норм уголовно - процессуального закона, обязывающие суд направить дело для дополнительного расследования, не соответствуют ст. 10, 49, 50, 118 и 123 Конституции РФ, Иркутский районный суд Иркутской области обратился в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке их конституционности.</p>	<p>Предметом проверки в Конституционном Суде Российской Федерации по запросу суда может быть лишь закон, примененный или подлежащий применению в конкретном деле. Иркутским районным судом Иркутской области были применены в конкретном уголовном деле лишь часть первая статьи 258 и пункты 1 и 3 части первой статьи 232 УПК РСФСР, и, следовательно, только эти нормы и могут являться предметом проверки по данному запросу.</p> <p>Суд осуществляет судебную власть посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ), которое согласно ст. 123 (ч.3) Конституции РФ основывается на принципе состязательности и равноправия сторон.</p> <p>При этом состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечивается указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшими. Возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность этих органов и лиц по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписанием ст. 123 (ч.3) Конституции РФ и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия судом, как того</p>

		районного суда города Нижний Новгород		<p>требуют ст. 120 (ч.1) Конституции РФ, а также нормы ратифицированных РФ международных договоров (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Положениями ст. 232 и 258 УПК РСФСР предусмотрено направление судом, в том числе по собственной инициативе, уголовного дела для производства дополнительного расследования в случае неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, а также при наличии оснований для предъявления другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении. Таким образом, суд, сам иницируя продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, по сути, выполняет не свойственную ему обвинительную функцию.</p> <p>Из принципа презумпции невиновности в совокупности с принципом состязательности (ст. 123, ч.3, Конституции РФ) следует, что суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Поскольку, по смыслу ст. 118 и 123 (ч.3) Конституции РФ, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение, то не устраняемые ими сомнения в виновности обвиняемого, в силу ст. 49 (ч.3) Конституции РФ, толкуются в пользу последнего.</p> <p>В ч.4 ст. 248 УПК РСФСР установлено правило, согласно которому отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. В результате функция поддержания обвинения переходит фактически к самому суду, и он должен</p>
--	--	---------------------------------------	--	--

				<p>обеспечивать выявление и исследование обосновывающих данное обвинение доказательств.</p> <p>Как указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР, в состязательном процессе суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение дела, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и не может принимать на себя дополнительно выполнение процессуальной функции стороны, представляющей обвинение, так как это нарушает конституционный принцип состязательности. Данная правовая позиция в полной мере применима к ситуациям, порожаемым нормой ч.4 ст. 248 УПК РСФСР, когда суд должен продолжать рассмотрение обвинения, предъявленного органами расследования, даже при отказе прокурора от его поддержания. По смыслу указанной нормы, суд вправе в этих случаях вынести по делу и обвинительный приговор, а также по собственной инициативе направить дело для дополнительного расследования, что противоречит ст. 49 и 123 (ч.3) Конституции РФ.</p> <p>Из положений ст. 232 и 258, а также ст. 248 в их взаимосвязи с другими нормами УПК РСФСР, в том числе предусматривающими в качестве основания к отмене приговора вышестоящим судом односторонность и неполноту предварительного расследования, которая не может быть восполнена в судебном заседании (ст. 342, 343 УПК РСФСР), возвращение дела судом первой инстанции для дополнительного расследования является обязанностью суда. В соответствии с положениями ст. 232 и 258 УПК РСФСР обязанность суда направить дело для дополнительного расследования никак не связывается с позицией стороны, осуществляющей обвинение, не обуславливается ее ходатайствами.</p>
--	--	--	--	--

				<p>Положения ст. 232 и 258 УПК РСФСР, предусматривающие направление судом находящегося в его производстве уголовного дела для дополнительного расследования ввиду его неполноты, противоречат также ст. 46 (ч.1) и 52 Конституции РФ, поскольку создают возможность отказа гражданину в эффективном восстановлении его прав судом, не обеспечивая ни обвиняемым в совершении преступлений, ни потерпевшим от преступных действий доступ к правосудию в разумный срок. П.1 и 3 ч.1 ст. 232 и ч.1 ст. 258 УПК РСФСР не исключают произвольного применения, связанного как с отказом от вынесения оправдательного приговора, т.е. от публичной реабилитации незаконно привлеченных к уголовной ответственности, так и с непредоставлением своевременной защиты потерпевшим, поскольку возвращение дела органам расследования может безосновательно отдалять для потерпевших перспективу судебного определения их прав.</p> <p>Рассматриваемые положения ст. 232, 248 и 258 УПК РСФСР не согласуются и со ст. 10 и 118 Конституции РФ, предусматривающими осуществление государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, а также обуславливающими недопустимость возложения на судебную власть каких бы то ни было функций, несовместимых с ее исключительными прерогативами по осуществлению правосудия.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 104 и частью первой статьи 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. признать положения п.1 и 3 ч.1 ст. 232 и ч.1 ст. 258 УПК РСФСР признавать не соответствующими Конституции РФ, 2. признать положения ч.4 ст. 248 УПК РСФСР признавать не соответствующей Конституции РФ.
--	--	--	--	---

33	Постановление от 23 марта 1999 г. № 5-П	По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»	В жалобах граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого и Д.И. Фуфлыгина, а также общества с ограниченной ответственностью "Моноком", обратившихся в Конституционный Суд РФ, оспаривается конституционность ст. 218, 219 и 220 УПК РСФСР, регламентирующих порядок обжалования действий и решений органа дознания, следователя и прокурора. По мнению заявителей, указанные положения уголовно-процессуального закона не соответствуют Конституции РФ, ее ст. 17 (ч.1), 18, 46 (ч.1 и 2), 52 и 55. Между тем содержание жалоб свидетельствует о том, что фактически заявителями оспариваются не все положения ст. 218, 219 и 220 УПК РСФСР, а лишь те из них, которые предусматривают обжалование действий органа дознания и следователя прокурору (ч.1 ст. 218), а действий и решений прокурора - вышестоящему прокурору (ст. 220). При этом все заявители, не возражая против	Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является предусмотренный статьей 133 УПК РСФСР порядок продления срока предварительного расследования, оспариваемый гражданином В.И. Монастырецким, которому суд общей юрисдикции отказал в рассмотрении жалобы на продление срока следствия по его делу. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и обеспечивается право обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. В соответствии с УПК РСФСР возбуждение уголовного дела и предварительное расследование являются досудебными стадиями производства по уголовному делу, основное назначение которых состоит в обеспечении условий эффективного осуществления правосудия по уголовным делам. Суд при проверке в период предварительного расследования тех или иных процессуальных актов не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Иное противоречило бы конституционному принципу независимости суда (ст. 120 Конституции РФ), гарантирующему в условиях состязательного процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам. Согласно действующему УПК на досудебных стадиях производства по уголовному делу обжалование в суд допускается лишь в отношении отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения производства по нему, а также ареста обвиняемого (подозреваемого). Заявления же лиц, чьи конституционные права затрагиваются другими решениями и действиями органов расследования, в силу ст. 218 и 220 УПК
----	---	---	--	--

			<p>самого по себе полномочия прокурора рассматривать такие жалобы, утверждают, что оспариваемые нормы, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, исключают для заинтересованных лиц возможность обжалования процессуальных действий органов расследования в суд. Именно отказ в праве на судебное обжалование таких действий и составляет предмет рассмотрения по данному делу, что позволило Конституционному Суду РФ, руководствуясь ст. 48 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ", соединить обращения заявителей в одном производстве.</p>	<p>РСФСР на этих стадиях не принимаются судами к рассмотрению, даже если нарушенные права не могут быть впоследствии восстановлены в процессе судебного разбирательства.</p> <p>Так не могло быть реализовано право на судебную защиту заявителями по данному делу гражданином Д.И. Фуфлыгиным, в жилище которого был произведен обыск, сопровождавшийся изъятием материальных ценностей, и обществом с ограниченной ответственностью "Моноком", на денежные средства которого, находившиеся на расчетном счете в коммерческом банке, в связи с производством по уголовному делу был наложен арест. В результате такие конституционные права заявителей, как право свободно владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом (ст. 35, ч.2), а также право на неприкосновенность жилища (ст. 25), фактически остались без судебной защиты. Не предоставление заинтересованным лицам права на судебное обжалование действий и решений органов предварительного расследования, связанных с ограничением неприкосновенности их жилища и с лишением их возможности распоряжаться своей собственностью, противоречит ст. 46 (ч.1 и 2) Конституции РФ и сужает конституционные гарантии прав, предусмотренных ст. 25 и 35 (ч.1 и 2) Конституции РФ.</p> <p>Конституционное право на судебную защиту не было обеспечено и в ходе производства по делам обратившихся в Конституционный Суд РФ граждан Б.А. Кехмана и В.И. Монастырецкого: на основании ст. 218 и 220 УПК РСФСР им было отказано в праве на судебное обжалование фактического бездействия органов расследования, повлекшего приостановление производства по делу и продление срока предварительного расследования.</p> <p>Оспариваемая В.И. Монастырецким ст. 133 УПК РСФСР, регламентирующая продление срока предварительного следствия, по ее буквальному смыслу, не допускает</p>
--	--	--	---	--

				<p>произвольного и неограниченного продления этого срока, поскольку предусматривает увеличение срока следствия сверх шести месяцев лишь по решению Генерального прокурора РФ или его заместителя и только в исключительных случаях.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75 и 86, а также статьей 68 и пунктом 2 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>1) признать не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 46 (ч.1 и 2) и 52, положения ч.1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР.</p> <p>2) признать ст. 133 УПК РСФСР не противоречащей Конституции РФ.</p>
34	Постановление от 15 января 1999 г. № 1-П	По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева	В своей жалобе в Конституционный Суд РФ гражданин М.А. Клюев, наделенный правами потерпевшего по уголовному делу, возбужденному в связи с гибелью его матери в дорожно-транспортном происшествии, требует признать не соответствующей Конституции РФ ст. 295 УПК РСФСР, в силу которой в судебном разбирательстве по данному делу ему не была предоставлена возможность выступить в судебных прениях.	<p>Предметом рассмотрения по данному делу являются указанные положения, поскольку в своей совокупности, допуская участие потерпевшего в прениях только при рассмотрении уголовных дел, которые возбуждаются по жалобе потерпевшего и в случае его примирения с обвиняемым подлежат прекращению, исключают такое его право по всем другим делам независимо от формы и тяжести причиненного ему ущерба.</p> <p>Согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.</p> <p>Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 10 декабря 1998 года по делу о проверке конституционности ч.2 ст. 335 УПК РСФСР также указал, что одной из необходимых гарантий судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда непосредственно перед удалением его в совещательную комнату для вынесения</p>

				<p>решения. Только при этом условии полностью реализуется в судебном заседании право на судебную защиту, которое согласно Конституции РФ не может быть ограничено.</p> <p>В уголовно - процессуальном законодательстве РФ потерпевшим от преступления признается лицо, которому в результате преступного посягательства причинен моральный, физический или имущественный вред. В соответствии с ч.2 ст. 53 УПК РСФСР потерпевший вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться - с момента окончания предварительного следствия - со всеми материалами дела, заявлять отводы, приносить жалобы на действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, а также обжаловать приговор, определения суда и постановления судьи. Для поддержания своих имущественных требований потерпевший вправе заявить по делу гражданский иск и пользоваться правами гражданского истца (ст. 54 УПК РСФСР), в том числе выступая в качестве такового в судебных прениях, что, однако, не исчерпывает всех подлежащих защите интересов потерпевшего.</p> <p>В силу же положений ч.1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР потерпевшие по большинству уголовных дел лишаются возможности в качестве стороны в процессе подвести итоги судебного исследования, сформулировать свои требования, высказать возражения, воздействуя на формирование внутреннего убеждения судей и тем самым - на характер и содержание принимаемого решения, т.е. существенно ограничиваются в своем праве на судебную защиту.</p> <p>Конституция РФ исходит из того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2) и что признание достоинства личности - основа всех его прав и свобод и необходимое условие их существования и соблюдения. Достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (ст. 21, ч.1,</p>
--	--	--	--	---

				<p>Конституции РФ).</p> <p>Рассматриваемые положения ст. 295 УПК РСФСР предоставляют потерпевшему от преступления процессуальную возможность для защиты в судебных прениях лишь своих материальных интересов, допуская его участие в них в качестве гражданского истца, однако исключают участие в прениях для лиц, которым причинен только физический или моральный вред, т.е. прежде всего для тех, кто требует защиты именно достоинства личности.</p> <p>Исходя из позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в его Постановлениях от 3 мая 1995 года, от 2 февраля 1996 года и от 16 мая 1996 года, ограничение доступа к правосудию является одновременно и ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности. Лишение потерпевшего возможности участвовать в судебных прениях ничем не оправдано, не является справедливым и выходит за пределы конституционно допустимых ограничений прав и свобод.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения ч.1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ</p>
35	Постановление от 10 декабря 1998 г. N 27-П	По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 уголовно-процессуального	Гражданин М.А. Баронин, осужденный Московским городским судом к лишению свободы и содержащийся под стражей, обжаловал вынесенный в отношении него приговор, ходатайствуя при этом о своем вызове в заседание суда кассационной инстанции для	<p>Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является положение части второй статьи 335 УПК РСФСР, согласно которому вопрос об участии осужденного в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, разрешается этим судом.</p> <p>Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 46, ч.1). Право на судебную защиту реализуется через совокупность различных процессуальных средств, обеспечивающих справедливое правосудие и</p>

		<p>Кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина.</p>	<p>участия в рассмотрении дела. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, руководствуясь ч.2 ст. 335 УПК РСФСР, отказала М.А. Баронину в удовлетворении ходатайства на том основании, что он неоднократно и подробно допрашивался на предварительном следствии и в судебном заседании, а его позиция обстоятельно изложена в поданной им кассационной жалобе. В результате дело было рассмотрено в кассационном порядке с участием защитника осужденного, приговор в отношении него изменен и срок назначенного наказания снижен.</p> <p>М.А. Баронин, настаивающий на своей невинности в инкриминируемых ему деяниях, обратился в Конституционный Суд РФ, поскольку полагает, что ч.2 ст. 335 УПК РСФСР как предоставляющая суду кассационной инстанции право решать по собственному усмотрению вопрос об участии содержащегося под стражей осужденного в заседании этого суда нарушает его конституционные права, в том</p>	<p>эффективное восстановление нарушенных прав граждан.</p> <p>По смыслу ст. 46 (ч.1) Конституции РФ во взаимосвязи с ее ст. 19 (ч.1), 47 (ч.1), 50 (ч.3) и 123 (ч.3) и с учетом соответствующих положений Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод реализация конституционных гарантий судебной защиты в силу особенностей кассационного производства, предусмотренных ныне действующим уголовно - процессуальным законодательством, предполагает, что осужденный, если он изъявляет желание участвовать в судебном заседании, не может быть лишен возможности заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями выступавших участников судебного заседания и дополнительными материалами, если таковые представлены, давать объяснения, в том числе в связи с заключением прокурора. Это - те необходимые гарантии судебной защиты и справедливого разбирательства дела на стадии кассационного производства, которые в настоящее время должны быть обеспечены и осужденному, содержащемуся под стражей, что не исключает права законодателя повысить их уровень. Расширение же полномочий суда второй инстанции предполагает адекватную корректировку объема прав осужденного в связи с его участием в судебном заседании по пересмотру приговора.</p> <p>Указанные гарантии могут быть реализованы не только предоставлением осужденному возможности личного участия в судебном заседании, но и иным образом - в частности, поручением осужденным осуществления своей защиты избранному им защитнику, представлением осужденным своих письменных возражений на доводы, приводимые в кассационных жалобах, протестах и выступлениях лиц, участвовавших в заседании суда кассационной инстанции. Конституционно значимым при этом является то, что в</p>
--	--	--	--	---

			<p>числе право на судебную защиту и право на пересмотр приговора вышестоящим судом, и потому не соответствует Конституции РФ, ее ст. 19,45 (ч.2), 46 (ч.1), 49(ч.1), 56 (ч.3) и 123 (ч.2 и 3).</p> <p>Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по данному делу является положение ч.2 ст. 335 УПК РСФСР, согласно которому вопрос об участии осужденного в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, разрешается этим судом.</p>	<p>интересах правосудия осужденному, изъявившему желание участвовать в судебном заседании, должна быть обеспечена реальная возможность изложить свою позицию относительно всех аспектов дела и довести ее до сведения суда.</p> <p>Оспариваемое положение ч.2 ст. 335 УПК РСФСР не препятствует суду в целях выполнения задач кассационной инстанции при проверке законности и обоснованности приговора признать необходимым участие осужденного в судебном заседании и принять меры к обеспечению его явки.</p> <p>Равным образом суд вправе рассмотреть дело в отсутствие осужденного, содержащегося под стражей и не выразившего желания участвовать в заседании.</p> <p>Вместе с тем данная норма позволяет суду кассационной инстанции отказать осужденному, содержащемуся под стражей, в ходатайстве об участии в судебном заседании и, не предоставив ему иных правовых средств для реализации прав, которые в соответствии со ст. 337 и 338 УПК РСФСР имеют осужденные, участвующие в рассмотрении дела, вынести окончательное решение по делу. В результате осужденный, содержащийся под стражей, лишается возможности до удаления суда в совещательную комнату для вынесения кассационного определения лично заявлять отводы и ходатайства, представлять дополнительные материалы, знакомиться с дополнительными материалами, представленными в суд другими лицами, а также с содержанием выступлений участников судебного заседания, давать объяснения, в том числе в связи с заключением прокурора. Это является отступлением от принципа равенства всех перед законом и судом, а также ограничением конституционных прав на судебную защиту, на рассмотрение дела законным составом суда и на пересмотр приговора вышестоящим судом (ст. 19, ч.1; 47, ч.1; 50, ч.3, Конституции РФ). Кроме того, нарушаются и предписания ст. 123 (ч.3)</p>
--	--	--	--	--

				<p>Конституции РФ об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, что предполагает обеспечение сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своей позиции и при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции.</p> <p>Из ст. 50 (ч.3) Конституции РФ, закрепляющей право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, вытекает обязательность предоставления каждому, в отношении кого выдвинуто обвинение в преступлении, права на рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями, а также право законодателя предусмотреть в федеральном законе особенности производства в каждой из этих инстанций.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положение части второй статьи 335 УПК РСФСР не соответствующим Конституции РФ.</p>
36	Постановление от 6 июля 1998 г. N 21-П	По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР в связи с	Гражданин В.В. Шаглий был привлечен к уголовной ответственности и предан суду по обвинению в совершении умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах и кражи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР на основании статьи 38 УПК РСФСР, предоставляющей Верховному	Предметом рассмотрения по данному делу является положение части пятой статьи 325 УПК РСФСР, лишающее осужденного права обжаловать вынесенный в отношении него приговор Верховного Суда Российской Федерации. Само же полномочие Верховного Суда Российской Федерации рассматривать уголовные дела в качестве суда первой инстанции, предусмотренное статьей 38 УПК РСФСР, как не оспариваемое заявителем, в данном деле не подлежит оценке с точки зрения его соответствия Конституции Российской Федерации. Конституция РФ гарантирует каждому осужденному за преступление право на пересмотр приговора вышестоящим

		<p>жалобой гражданина В.В. Шаглия</p> <p>Суду РФ право принимать к своему производству дела особой сложности или особого общественного значения, рассмотрела данное дело и 23 сентября 1986 года приговорила В.В. Шаглия к 15 годам лишения свободы.</p> <p>Согласно ч.5 ст. 325 УПК РСФСР приговоры Верховного Суда РФ не подлежат обжалованию и опротестованию в кассационном порядке. В силу этой нормы В.В. Шаглия, не признававший свою вину в инкриминируемых ему преступлениях, был лишен возможности принести кассационную жалобу на приговор и потребовать проверки его законности и обоснованности в вышестоящей судебной инстанции. Не осуществлялся пересмотр приговора и в порядке судебного надзора. Полагая, что тем самым были нарушены его конституционные права, В.В. Шаглия обратился в Конституционный Суд РФ с требованием признать ч.5 ст. 325 УПК РСФСР не соответствующей Конституции РФ.</p> <p>В силу ч.3 ст. 74 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ",</p>	<p>судом в порядке, установленном ФЗ (ст. 50, ч.3). Право каждого, кто осужден за какое-либо преступление, на то, "чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону", закреплено в п.5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 года и введенного в действие 23 марта 1976 года, т.е. еще до постановления приговора по делу В.В. Шаглия.</p> <p>Ч.5 ст. 325 УПК РСФСР, лишая гражданина права на обжалование вынесенного в отношении него приговора, вступает в противоречие также со ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, в рамках осуществления которой возможно обжалование в суд решений и действий (или бездействия) любых государственных органов и должностных лиц. Закрепленное в этой конституционной норме положение служит важной гарантией защиты прав и свобод граждан от любых нарушающих их действий и решений, в том числе решений судебных органов, ибо правосудие, как отмечалось Конституционным Судом РФ в Постановлении от 2 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 371,374 и 384 УПК РСФСР, по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.</p> <p>Кроме того, лишение заинтересованных лиц права добиваться исправления возможных ошибок, допущенных судом при постановлении приговора, препятствует полной реализации тех положений Конституции РФ, которые предусматривают обязательность обеспечения прав и свобод человека и гражданина правосудием (ст. 18), устанавливая гарантии охраны государством достоинства личности (ст. 21),</p>
--	--	---	---

			<p>согласно которой Конституционный Суд РФ принимает решение только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, предметом рассмотрения по данному делу является положение ч.5 ст. 325 УПК РСФСР, лишающее осужденного права обжаловать вынесенный в отношении него приговор Верховного Суда РФ. Само же полномочие Верховного Суда РФ рассматривать уголовные дела в качестве суда первой инстанции, предусмотренное ст. 38 УПК РСФСР, как не оспариваемое заявителем, в данном деле не подлежит оценке с точки зрения его соответствия Конституции РФ.</p>	<p>гарантируют право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45, ч.2). Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил: признать положение ч.5 ст. 325 УПК РСФСР не соответствующим Конституции РФ</p>
37	Постановление от 2 июля 1998 г. N 20-П	По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 уголовно - процессуального кодекса	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.А. Гуральника, А.Ю. Жевченко, и др. на нарушение их конституционных прав положениями ст. 331 и 464 УПК РСФСР, на основании которых им было отказано в кассационном обжаловании решений, вынесенных в отношении них	Предметом рассмотрения по настоящему делу являются лишь те положения пунктов 2 и 3 части первой статьи 331 и части первой статьи 464 УПК РСФСР, которые послужили основанием для отказа в принятии к рассмотрению в кассационном порядке частных жалоб на вынесенные в отношении заявителей и повлекшие фактическое продление срока содержания их под стражей решения судов первой инстанции о направлении уголовного дела для производства дополнительного расследования, об избрании в процессе судебного разбирательства в качестве меры пресечения

		<p>РСФСР в связи с жалобами ряда граждан</p>	<p>судами первой инстанции в период судебного разбирательства и в том числе связанных с избранием, изменением либо фактическим продлением применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Считаю вынесенные в отношении них судами первой инстанции в ходе судебного разбирательства постановления и определения незаконными и необоснованными, подсудимые обжаловали эти решения, однако в рассмотрении жалоб им было отказано на основании ст.331 и 464 УПК РСФСР, исключающих возможность обжалования и пересмотра такого рода решений в кассационном порядке.</p>	<p>заключения под стражу, о назначении судебного заседания, отложении и приостановлении разбирательства дела, о назначении стационарной судебно - психиатрической экспертизы, а также о роспуске коллегии присяжных заседателей.</p> <p>Согласно ст. 120 (ч.1) Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции и ФЗ. Какое бы то ни было вмешательство в деятельность судов при отправлении ими правосудия, в том числе со стороны вышестоящих судебных инстанций, является недопустимым.</p> <p>В целях обеспечения независимости судей законодатель установил в ст. 331 и 464 УПК РСФСР правило, по которому большинство решений, которые суд первой инстанции выносит в ходе судебного разбирательства, не подлежат кассационному обжалованию и могут быть проверены в кассационном порядке лишь одновременно и в связи с приговором, исключая текущий контроль со стороны вышестоящих судебных инстанций за ходом рассмотрения дела судом первой инстанции и, следовательно, вмешательство в осуществление им своих дискреционных полномочий. Возможность судебной проверки законности и обоснованности промежуточных действий и решений суда переносится на более поздний срок и осуществляется после постановления приговора.</p> <p>Ст. 46 (ч. 2) Конституции РФ, гарантируя каждому право на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, не определяет конкретные процедуры и сроки реализации этого права. Поэтому отсрочка в рассмотрении жалоб на решения и действия суда не является недопустимой. Это относится и к проверке решений суда, обеспечивающих исследование в судебном заседании всех обстоятельств дела.</p> <p>Независимость судей не затрагивается пересмотром принятых до вынесения приговора промежуточных судебных решений,</p>
--	--	--	--	---

				<p>которые не находятся в прямой связи с его содержанием, включающим выводы о фактических обстоятельствах дела ,о виновности подсудимого и о его наказании и т.д. Эти решения (в т.ч. связанные с применением меры пресечения), имеют целью создание надлежащих условий для осуществления производства по делу. Поэтому фактическую основу для судебной проверки правомерности применения заключения под стражу составляют материалы, подтверждающие только законность и обоснованность меры пресечения.</p> <p>Следовательно, установленный в оспариваемых запрет до вынесения приговора проверять в кассационном порядке законность и обоснованность соответствующих определений (постановлений) объективно не обусловлен интересами обеспечения независимости судей.</p> <p>Ст.46 Конституции РФ, гарантируя каждому право на судебную защиту (ч.1), в качестве одного из существенных элементов этого права предусматривает возможность обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (ч.2), включая судебные органы. Заинтересованным лицам предоставляется возможность добиваться исправления допущенных судами ошибок и что в этих целях вводится порядок процессуальной проверки вышестоящими судами законности и обоснованности решений, принимаемых нижестоящими судебными инстанциями, поскольку правосудие признается таковым лишь при условии, если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.</p> <p>Оспариваемые положения, исключая возможность кассационной проверки законности и обоснованности судебных решений, влекущих применение меры пресечения, включая содержание под стражей, или фактическое ее продление, ограничивают право граждан на судебную защиту.</p>
--	--	--	--	--

				<p>Это ограничение, не может обуславливаться целями, перечисленными в ст.55 (ч.3) Конституции РФ.</p> <p>Возможность проверки законности и обоснованности решений суда первой инстанции лишь после окончательного разрешения дела не может быть признана эффективным средством защиты нарушенных прав, тем более если их уже нельзя восстановить в полном объеме после отмены приговора.</p> <p>Лишение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод противоречит конституционному принципу охраны достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ), из которого вытекает, что личность в ее взаимоотношениях с государством рассматривается как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов.</p> <p>Откладывая либо приостанавливая разбирательство, производя иные действия суд фактически переносит осуществление правосудия на неопределенный срок. Так объективно создаются препятствия для дальнейшего движения дела, а невозможность обжаловать такие решения суда порождает опасность неоправданной и незаконной задержки в принятии окончательного решения по делу. Нарушенные при этом конституционные права вообще не обеспечиваются судебной защитой именно потому, что после вынесения окончательного решения по делу они уже не могут быть восстановлены.</p> <p>Задачей федерального законодателя является создание надлежащих механизмов, которые позволяли бы гражданам, чьи права и свободы оказались нарушенными, добиваться их реальной защиты, используя все не запрещенные законом способы.</p> <p>Предоставление подсудимым гарантий судебной защиты от необоснованного и незаконного применения к ним принудительных мер при обжаловании выносимых в ходе</p>
--	--	--	--	--

				<p>судебного разбирательства решений суда первой инстанции не должно приводить ни к приостановлению исполнения обжалуемого решения, ни к приостановлению производства по делу в суде первой инстанции, с тем чтобы не нарушался действующий в уголовном судопроизводстве принцип непрерывности, который является условием реализации права обвиняемого быть судимым без неоправданной задержки.</p> <p>Признание положений ст. 331 и 464 УПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ не препятствует действию предписаний этих статей в отношении других перечисленных в них определений (постановлений), в том числе связанных с рассмотрением заявленных в суде первой инстанции ходатайств об исследовании доказательств.</p> <p>Федеральному Собранию надлежит внести в УПК РФ изменения и дополнения, направленные на урегулирование процедуры обжалования и пересмотра в кассационном порядке определений суда и постановлений судьи, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, в том числе право на свободу и право на доступ к правосудию.</p> <p>До внесения изменений судам надлежит, обеспечивая право на судебное обжалование определений (постановлений) суда первой инстанции на основании непосредственного применения положений ст. 46 и 123 Конституции РФ и с учетом настоящего Постановления, исходить из соответствующих предписаний раздела четвертого УПК РСФСР, а также из возможности использования на основании процессуальной аналогии правил, предусмотренных для судебной проверки законности и обоснованности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения (ст. 220.1 и 220.2 УПК РСФСР).</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде</p>
--	--	--	--	--

				<p>Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Признать положения п.2 ч.1 ст. 331 УПК РСФСР, не соответствующими Конституции РФ, 2. Признать положения п. 3 ч.1 ст. 331 и ч.1 ст. 464 УПК РСФСР не соответствующими Конституции Российской Федерации.
38	<p>Постановление от 29 апреля 1998 г. N 13-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно - Процессуального Кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия</p>	<p>Ч.4 ст.13 УПК РСФСР устанавливает порядок, в соответствии с которым отказ прокурора, следователя, органа дознания в возбуждении уголовного дела может быть обжалован заявителем (лицом, заявившим о преступлении) надлежащему прокурору. Такой порядок обжалования он призван обеспечивать оперативное устранение нарушений закона, допускаемых органами расследования в ходе проверки заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, однако, называя обращение к прокурору в качестве единственного способа обжалования отказа в возбуждении уголовного дела, ч.4 ст. 113 УПК РСФСР фактически исключает для заинтересованных лиц возможность подачи жалобы в суд и так препятствует доступу граждан к правосудию. По</p>	<p>Ст. 46 (ч. 1 и 2) Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и обеспечивает возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц.</p> <p>Право на судебную защиту, по смыслу ст. 55 (ч. 3) и 56 (ч.3) Конституции РФ, не подлежит ограничению, поскольку ограничение этого права ни при каких обстоятельствах не может быть обусловлено необходимостью достижения признаваемых Конституцией РФ целей.</p> <p>Между тем оспариваемое положение части по своему буквальному смыслу, и по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, не позволяет гражданам, чьи права и законные интересы затрагиваются отказом в возбуждении уголовного дела, добиваться их защиты в суде. Для этих граждан решение прокурора, следователя или органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела является окончательным актом, определяющим их правовое положение и исключающим возможность последующей судебной проверки фактов, положенных в основу такого решения, доступ граждан к правосудию ограничивается.</p> <p>Это противоречит ст. 46 Конституции РФ, не согласуется со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.</p> <p>Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13.11.1995 г. по делу о проверке конституционности ч.5 ст. 209 УПК РСФСР</p>

			<p>мнению заявителя, содержащееся в ней положение о том, что отказ прокурора, следователя или органа дознания в возбуждении уголовного дела может быть обжалован только лицом, заявившим о преступлении, и только надлежащему прокурору, противоречит ст.19 (ч. 1) и 46 (ч.1,2) Конституции РФ.</p>	<p>признал не соответствующим Конституции РФ ограничение возможности судебного обжалования постановлений о прекращении уголовного дела. Основываясь на этом решении, законодатель внес изменения в ст. 209 УПК РСФСР, дополнив ее ч.5 положением о том, что постановление о прекращении уголовного дела может быть обжаловано и в суд.</p> <p>В действующем законе специально указываются те процессуальные решения органов дознания и предварительного следствия, которые могут быть обжалованы в суд и подлежат судебному контролю. Поэтому ч.4 ст. 113 УПК РСФСР, в которой соответствующее указание отсутствует, не предполагает возможности судебного обжалования постановления органа дознания, следователя и прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела и тем самым препятствует гарантированному ст. 46 и 52 Конституции РФ доступу граждан к правосудию.</p> <p>Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, фиксируя обстоятельства, исключающие производство по делу, нередко констатируют иные юридически значимые факты, в частности наличие в действиях лица, в отношении которого вынесено постановление, состава административного, дисциплинарного или иного правонарушения. Негативные правовые последствия подобной констатации могут касаться помимо заявителей и других заинтересованных субъектов - пострадавших от преступления, но не заявлявших о нем; лиц, в отношении которых было отказано в возбуждении уголовного дела и действиям которых дана определенная юридическая оценка, и др. и исходя из принципов, закрепленных в Конституции РФ, все субъекты, интересы которых затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, должны иметь возможность обжаловать его в суде.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и</p>
--	--	--	---	---

				<p>второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>1) признать не соответствующим Конституции Российской Федерации.</p>
39	<p>Постановление от 16 марта 1998 г. N 9-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан</p>	<p>Согласно ст. 44 УПК РСФСР в отдельных случаях, в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела, а равно в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства дела, оно может быть передано для рассмотрения из одного суда в другой такой же суд. Передача дела по этим основаниям допускается лишь до начала его рассмотрения в судебном заседании (ч.1); вопрос о передаче дела по указанным основаниям из одного районного (городского) народного суда в другой в пределах субъекта РФ разрешается соответственно председателем Верховного суда автономной республики, краевого, областного, городского суда, суда автономной области или автономного округа (ч.2); вопрос о передаче дела по указанным основаниям в суд другой автономной республики, края, области, города, автономной</p>	<p>Предметом проверки конституционного суда РФ является общая норма статьи 44 УПК РСФСР и статьи 123 ГПК РСФСР, в соответствии с которой в отдельных случаях в целях наиболее полного и объективного (быстрого и правильного) рассмотрения дела, а равно в целях наилучшего обеспечения воспитательной роли судебного разбирательства по решению председателя вышестоящего суда (его заместителя) гражданское или уголовное дело до начала судебного разбирательства может быть передано из одного суда, которому оно подсудно, в другой (такой же) суд.</p> <p>Согласно ст. 46 (ч.1) Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Право на судебную защиту относится к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека; в РФ оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ. Право на судебную защиту предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Так, право каждого на судебную защиту посредством законного, независимого и беспристрастного суда означает, в частности, что рассмотрение дел должно осуществляться законно установленным, а не произвольно выбранным составом суда, без предубеждения, полно, всесторонне и объективно. Поэтому ст. 47 (ч. 1) Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем</p>

			<p>области, автономного округа разрешается Председателем Верховного Суда РСФСР или его заместителем (ч.3).</p>	<p>судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.</p> <p>В силу требований Конституции, подсудность дел определяется законом, должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное гражданское либо уголовное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе.</p> <p>Подсудность дел в уголовном судопроизводстве определяется в соответствии с гл. 2 УПК РСФСР (ст. 35 - 45), устанавливающей, какие уголовные дела подсудны районному (городскому) народному суду, а какие - вышестоящим судам; территориальную подсудность; подсудность при объединении дел; передачу (направление) дела по подсудности; недопустимость споров о подсудности.</p> <p>Подсудность гражданских дел определяется в соответствии с гл. 11 ГПК РСФСР (ст. 113 - 125). Установив общие правила подсудности, законодатель вместе с тем предусмотрел обстоятельства, при которых участие судьи в рассмотрении дела, отнесенного к его подсудности, недопустимо в силу невозможности обеспечить беспристрастность суда (ст. 23, 59 и 60 УПК РСФСР и ст. 19 и 20 ГПК РСФСР)</p> <p>Предусмотренная ст. 44 УПК РСФСР и ст. 123 ГПК РСФСР передача дела вышестоящим судом из одного суда, которому оно подсудно, в другой суд не противоречит Конституции, если осуществляется в рамках судебной процедуры при наличии указанных в самом процессуальном законе точных оснований (обстоятельств), по которым дело не может быть рассмотрено в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и подлежит передаче в другой суд. При определенных обстоятельствах изменение подсудности именно вышестоящим судом не только допустимо, но иногда и необходимо. Однако такие обстоятельства также должны быть предусмотрены в</p>
--	--	--	--	---

				<p>законе.</p> <p>Между тем ст. 44 УПК РСФСР и ст. 123 ГПК РСФСР, предоставляя председателю вышестоящего суда полномочие по изменению установленной подсудности уголовных и гражданских дел, фактически ставят решение этого вопроса в зависимость не от выраженной в законе воли законодателя, а от субъективного усмотрения того или иного руководителя судебного органа, поскольку не содержат каких-либо предписаний, формально определяющих круг оснований, по которым возможна передача дела из одного суда в другой. Указанные в них цели ("наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела" и др), для достижения которых предусмотрена передача, не ограничивают усмотрение правоприменителя, поскольку допускают возможность расширительного истолкования (произвольного применения оспариваемых положений)</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать ст. 44 УПК РСФСР и ст. 123 ГПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ.</p>
40	Постановление от 28 января 1997 г. N 2-П	По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи	Граждане Б.В. Антипов и Р.Л. Гитис, привлеченные в качестве обвиняемых по различным уголовным делам, заявили в ходе предварительного следствия ходатайства о допуске в качестве их защитников выбранных ими частнопрактикующих юристов, не являющихся членами коллегий адвокатов.	Предметом проверки Конституционным Судом Российской Федерации является положение части четвертой статьи 47 УПК РСФСР, Федеральным законом от 15 июня 1996 года часть четвертая статьи 47 УПК РСФСР изложенная в новой редакции, однако положение, согласно которому в качестве защитников допускаются лишь адвокаты и представители профессиональных союзов и других общественных объединений, в ней было сохранено. Ч.4 ст. 47 УПК РСФСР предусматривает, что в качестве защитников допускаются: адвокат по предъявлении им ордера

		<p>с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова</p> <p>Следователями, осуществлявшими расследование по этим делам, в удовлетворении заявленных ходатайств было отказано со ссылкой на то, что ч.4 ст. 47 УПК РСФСР (в редакции от 23 мая 1992 года) предусматривает возможность допуска в качестве защитников на предварительном следствии только лиц, состоящих в коллегиях адвокатов или являющихся представителями профсоюзных и иных общественных организаций по делам членов этих организаций. Лица, оказывающие юридическую помощь гражданам на основе лицензии, выдаваемой органами юстиции в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. N 344, и доверенности не относятся ни к одной из названных категорий и потому, по мнению следственных органов, не могут допускаться на предварительное следствие в качестве защитников. К такому же выводу пришли прокурорские, а также судебные инстанции, признавшие решения следователей законными с точки зрения требований ч.4 ст. 47 УПК РСФСР.</p>	<p>юридической консультации, представитель профессионального союза или другого общественного объединения, являющийся защитником, по предъявлении соответствующего протокола, а также документа, удостоверяющего его личность. В соответствии с ч.5 ст. 47 УПК РСФСР по определению суда или постановлению судьи в качестве защитников могут быть допущены близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица. Из этого следует, что оспариваемая заявителями норма, устанавливая правила допуска защитников в уголовном судопроизводстве, определяет круг лиц, которые могут быть допущены в качестве защитников на стадии дознания и предварительного следствия, включая в него лишь адвокатов и представителей профессионального союза или иного общественного объединения.</p> <p>Согласно ст. 48 (ч.2) Конституции РФ каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что каждый при рассмотрении предъявленного ему обвинения вправе сноситься с выбранным им самим защитником и защищать себя через его посредство. Право гражданина на самостоятельный выбор адвоката (защитника) подтверждено Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 года "О государственной тайне" в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина. Однако по своему содержанию право на самостоятельный выбор адвоката (защитника) не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению</p>
--	--	---	--

			<p>ФЗ от 15 июня 1996 года ч.4 ст. 47 УПК РСФСР была изложена в новой редакции, однако положение, согласно которому в качестве защитников допускаются лишь адвокаты и представители профессиональных союзов и других общественных объединений, в ней было сохранено. Отказ в допуске защитника, не являющегося членом коллегии адвокатов и не представляющего общественное объединение, со ссылкой на ч.4 ст. 47 УПК РСФСР в ее новой редакции послужил причиной обращения в Конституционный Суд РФ гражданина С.В. Абрамова.</p>	<p>подозреваемого или обвиняемого и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника. Закрепленное в ст. 48 (ч.2) Конституции РФ право пользоваться помощью адвоката (защитника) является одним из проявлений более общего права, гарантированного ст. 48 (ч.1) Конституции РФ каждому человеку, - права на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому положения ч.2 ст. 48 Конституции РФ не могут быть истолкованы в отрыве и без учета положений части 1 этой же статьи.</p> <p>Ч.4 ст. 47 УПК РСФСР предусматривает, что в качестве защитника допускается не только адвокат, но и представитель профессионального союза или другого общественного объединения, предъявивший соответствующий протокол, а также документ, удостоверяющий его личность. При этом наличия у такого представителя юридического образования, каких-либо профессиональных знаний и опыта закон не требует, что ставит под сомнение возможность обеспечить обвиняемому (подозреваемому) право на получение квалифицированной юридической помощи в тех случаях, когда защитником на предварительном следствии является не адвокат, а представитель профсоюза или другого общественного объединения. Однако поскольку заявителями такой вопрос не ставится, проверить конституционность этого положения ч.4 ст. 47 УПК РСФСР при рассмотрении данного дела Конституционный Суд РФ в силу ч.3 ст. 74 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ" не вправе.</p> <p>В своей жалобе в Конституционный Суд РФ гражданин Б.В. Антипов обосновывает не конституционность ч.4 ст. 47 УПК РСФСР также и тем, что оспариваемая норма допускает отстранение адвоката от участия в уголовном судопроизводстве в качестве защитника в связи с прекращением его членства в коллегии адвокатов, а гражданин</p>
--	--	--	---	---

				<p>С.В. Абрамов - тем, что в данной норме нет запрета отстранять от участия в деле защитника - представителя общественного объединения в связи с отзывом ранее принятого решения соответствующего общественного объединения о его направлении для участия в уголовном деле.</p> <p>Анализ содержания ч.4 ст. 47 УПК РСФСР не дает оснований для вывода о том, что она не только устанавливает условия и порядок допуска тех или иных лиц в качестве защитников, но и регламентирует основания и порядок последующего отстранения от участия в уголовном судопроизводстве уже допущенных в него лиц. Обстоятельства, исключающие участие в деле адвоката, представителя общественного объединения в качестве защитника, предусмотрены в другой статье УПК РСФСР, а именно в ст. 67.1, однако ее содержание в жалобах не оспаривается.</p> <p>Вопрос о том, насколько обоснованными были решения следователей об отстранении от участия в уголовном судопроизводстве защитников заявителей и насколько правомерна в них ссылка на ч.4 ст. 47 УПК РСФСР, не может быть решен Конституционным Судом РФ, поскольку в силу ч.2 и 3 ст. 3 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ" установление и устранение фактов нарушения права на защиту, связанных с неправильным применением ч.4 ст.47 УПК РСФСР при рассмотрении дел заявителей, неподведомственно Конституционному Суду РФ.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положение ч.4 ст. 47 УПК РСФСР не противоречащим Конституции РФ.</p>
--	--	--	--	--

41	Постановление	По делу о	Отделом внутренних дел	Предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации
----	---------------	-----------	------------------------	--

	<p>от 28 ноября 1996 г. № 19-П</p>	<p>проверке конституционности статьи 418 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского Края</p>	<p>Каратузского района Красноярского края были собраны материалы о совершении гражданином В.Н. Будариним преступления, предусмотренного ст. 207 УК РСФСР. Протокол об обстоятельствах совершенного преступления вместе с другими материалами был направлен с санкции прокурора в Каратузский районный суд Красноярского края, с тем чтобы суд, руководствуясь ст. 418 и 419 УПК РСФСР, возбудил уголовное дело в отношении В.Н. Бударина и привлек его к уголовной ответственности.</p> <p>Судья А.Г. Рылов, к которому поступили указанные материалы, придя к выводу о несоответствии ст. 418 и 419 УПК РСФСР Конституции РФ, обратился в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке их конституционности.</p>	<p>Федерации могут быть только те положения нормативного акта, конституционность которых оспаривается заявителем. В настоящем деле, по существу, ставится вопрос о неконституционности лишь положений статьи 418 УПК РСФСР, определяющих полномочия судьи по возбуждению уголовного дела и формулированию обвинения. Содержание же статьи 419 УПК РСФСР, предусматривающей порядок рассмотрения дела в суде, фактически заявителем не оспаривается и, следовательно, не может быть предметом проверки в настоящем заседании.</p> <p>Ст. 10 Конституции РФ относит к основам конституционного строя РФ разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, что предполагает самостоятельное выполнение каждой ветвью государственной власти своих специфических, установленных Конституцией РФ и ФЗ функций и полномочий. При этом в соответствии со ст. 118 (ч.1) Конституции РФ исключительную компетенцию судебной власти составляет осуществление правосудия. Из названных конституционных норм следует, что никакой иной орган не может принимать на себя функцию отправления правосудия.</p> <p>С объективностью и беспристрастностью суда, который в качестве органа правосудия выносит приговор по делу, не согласуется наделение его в этом же процессе полномочиями возбуждать уголовное дело и формулировать по нему обвинение. Это противоречит конституционным положениям о независимом судебном контроле за обеспечением прав граждан в уголовном судопроизводстве, закрепленным в ст. 18, 46 (ч.1) и 120 Конституции РФ, согласно которым права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием и каждому гарантируется их защита независимым судом.</p> <p>Судья, возбудив в отношении конкретного лица уголовное дело и сформулировав обвинение, оказывается связанным такими</p>
--	------------------------------------	---	---	---

				<p>своими решениями. Это затрудняет для судьи объективное исследование и правовую оценку в судебном заседании обстоятельств дела. В результате под угрозу ставится внутренняя независимая позиция судьи по делу, а, следовательно, оказывается нарушенным гарантируемое ст. 120 Конституции РФ право человека на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом. Кроме того, наносится серьезный ущерб доверию, которое должны внушать органы правосудия в демократическом обществе.</p> <p>Положения ст. 418 УПК РСФСР, возлагающие на суд полномочия по возбуждению уголовного дела и формулированию обвинения в отношении конкретного лица, противоречат и ст. 123 (ч.3) Конституции РФ, закрепляющей принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности.</p> <p>В уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функции суда по разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса. Возбуждая в соответствии со ст. 418 УПК РСФСР уголовное дело и, особенно, формулируя обвинение против конкретного лица, суд неизбежно оказывается на стороне обвинения и начинает выполнять одновременно две функции - обвинения и разрешения дела, что порождает неравенство сторон в уголовном судопроизводстве и нарушает конституционный принцип состязательности.</p> <p>В ст. 414 УПК РСФСР подчеркивается, что порядок производства по делам, перечисленным в этой статье, определяется общими правилами уголовно - процессуального законодательства, если иное прямо не предусмотрено в гл. 34 УПК РСФСР, регулирующей протокольную форму досудебной подготовки.</p> <p>Признание отдельных положений ст. 418 УПК РСФСР</p>
--	--	--	--	---

				<p>неконституционными и, следовательно, недействующими не препятствует применению других норм гл. 34 УПК РСФСР.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать положения ч.1 ст. 418 УПК РСФСР не соответствующими Конституции РФ.</p>
<p>Постановление КС РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова</p>	<p>Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина О.В.Сушкова на нарушение его конституционных прав статьей 6 УПК РСФСР, примененной в конкретном уголовном деле.</p> <p>Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемая норма уголовно-процессуального закона Конституции Российской Федерации.</p>	<p>По Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном ФЗ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49, ч.1); правосудие в РФ осуществляется только судом (ст. 118, ч.1); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и обеспечивается возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц (ст. 46, ч.1 и 2). Презумпция невиновности и право граждан на судебную защиту относятся к таким правам, которые в силу ст. 56 (ч.3) Конституции РФ не подлежат ограничению ни при каких условиях.</p> <p>Прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки хотя и предполагает (в силу ч.1 ст. 50 УК РСФСР) освобождение лица от уголовной ответственности и наказания, но расценивается правоприменительной практикой как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитации лица (признания его невиновным), то есть вопрос о его виновности остается открытым. Однако в самой ст. 6 УПК РСФСР нет прямого указания на необходимость получения согласия лица на прекращение уголовного дела.</p> <p>Рассмотрение ст. 6 УПК РСФСР в системной связи с</p>	

				<p>конституционными нормами, закрепляющими эти права, позволяет прийти к выводу, что уголовное дело не может быть прекращено, если лицо против этого возражает и ходатайствует о продолжении производства по делу. В этом случае производство по делу должно продолжаться в обычном порядке.</p> <p>Уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямого запрета на обжалование в суд постановления о прекращении уголовного дела. Препятствием к этому являлась ч.5 ст. 209 УПК РСФСР, согласно которой такие постановления могут быть обжалованы прокурору.</p> <p>Положение ч.5 ст. 209 УПК РСФСР не может служить основанием для отказа в судебном обжаловании постановления о прекращении уголовного дела, в том числе и тогда, когда дело прекращено в порядке ст. 6 УПК РСФСР.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать ст. 6 УПК РСФСР соответствующей Конституции РФ.</p>
42	Постановление от 13 июня 1996 г. № 14-П	По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В Щелухина	Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.В. Щелухина на нарушение его конституционных прав и свобод ч.5 ст. 97 УПК РСФСР, согласно которой время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается. По мнению заявителя, данная норма	Провозглашенное в ст. 22 (ч.1) Конституции РФ право на свободу включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков. Вместе с тем право на свободу в силу ст. 22 (ч.2) Конституции РФ может быть правомерно ограничено при аресте, заключении под стражу и содержании под стражей. Условия такого правомерного ограничения установлены в соответствии с Конституцией РФ, федеральным

			<p>не соответствует ст. 2, 17, 22, 45 и 55 Конституции РФ, так как ограничивает его права на свободу и личную неприкосновенность, на защиту, а также приводит к нарушению его прав и свобод вследствие осуществления своих прав другими лицами.</p>	<p>законодательством, предусматривающим, что заключение под стражу может быть применено к лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления, лишь на основании судебного решения или с санкции прокурора (ст. 11, 89, 96 УПК РСФСР).</p> <p>Оспариваемая заявителем ч.5 ст. 97 УПК РСФСР устанавливает правило, согласно которому время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении санкционированного срока содержания обвиняемого под стражей в качестве меры пресечения не учитывается.</p> <p>Ч.5 ст. 97 УПК РСФСР способствует применению содержания обвиняемого под стражей за пределами санкционированного срока не предполагает обязательного вынесения компетентными органами соответствующего решения. В результате обвиняемый может содержаться под стражей даже после того, как ранее принятое решение о применении меры пресечения или о продлении срока содержания под стражей исчерпало себя, прекратило свое действие и, следовательно, когда уже исчезло юридическое основание для нахождения обвиняемого в следственном изоляторе.</p> <p>Норма ч.5 ст. 97 УПК РСФСР, как и весь правовой институт мер пресечения, направлена прежде всего на то, чтобы исключить для обвиняемого возможность скрыться от следствия и суда и помешать расследованию, но, кроме того, имеет в виду необходимость воспрепятствовать обвиняемому и его защитнику в затягивании ознакомления с материалами дела, формально не ограничивая их при этом каким-либо сроком.</p> <p>Принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленный в ст. 55 (ч.3) Конституции РФ, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые</p>
--	--	--	---	---

				<p>ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям. Правило, закрепленное в ч.5 ст. 97 УПК РСФСР, указанным целям не соответствует.</p> <p>Воспрепятствование обвиняемому и его защитнику в явном затягивании ознакомления с материалами дела может быть обеспечено путем применения ч.6 ст. 201 УПК РСФСР, которая позволяет при наличии доказательств такого поведения ограничить это ознакомление определенным сроком. Поэтому достижение данной цели путем применения оспариваемой нормы не отвечает требованию использования средств, соразмерных целям.</p> <p>Обеспечение обвиняемому достаточного времени для ознакомления с материалами дела не должно быть связано с наступлением для него такого неблагоприятного последствия, как не ограниченное по сроку дальнейшее содержание под стражей. Характер ограничения права на свободу, связанного с содержанием и применением ч.5 ст. 97 УПК РСФСР, свидетельствует о превышении законодателем полномочий, предоставленных ему ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ.</p> <p>Предусмотренное в ст. 46 Конституции РФ и непосредственно действующее в любой стадии уголовного судопроизводства (ст. 11 УПК РСФСР, п. 7 ч.1 ст. 17 ФЗ от 15 июля 1995 года "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений") право на судебную защиту, в частности от ареста, которое в соответствии со ст. 55 (ч.3) и 56 (ч.3) Конституции РФ рассматривается Конституционным Судом РФ и судами общей юрисдикции как не подлежащее ограничению, оказывается реально не осуществимым при применении ч.5 ст. 97 УПК РСФСР.</p> <p>Проверяя жалобу, в которой оспаривается законность и обоснованность содержания обвиняемого под стражей, суд вправе принять решение об освобождении его из-под стражи. Не найдя оснований для удовлетворения жалобы, суд может</p>
--	--	--	--	--

				<p>либо направить материалы соответствующему прокурору для решения вопроса о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, либо, если полномочия должностных лиц прокуратуры, предусмотренные ч.2 ст. 97 УПК РСФСР, исчерпаны, принять собственное решение по данному вопросу. Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <p>признать ч.5 ст. 97 УПК РСФСР не соответствующей Конституции РФ.</p>
--	--	--	--	--

43	Постановление от 2 февраля 1996 г. № 4-П	По делу о проверке конституционности п.5 ч.2 ст.371, ч.3 ст.374 и п.4 ч.2 ст.384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова	Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова на нарушение их конституционных прав нормами ст. 371, 374 и 384 УПК РСФСР, примененными в делах этих граждан. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли содержание обжалуемых норм УПК РСФСР положениям Конституции РФ, гарантирующим право граждан на судебную защиту.	<p>В соответствии со ст. 371 УПК РСФСР пересмотр в порядке надзора вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда с целью устранения допущенных при их вынесении ошибок осуществляется лишь по протесту того прокурора, председателя суда или их заместителей, которым это право предоставлено законом.</p> <p>Ч.3 ст. 374 УПК РСФСР устанавливает, что Президиум Верховного Суда РФ рассматривает дела по протестам на приговоры и определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, а также на постановления судей Верховного Суда РФ о предании суду и не наделяет Президиум Верховного Суда РФ полномочиями по пересмотру в порядке надзора его собственных постановлений. Соответственно, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, независимо от качества содержащихся в них решений, не могут стать объектом судебной проверки в порядке надзора.</p> <p>В соответствии со ст. 2 и 45 (ч.1) Конституции РФ государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы, создавая при этом эффективные правовые механизмы устранения любых нарушений. Какие-либо ограничения прав и свобод граждан согласно ст. 55 (ч.3) Конституции РФ допустимы только на основе ФЗ и, следовательно, лишь в строгом соответствии с ним.</p> <p>ФЗ, устанавливающий порядок пересмотра приговоров, не может отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, посягать на их основное содержание (ст. 55, ч.2 Конституции РФ), а также вводить какие-либо ограничения конституционных прав, которые не вызваны необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в ст. 55 (ч.3) Конституции РФ, так как это ведет к умалению прав и свобод граждан.</p> <p>Между тем из положений п. 4 ч.2 ст. 384 УПК РСФСР реально</p>
----	--	--	--	---

				<p>вытекает прямо противоположное установление, фактически ограничивающее право граждан на судебную защиту и являющееся нормативно закрепленным основанием для отказа в правосудии как в его процессуальном смысле, так и в материально - правовом содержании. Это не соответствует ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.</p> <p>Ограниченность предусмотренных в п. 4 ч.2 ст. 384 УПК РСФСР оснований, при которых для исправления судебных ошибок допускается повторное рассмотрение дела той же судебной инстанцией, не соответствует в полной мере существующей социальной и правовой реальности. ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" предусматривает, что любые, в том числе окончательные, решения судов, основанные на актах, признанных неконституционными, должны быть пересмотрены (ч.3 ст. 79, ч.2 ст. 100). Фактически речь идет о появлении новой правовой ситуации, которая не описана в ст. 384 УПК РСФСР, но требует рассмотрения в предусмотренной ею процедуре.</p> <p>Процедура, предусмотренная ст. 384 - 390 УПК РСФСР, могла бы обеспечить гражданам необходимую защиту их прав, ущемленных в результате судебной ошибки. Однако этому препятствует вытекающее из п. 4 ч.2 ст. 384 УПК РСФСР ограничение круга оснований возобновления дел, что не отвечает конституционно провозглашенным требованиям государственной защиты прав и свобод.</p> <p>Конституционный Суд РФ, руководствуясь ч.2 ст. 74 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ", оценивает соответствие Конституции РФ оспариваемых правовых норм в их системе, т.е. исходя из систематического толкования, имея в виду, что конституционное содержание соответствующих правовых институтов может быть обеспечено совокупным результатом действия норм права.</p>
--	--	--	--	--

				<p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:</p> <ol style="list-style-type: none">1) признать положение п. 5 ч.2 ст. 371 и ч.3 ст. 374 УПК РСФСР соответствующими Конституции РФ,2) признать положение п. 4 ч.2 ст. 384 УПК РСФСР не соответствующим Конституции РФ.
--	--	--	--	---

44	Постановление от 13 ноября 1995 г. № 13-П	По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самигуллиной и А.А. Апанасенко	<p>В своей жалобе, адресованной Конституционному Суду РФ, Р.Н. Самигулина просит признать содержащееся в ч.5 ст. 209 УПК РСФСР положение, как позволяющее правоприменительным органам ограничивать конституционные права потерпевшего на доступ к правосудию и на судебную защиту, не соответствующим Конституции Российской Федерации.</p> <p>Жалоба с аналогичным требованием поступила в Конституционный Суд РФ от А.А. Апанасенко, которому судами различных инстанций также было отказано в принятии жалобы на постановление следователя о прекращении уголовного дела, возбужденного по факту гибели его сына - военнослужащего А.А. Апанасенко.</p> <p>С учетом того, что оба обращения касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд РФ на основании ст. 48 ФКЗ "О Конституционном Суде РФ" принял решение о соединении этих дел в одном производстве.</p>	<p>Согласно ст. 46 (ч. 1 и 2) Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и обеспечивается возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц.</p> <p>Правило ч.5 ст. 209 УПК РСФСР, признаваемое правоприменительной практикой единственной законодательной нормой, которая определяет порядок обжалования постановления о прекращении уголовного дела, приводит к тому, что значительное число правоприменительных решений, затрагивающих основные права и свободы граждан, вопреки установлениям ст. 46 Конституции РФ выводится из-под судебного контроля.</p> <p>Рассматриваемая уголовно-процессуальная норма по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не соответствует также положениям ст. 52 Конституции РФ, гарантирующим потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью право на доступ к правосудию.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил: признать положение ч.5 ст. 209 УПК РСФСР не соответствующей Конституции РФ.</p>
----	---	---	--	---

45	<p>Постановление от 3 мая 1995 г. № 4-П</p>	<p>По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 УК РФ, части второй статьи 3 ФЗ "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации", Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения</p>	<p>Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.К.Айжанова, Ю.Н. Александрова, А.С. Алексеева, О.П. Аринина, А.А. Байдимирова, С.М. Березина, Э.В. Борисова, В.В. Бота, В.Е. Бугакова, С.Н. Дубяго, Д.В. Зимкова, А.Н. Кузнецова, Е.В. Леонтьева, С.В. Мазыра, С.В. Мартыненко, Е.Л. Мишенина, П.Ю. Нелюбова, А.А. Плаксина, А.И. Пономарева, Н.В. Репринцева, С.А. Родионова, Э.С. Солдатова, Д.В. Сухого, И.П. Токарева, А.П. Тютюникова, А.В. Фатеева, И.В. Фаянова, Д.В. Филиппова, И.В. Хроменкова, Д.В. Чибизова-Иванова, И.Н.Шанина, П.В.Швайко, осужденных за совершение преступлений, ответственность за которые была смягчена ФЗ от 8 декабря 2003 года "О внесении изменений и дополнений в УК РФ". Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции РФ ч.2 ст. 10 УК РФ, ч.2 ст. 3 ФЗ от 13 июня 1996 года "О введении в действие УК РФ " (в редакции ФЗ от 27 декабря 1996 года N 161-ФЗ), ФЗ от 8 декабря 2003 года "О</p>	<p>Предмет рассмотрения – ч.2 ст. 10 УК РФ, которая по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, в системе действующего уголовно-процессуального регулирования не допускает в связи с изданием нового уголовного закона, смягчающего ответственность за преступление, снижение назначенного осужденному наказания ниже верхнего предела, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ в редакции этого закона.</p> <p>По Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (ст. 2). Будучи непосредственно действующими, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ).</p> <p>Исходя из общеправовых принципов гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, Конституция РФ в той же ст. 54 (ч. 2) предписывает, что в случае устранения или смягчения новым законом ответственности за совершенное правонарушение применяется новый закон.</p> <p>Из ст. 46 (ч.1) Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, во взаимосвязи со ст. 19 (ч. 1), 46 (ч. 2), 47 (ч. 1), 50 (ч. 3), 118 (ч. 1) и 123 (ч. 3) Конституции РФ следует, что конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, - это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости.</p> <p>Содержащееся в ст.10 УК РФ предписание о смягчении</p>
----	---	---	--	--

		<p>судебных решений в соответствии с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других</p>	<p>внесении изменений и дополнений в УК РФ" и положения ст. 396, 397, 399, 402-410, 413 и 415 УПК РФ, конституционность которых оспаривается заявителями.</p>	<p>назначенного по приговору суда наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, предполагает применение общих начал назначения наказания, в силу которых в такого рода случаях смягчение наказания будет осуществляться в пределах, определяемых всей совокупностью норм УК РФ- не только Особенной его части, но и Общей. Иное, ограничительное, истолкование ч.2 ст.10 УК РФ - не соответствует буквальному смыслу данной нормы и не вытекает из положений Конституции Российской Федерации</p> <p>Поворот к худшему для осужденного при пересмотре вступившего в законную силу приговора, за исключением случаев, когда при его постановлении были допущены фундаментальные, имеющие принципиальный характер нарушения, недопустим. Тем более недопустимо изменение в худшую сторону положения осужденного в связи с решением вопроса о приведении вынесенного в отношении него приговора в соответствие с новым уголовным законом, смягчающим ответственность за совершенное преступление, поскольку при этом искажались бы сама сущность такого закона и выраженная в нем воля законодателя (Постановлении от 11 мая 2005 года N 5-П по делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ)</p> <p>Положение ч.2 ст. 10 УК РФ о сокращении наказания в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, в системной связи с ч.1 ст.10 означает, что при приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом - независимо от того, в какой процессуальной стадии решается данный вопрос, - подлежат применению все установленные УК РФ в редакции этого закона правила, как общие, так и специальные, в соответствии с которыми вопрос о наказании разрешается при постановлении приговора, включая правила назначения наказания ниже низшего предела, при наличии смягчающих обстоятельств, а также при рецидиве</p>
--	--	--	---	--

				<p>преступлений. Тем самым в уголовно-правовых отношениях обеспечивается реализация принципов справедливости (преамбула Конституции РФ, ст. 6 УК РФ) и равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ, ст. 4 УК РФ).</p> <p>Реализация закрепленного в ст. 54 (ч. 2) Конституции РФ и ст. 10 УК РФ принципа, в силу которого уголовный закон, устраняющий или смягчающий ответственность, имеет обратную силу, может быть обеспечена лишь при условии создания надлежащего процессуального механизма, позволяющего определить в конкретном деле, в какой мере новый закон смягчает ответственность за преступление, и соответствующим образом применить его.</p> <p>Согласно действующему УПК применение нового уголовного закона, устраняющего или смягчающего ответственность за преступление и имеющего обратную силу, может осуществляться на любых стадиях уголовного судопроизводства.</p> <p>Ст. 54 (ч. 2) Конституции РФ предписывает применять новый закон в случаях, когда после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, не предполагает наличие у суда или иного органа, применяющего закон, дискреционных полномочий, которые позволяли бы ему в таких случаях игнорировать действие этого закона.</p> <p>С учетом этого положение УПК РФ, согласно которому вопрос об освобождении от наказания или о смягчении наказания в связи с изданием уголовного закона, имеющего обратную силу, решается судом по ходатайству осужденного (п. 2 ч. 1 ст. 399), не может рассматриваться как освобождающее уполномоченные государственные органы и должностных лиц от обязанности самостоятельно инициировать применение нового уголовного закона.</p> <p>Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 87 Федерального конституционного</p>
--	--	--	--	---

				<p>закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил: признать положение ч.2 ст. 10 УПК РФ не противоречащей Конституции РФ</p>
--	--	--	--	--

**СПИСОК ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ, В КОТОРЫХ БЫЛО УСТАНОВЛЕНО НАРУШЕНИЕ СТ.6.ЕВРОПЕЙСКОЙ
КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

№ п/п	Жалоба гражданина (№ дела)	Решение по существу	Суть жалобы	Нарушения Конвенции, признанные ЕСПЧ	Обоснование нарушения Конвенции
1	<p align="center">Валерий Алексеевич Захаркин Против России (№ 1555/04) Теги: суд, созданный на основании закона</p>	10 июня 2010	<p>15 октября 1999 г. заявитель был задержан в г. Екатеринбурге по подозрению в грабеже. Он был предположительно избит в милиции. После чего был заключен под стражу.</p> <p>1) Заявитель жаловался, что он содержался под стражей в ужасных условиях, был лишен необходимой медицинской помощи в местах содержания под стражей, что было нарушено его право на справедливое судебное разбирательство, и власти препятствовали праву на подачу жалобы в ЕСПЧ.</p> <p>2) Заявитель указывал, что власти не представили никаких документов, которые бы подтверждали, что имеются правовые основания для участия в составе суда, рассматривавшего его дело</p>	Ст.6.1 Конвенции	<p>1) Европейский Суд напоминает, что фраза "на основании закона" затрагивает не только правовую основу существования "суда", но также состав суда в каждом деле (см. Решение Европейского Суда от 4 мая 2000 г. по делу "Бускарини против Сан-Марино" (Buscarini v. San Marino), жалоба N 31657/96).</p> <p>Таким образом, Европейский Суд должен рассмотреть утверждения, такие как в настоящем деле, касающиеся нарушения национальных правил назначения судей. Тот факт, что утверждение в настоящем деле затрагивает народных заседателей, не делает его менее существенным, поскольку, в силу статьи 15 Уголовно-процессуального кодекса, действовавшего в то время, при исполнении своих судебных обязанностей народные заседатели пользовались теми же правами, что и профессиональные судьи (см. § 86 настоящего Постановления).</p> <p>2) Европейский Суд уже устанавливал нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в ряде дел против России, касавшихся</p>

			<p>народных заседателей Т., О., Е. С точки зрения заявителя, выбор народных заседателей должен соответствовать федеральному закону «О народных заседателях», который действовал в то время.</p>		<p>назначения народных заседателей. В некоторых делах нарушение устанавливалось в связи с уклонением национальных властей от представления документальных доказательств, подтверждающих, что народные заседатели были назначены в соответствии с порядком, предусмотренным национальным законодательством, в сочетании с "явным несоблюдением требований «Закона о народных заседателях» в отношении жеребьевки и исполнения обязанностей в течение двух недель в году" (см., например, Постановление Европейского Суда от 13 апреля 2006 г. По делу "Федотова против Российской Федерации" (Fedotova v. Russia), жалоба N 73225/01, § 41 - 44; и упоминавшееся выше - Постановление Европейского Суда по делу "Посохов против Российской Федерации", § 40 - 44). В другом деле серьезное нарушение порядка назначения народных заседателей само по себе было признано достаточным для умаления справедливости уголовного разбирательства против заявителя и для заключения Европейского Суда о том, что суды, рассматривавшие дело заявителя, не являлись судами, "созданным на основании закона" (см. Постановление Европейского Суда от 9 июля 2009 г. по делу "Илатовский против Российской Федерации" (Ilatovskiy v. Russia, жалоба N 6945/04, § 39 - 43).</p>
--	--	--	---	--	---

					<p>3) Обращаясь к фактам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что согласно утверждениям властей Российской Федерации народные заседатели, рассматривавшие дело заявителя, были избраны в 1993 и 1999 годах, то есть в период, когда еще действовал Закон о судеустройстве РСФСР 1981 года. Срок их полномочий несколько раз продлевался Указами Президента, последний из которых, Указ от 25 января 2000 г., предусматривал, что все народные заседатели сохраняют полномочия в процессе составления и утверждения новых списков народных заседателей в соответствии с Законом о народных заседателях, который только вступил в силу. К моменту начала разбирательства дела заявителя, в течение почти двух лет после вступления в силу Закона о народных заседателях, эти списки не были составлены, и народные заседатели, избранные в 1993 и 1999 годах, сохраняли полномочия. Соответственно, в целях установления того, может ли Свердловский областной суд, признавший виновным заявителя, рассматриваться как "суд, созданный на основании закона", Европейский Суд должен рассмотреть два связанных вопроса. Во-первых, следует решить, соблюдены ли существенные требования порядка избрания народных заседателей,</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>предусмотренные Законом о судостроительстве РСФСР 1981 года. Во-вторых, необходимо проверить законность продления срока полномочий народных заседателей указами Президента, и особенно Указом от 25 января 2000 г., который, как утверждал заявитель, несовместим с недавно принятым Законом о народных заседателях.</p> <p>4) По первому вопросу Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации представили решение законодательного собрания Свердловской области об избрании Е. народным заседателем Свердловского областного суда (см. § 26 настоящего Постановления). Европейский Суд, соответственно, признает, что Е. была назначена на эту должность. Напротив, власти Российской Федерации не представили документов, которые могли бы составлять правовую основу для назначения Т. и О. в качестве народных заседателей Свердловского областного суда.</p> <p>Национальные власти также не смогли представить в ответ на запросы заявителя какие-либо доказательства того, что эти лица когда-либо были избраны для исполнения обязанностей народных заседателей. Отсюда следует, что не имелось законных оснований для участия народных заседателей Т. и О. в отправлении правосудия. Соответственно, Свердловский областной суд, признавший заявителя виновным, не может считаться</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>"судом, созданным на основании закона".</p> <p>Европейский Суд заключает, что справедливость уголовного разбирательства против заявителя была умалена серьезными недостатками при первоначальном отборе народных заседателей рассматривавших дело заявителя. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.</p>
2	<p>Посохов Сергей Витальевич против России (№63486/00) Теги: суд, созданный на основании закона</p>	4 марта 2003 г.	<p>Заявитель работал в Таганрогском таможенном комитете и выполнял обязанности по контролю над импортируемыми товарами в морском порту. В 1996 году против него было возбуждено</p>	Ст. 6 п.1 Конвенции	<p>Суд напоминает, что фраза "созданным на основании закона", относится не только к регламентации самого существования суда в силу закона, но также и к законности состава суда. (см. дело <i>Buscarini v. San Marino</i> N 31657/96, 4 мая 2000 г.). Таким образом, суд считает необходимым рассмотреть</p>

			<p>уголовное дело по обвинению в контрабанде водки в крупном размере. 22 мая 2000 г. Неклиновский районный суд Ростовской области, состоящий из председательствующего судьи Кинк и двух народных заседателей, Стреблянской и Ховяковой, признал заявителя виновным в пособничестве в уклонении от исполнения таможенных обязанностей и злоупотреблении служебными полномочиями. Сразу же после осуждения заявитель был освобожден от отбывания наказания, частично - в связи с истечением срока давности и частично в связи с амнистией. 26 и 29 мая и 16 июня 2000 заявитель и его адвокат обжаловали данный приговор. Он указывал на то, что состав суда, вынесший ему приговор 22 мая 2000 года, был незаконен, так как был нарушен порядок назначения народных заседателей. В частности, заявитель указал, что Федеральный Закон "О народных заседателях</p>		<p>аргументы жалобы относительно грубейшего нарушения процедуры назначения представителей судебной власти, установленной национальным законодательством. Тот факт, что в данном деле нарушение касается народных заседателей, не умаляет важности нарушения, так как в соответствии со статьей 15 УПК РСФСР народные заседатели пользуются наделены теми же полномочиями, что и профессиональные судьи.</p> <p>Спор сторон сфокусирован на том, было ли участие народных заседателей Стреблянской и Ховяковой в слушании 22 мая 2000 года совместимо с национальным законодательством, в частности, с законом о народных заседателях. Заявитель приложил к жалобе соответствующие доказательства.</p> <p>Основываясь на ответе Неклиновской районной администрации, что до 4 февраля 2000 года не было никаких списков народных заседателей, заявитель сделал вывод о том, что нет никаких доказательств того, что Стреблянская и Ховякова когда либо назначались народными заседателями, даже перед вступлением в силу Закона "О народных заседателях". Суд обращает особое внимание на тот факт, что Неклиновская районная администрация, орган, ответственный за подготовку списков народных заседателей, подтвердил, что</p>
--	--	--	--	--	--

			<p>федеральных судов общей юрисдикции» предусматривал для народных заседателей максимальный период участия в отправлении правосудия только 14 дней, или пока не окончено рассмотрение начатого дела, в то время как народные заседатели Стреблянская и Ховякова, участвовали в предыдущих судебных процессах в 2000 году. Кроме того, указывалось, что срок полномочий Стреблянской истек еще до момента рассмотрения дела заявителя. Кассационная жалоба, поданная заявителем, была оставлена Ростовским областным судом без удовлетворения, приговор вступил в силу 2 октября 2001 года. Заявитель указывал в своей жалобе о нарушении параграфа 1 статьи 6 Конвенции, что суд, который осудил его 22 мая 2000 г. не может считаться судом, созданным на основании закона, так как он был создан в нарушение порядка,</p>	<p>списка назначенных народных заседателей до 4 февраля 2000 года не имеется. Таким образом, власти не смогли предоставить каких-либо правовых оснований участия Стреблянской и Ховяковой в отправлении правосудия на момент рассмотрения дела заявителя, учитывая тот факт, что список, составленных 4 февраля 2000 был утвержден Законодательным собранием Ростовской области только 15 июня 2000 года. Эти обстоятельства, в совокупности, не позволяют Суду сделать вывод, что Неклиновский районный суд, который рассматривал дело заявителя 22 мая 2000 года, может рассматриваться как "суд, созданный на основании закона". По этим основаниям, суд постановил, что имело место нарушение статьи 6.1 Конвенции.</p>
--	--	--	---	---

			установленного национальным законом.		
3	<p>Купцов Денис Васильевич и Купцова Людмила Александровна против России(№6110/03)</p> <p>Теги: суд, созданный на основании закона</p>	3 марта 2011г	<p>Заявителями являются мать с сыном. Они родились в 1987 и 1962 годах соответственно и проживают в г. Волгограде. 29 октября 2002 г. заявитель, в то время несовершеннолетний, был задержан по подозрению в совершении по предварительному сговору с другими лицами нескольких ограблений.</p> <p>1) Заявители жаловались, в частности, что заявитель содержался под стражей в ужасающих условиях, предварительное заключение его под стражу было незаконным и чрезмерно длительным и не сопровождалось соответствующими процессуальными гарантиями и что уголовное разбирательство в отношении него было несправедливым.</p> <p>2) Заявитель жаловался на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции, что его судил и признал виновным суд, состав которого не был сформирован</p>	Ст.6.1 Конвенции	<p>1) Европейский Суд напоминает, что выражение "на основании закона" охватывает не только правовую основу самого существования "суда", но также и состав суда для каждого дела (см. Решение Европейского Суда от 4 мая 2000 г. по делу "Бускарини против Сан-Марино" (Buscarini v. San Marino), жалоба N 31657/96). В этой связи Европейский Суд должен рассматривать утверждения, такие как в настоящем деле, по поводу нарушения национальных правил назначения судебных должностных лиц. Тот факт, что жалоба по настоящему делу касается народных заседателей, не уменьшает ее значения, поскольку согласно российскому законодательству, действовавшему в тот период, народные заседатели пользовались теми же правами, что и профессиональные судьи (см. Постановление Европейского Суда от 10 июня 2010 г. по делу "Захаркин против Российской Федерации" (Zakharkin v. Russia, жалоба N 1555/04, § 146).</p> <p>2) Европейский Суд уже устанавливал нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в ряде дел против России, касавшихся назначения народных заседателей. В некоторых делах нарушение устанавливалось в связи с уклонением национальных властей от представления</p>

			<p>в соответствии с национальным законодательством.</p>	<p>документальных доказательств, подтверждающих, что народные заседатели были назначены в соответствии с порядком, предусмотренным национальным законодательством, в сочетании с "явным несоблюдением требований Закона о народных заседателях в отношении жеребьевки и исполнения обязанностей в течение двух недель в году" (см., например, Постановление Европейского Суда от 13 апреля 2006 г. по делу "Федотова против Российской Федерации" (Fedotova v. Russia), жалоба N 73225/01, §§ 41 - 44 , и Постановление Европейского Суда по делу "Посохов против Российской Федерации" (Posokhov v. Russia), жалоба N 63486/00, §§ 40 - 44, ECHR 2003-IV).</p> <p>3) Европейский Суд отмечает, что, хотя согласно статье 6 Закона о народных заседателях (см. § 59 настоящего Постановления) отбор народных заседателей для участия в конкретном деле должен осуществляться путем жеребьевки, нет никаких оснований полагать, что жеребьевка была проведена в деле заявителя. Более того, заявитель предоставил письменное свидетельство о том, что в январе 2003 года народный заседатель Г. также участвовала в рассмотрении другого, не связанного с ним гражданского дела. Это доказательство приводит к выводу о том, что она исполняла свои обязанности, по крайней мере, дважды</p>
--	--	--	---	--

					<p>в течение одного года, что является существенным нарушением правил отбора народных заседателей, установленных в статье 9 Закона о народных заседателях (см. § 60 настоящего Постановления).</p> <p>Указанные выше нарушения требований Закона о народных заседателях, о жеребьевке и максимальном количестве дел, в которых могли участвовать народные заседатели в течение года, приводят Европейский Суд к заключению, что Красноармейский районный суд, вынесший обвинительный приговор заявителю, не может рассматриваться как "суд, сформированный на основании закона".</p> <p>4) Европейский Суд приходит к выводу, что справедливость уголовного разбирательства против заявителя была умалена серьезными недостатками при отборе народных заседателей, рассматривавших дело заявителя. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.</p>
4	<p>Андрей Александрович Исаев против России (N 24490/03)</p> <p>Теги: суд, созданный на основании закона</p>	23 сентября 2010 года	<p>Заявитель родился в 1978 году и проживает в г. Владимире. 28 сентября 1998 г. заявитель был признан виновным в совершении кражи судом надлежащей юрисдикции и был приговорен к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения наказания на три года.</p>	Ст.6.1. Конвенции	<p>1) Европейский Суд отмечает, что производство по уголовному делу против заявителя длилось с 15 января 1999 г. до 19 декабря 2002 г. и включало в себя стадию проведения следствия и судебное разбирательство, в ходе которого дело было рассмотрено судами в двух инстанциях. Таким образом, период, который должен быть принят во внимание, составил приблизительно три года и одиннадцать</p>

			<p>1) Заявитель жаловался в соответствии со статьей 6 Конвенции, что суд, который признал его виновным 29 апреля 2002 г., не являлся "судом, созданным на основании закона", поскольку его состав был сформирован в нарушение соответствующих норм российского законодательства. В частности, заявитель утверждал, что срок полномочий народных заседателей Г. и К. истек до начала судебного разбирательства по его делу и что в то время в распоряжении суда первой инстанции не было списка народных заседателей.</p> <p>2) Заявитель также жаловался, в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, что производство по уголовному делу в отношении его длилось чрезмерно долго.</p>		<p>месяцев.</p> <p>2) Как неоднократно отмечалось Европейским Судом, разумность срока разбирательства должна оцениваться с учетом обстоятельств дела, а также следующих критериев: сложность дела, действия заявителя и компетентных органов (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Пелисье и Сасси против Франции" (Pelissier and Sassi v. France), жалоба N 25444/94, § 67, ECHR 1999-II).</p> <p>3) Европейский Суд принимает во внимание тот факт, что власти не представили никаких объяснений по поводу периода времени, прошедшего с 15 января 1999 г., даты задержания заявителя, по 2 июля 2001 г., даты передачи дела в суд первой инстанции.</p> <p>4) Принимая во внимание значительную продолжительность указанной задержки и отсутствие каких-либо объяснений по этому поводу со стороны властей, Европейский Суд пришел к заключению, что при разбирательстве по уголовному делу против заявителя было нарушено требование "разумного срока" (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 31 июля 2000 г. по делу "Барфусс против Чехии" (Barfuss v. Czech Republic), жалоба N 35848/97, § 82 - 83). Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерной</p>
--	--	--	---	--	--

					длительностью разбирательства.
5	<p>Валей Миндывалеевич Салихов против России (N 23880/05)</p> <p>Теги: право допросить свидетелей, показывающих против обвиняемого</p>	3 мая 2012 года	<p>Заявитель родился в 1965 году и до своего задержания проживал в Новосибирске. В 2004 году заявитель был задержан в Челябинской области по подозрению в изнасиловании и доставлен для допросов в Уйский отдел милиции. Заявитель предстал перед Уйским районным судом Челябинской области. Потерпевшая К. и свидетели В. и К.А.Р. не явились в судебное заседание и сторона обвинения ходатайствовала об оглашении их показаний, данных на предварительном следствии. Суд удовлетворил ходатайство и отклонил возражения заявителя, сославшись на рапорты сотрудников милиции о том, что они переехали, и место их нахождения в настоящее время неизвестно. Линия защиты заявителя заключалась в том, что половой акт имел место по согласию сторон. Он не отрицал, что имел связь с К., но настаивал на том, что все</p>	<p>Ст. 6.1. Ст. 6.3. (d) Конвенции</p>	<p>Европейский Суд напоминает, что гарантии, предусмотренные подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, являются специфическими аспектами права на справедливое судебное разбирательство, установленного пунктом 1 той же статьи, которые должны быть приняты во внимание при оценке справедливости разбирательства.</p> <p>Подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции отражает тот принцип, что до осуждения обвиняемого все доказательства против него должны быть представлены в его присутствии в открытом заседании с учетом требования состоятельности. Исключения из этого принципа возможны, но они не должны нарушать прав защиты, которые, как правило, требуют, чтобы обвиняемый имел адекватную и надлежащую возможность оспорить показания и допросить свидетеля, показывающего против него, когда этот свидетель дает показания или на более поздней стадии разбирательства (см. Постановление Европейского Суда по делу "Лука против Италии" (Luca v. Italy), жалоба N 33354/96, § 39 - 40, ECHR 2001-II).</p> <p>1) Европейский Суд находит, что вывод о недобровольном характере сношения основан в решающей степени на показаниях К., полученных на досудебной стадии, и что</p>

			<p>контакты были добровольными. По его мнению, принципиальное значение имел допрос К. в открытом судебном заседании. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции на то, что он не имел возможности допросить в открытом судебном заседании потерпевшую К. и свидетельниц В. и К.А.Р., которые являлись ключевыми свидетельницами обвинения.</p>		<p>для обеспечения справедливости судебного разбирательства заявитель должен был иметь возможность допросить ее в открытом судебном заседании.</p> <p>2) Европейский Суд отмечает, что национальные органы не представили документов в поддержку своих объяснений, тогда как решения судов страны не содержат сведений о мерах, принятых для обеспечения явки свидетелей. С другой стороны, из определения районного суда, вынесенного в дату осуждения заявителя, следует, что рапорт сотрудника милиции о посещении места жительства К. и беседах с ее соседями был сфабрикован. Сотрудник милиции признал в суде, что не посещал ее места жительства или не пытался установить ее местонахождение, но составил рапорт потому, что его просил об этом следователь.</p> <p>2) Европейский Суд удивлен пассивным отношением Уйского районного суда, который полностью признавал обман со стороны сотрудника милиции и считал это грубым нарушением уголовно-процессуальных норм, но не принял мер для обеспечения явки основной свидетельницы обвинения. При таких обстоятельствах решение районного суда об оглашении досудебных показаний К. в связи с исчерпанием потенциальных средств ее обнаружения выглядит неоправданным и необоснованным с фактической точки</p>
--	--	--	---	--	---

					<p>зрения.</p> <p>3) Европейский Суд учитывает, что национальные суды не приняли уравнивающих мер, которые могли бы компенсировать трудности, причиненные защите принятием непроверенных показаний.</p> <p>С учетом того факта, что заявитель не имел возможности допросить К., показания которой имели решающее значение для установления его вины в преступлении, за которое он был впоследствии осужден, и что власти не приняли разумных мер для обеспечения ее явки в суд или компенсации трудностей, причиненных защите в связи с принятием ее показаний, Европейский Суд находит, что имело место нарушение требований пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Этот вывод делает необязательным отдельное рассмотрение жалобы в части неявки двух свидетельниц - В. и К.А.Р.</p>
6	<p>Кирилл Валерьевич Карпенко против России (N 5605/04)</p> <p>Теги: право допросить свидетелей, показывающих против обвиняемого</p>	13 марта 2012 года	<p>Заявитель родился в 1971 году и проживал до задержания в Екатеринбурге. Он отбывает наказание в исправительной колонии в Невьянске Свердловской области. 8 апреля 1998 г. Ревдинский городской суд признал Ш. и Б. виновными в нескольких</p>	<p>Ст. 6.1. Ст. 6.3. (d) Конвенции</p>	<p>Согласно прецедентной практике Европейского Суда право на справедливое судебное разбирательство предполагает, что все доказательства обычно представляются в открытом судебном заседании, в присутствии обвиняемого, в условиях состязательности. Европейский Суд напоминает принципы, изложенные в</p>

			<p>эпизодах грабежа при отягчающих вину обстоятельствах. В частности, городской суд нашел установленным, что 5 октября 1995 г. обвиняемые, действуя совместно с заявителем, в отношении которого уголовное разбирательство приостановлено ввиду того, что он скрылся во время следствия, и О., уголовное дело против которого прекращено в связи с его смертью, ограбили склад в селе Вавож Удмуртской Республики. Городской суд также указал, что 19 ноября 1995 г. обвиняемый В. при соучастии Р., в отношении которого уголовное разбирательство приостановлено в связи с его бегством, заявитель и О. ограбили несколько складов в селе Кунгурка Свердловской области. В то же время суд оправдал Ш. по другому обвинению в грабеже, найдя недоказанным, что 17 сентября 1996 г. он и Р., О., В. и заявитель участвовали в</p>		<p>Постановлении Большой Палаты от 15 декабря 2011 г. по делу "Аль-Хаваджа и Тахири против Соединенного Королевства" (Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom), жалобы N 26766/05 и 22228/06, § 147), согласно которым, если обвинительный приговор основан исключительно или в решающей степени на показаниях отсутствующих свидетелей, Европейский Суд должен подвергнуть разбирательство наиболее строгому контролю.</p> <p>Европейский Суд также отмечает, что права защиты требуют, чтобы обвиняемый имел адекватную и надлежащую возможность оспорить показания и допросить свидетеля, показывающего против него, в момент дачи показаний или на более поздней стадии разбирательства (см. Постановление Европейского Суда от 20 сентября 1993 г. по делу "Саиди против Франции" (Saidi v. France), Series A, N 261-C, p. 56, § 43, и Постановление Европейского Суда по делу "А.М. против Италии" (A.M. v. Italy), жалоба N 37019/97, § 25, ECHR 1999-IX).</p> <p>По мнению Европейского Суда, в том случае, «если свидетели не могут быть допрошены и это связано с тем, что их местонахождение неизвестно, власти должны предпринять разумные усилия</p>
--	--	--	--	--	--

			<p>другом грабеже в селе Новое Село Свердловской области.</p> <p>Заявитель скрылся от следствия, и по этой причине предварительное следствие в отношении него было приостановлено. 19 февраля 2003 года Ревдинский городской суд провел первое судебное заседание по делу, на которое были вызваны в качестве свидетелей подозреваемые и уже осужденные соучастники заявителя в совершении ограблений Ш. и Б., а также другие лица, чьи письменные показания, послужили основанием для вынесения приговора. Ни один из них в суд не явился. Городской суд отметил в протоколе судебного заседания, что Б. уехал в командировку в Челябинск, а Ш. проживает в другом городе. Причины отсутствия остальных свидетелей остались не установленными. Известно только, что свидетель Ш. письмом в январе 2003 года сообщал о невозможности</p>		<p>для того чтобы обеспечить их присутствие.</p> <p>В данном деле имеются серьезные сомнения в отношении того, является ли заключение городского суда о невозможности обеспечения явки свидетелей на судебное разбирательство в действительности обоснованным. Оценка причин отсутствия свидетелей, проведенная городским судом, носила поверхностный и некритичный характер. С учетом того, что национальные суды должны обеспечивать надлежащее проведение судебного разбирательства и избегать необоснованных задержек в уголовном процессе, Европейский Суд считает, что задержка с целью получения свидетельских показаний или, по крайней мере, решения вопроса о явке свидетелей на заседание суда, в котором рассматривалась вина заявителя в совершении особо тяжкого преступления и последующим лишением его свободы на длительный срок, не представляла бы собой непреодолимый недостаток рассматриваемого судебного разбирательства.</p> <p>При таких обстоятельствах, Европейский Суд признал, что «заявителю не была предоставлена надлежащая и адекватная возможность оспорить заявления Б. и Ш., показания которых имели решающее значение для вынесения обвинительного приговора, и, следовательно, судебное</p>
--	--	--	--	--	--

			<p>явки в виду финансовых затруднений, а позднее телеграммой подтвердил отсутствие возможности явиться на судебное разбирательство в отношении заявителя и полностью подтвердил свои показания, данные во время предварительного следствия и судебного разбирательства, в результате которого он был осужден в 1998 году. Далее по ходатайству сторон городской суд направлял судебные повестки свидетелям, а позднее в службу судебных приставов постановления об обеспечении явки на судебном заседании, но никто из свидетелей не явился на следующее заседание суда 28 мая 2003 года. Ввиду их отсутствия, прокурор ходатайствовал перед городским судом об оглашении показаний, данные ими в ходе судебного разбирательства 1998 года. Заявитель и его защитник выступили против</p>		<p>разбирательство, проведенное отношении него, не было справедливым». Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 в совокупности с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6.</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>зачитывания показаний предполагаемых сообщников в ограблениях, Ш., Б., Р. и О., отмечая, что заявителю «не была предоставлена надлежащая возможность опросить данных свидетелей».</p> <p>Городской суд отклонил возражение, отметив, что заслушать некоторых свидетелей на открытом судебном заседании вследствие их смерти невозможно, и принимая во внимание, что заявитель участвовал в очной ставке с Б. и Ш. во время предварительного следствия в отношении него.</p> <p>29 мая 2003 года Городской суд признал заявителя виновным в совершении ограблений при отягчающих обстоятельствах 5 октября 1995 года, 29 ноября 1995 года 17 сентября 1996 года и приговорил его к лишению свободы сроком на восемь лет.</p> <p>Заявитель и его защитник подали кассационную жалобу на данный приговор, в которой, в частности, они</p>		
--	--	--	---	--	--

			<p>утверждали, что приговор был основан исключительно на показаниях свидетелей, допрошенных в ходе предварительного следствия, в силу чего заявитель не мог опросить их в ходе открытого судебного заседания.</p> <p>19 сентября 2003 года Областной суд оставил в силе приговор, ссылаясь на выводы городского суда.</p> <p>Заявитель утверждал, что не мог встретиться со свидетелями обвинения в открытом судебном заседании и что власти отказались обеспечить его участие в разбирательстве по поводу родительских прав.</p>		
7	<p>Валентин Валерьевич Поляков против России (№77018/01)</p> <p>Теги: право допросить свидетеля, показывающего против обвиняемого</p>	29 января 2009г.	<p>Заявитель родился в 1979 году и в настоящее время отбывает срок лишения свободы в Тверской области.</p> <p>21 октября 1999 г. заявитель был задержан сотрудниками милиции Н. и О. По его словам, они избили его, и несколько прохожих, которые не поняли, что его избивали</p>	Ст. 6.3(d) Конвенции	<p>1) Европейский суд напоминает, что право на вызов свидетелей не является абсолютным и может быть ограничено в интересах надлежащего отправления правосудия.</p> <p>Подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции не требует присутствия и допроса каждого свидетеля со стороны обвиняемого: его существенная цель, как указывают слова "на тех же условиях",</p>

			<p>сотрудники правоохранительных органов, вызвали милицию. Согласно письму от 23 мая 2000 г., представленному властями Российской Федерации, Управление внутренних дел г. Москвы сообщило представителю заявителя, что 21 октября 1999 г. на место, где заявитель был задержан, милицию не вызывали. Заявителю было предъявлено обвинение в сбыте наркотиков. Суд неоднократно отклонял доводы заявителя в жестоком обращении и ходатайства о допросе свидетелей.</p> <p>1) Заявитель подал жалобу прокурору на жестокость сотрудников милиции. 2) Заявитель обжаловал со ссылкой на подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции произвольное отклонение судами страны его ходатайств о допросе ряда свидетелей, чьи показания могли подтвердить его алиби в отношении событий 19 октября 1999 г.</p>		<p>заключается в обеспечении полного равенства сторон (см., например, Постановление Европейского суда от 25 марта 1992 г. по делу "Видал против Бельгии" (Vidal v. Belgium), Series A, N 235-B, pp. 32 - 33, § 33). Заявитель, ссылающийся на нарушение его права на вызов и допрос свидетелей, должен доказать, что допрос этого лица необходим для установления истины, и что отказ в вызове этого свидетеля нарушит права защиты (см. Постановление Европейского суда от 22 июня 2006 г. по делу "Гийюри против Франции" (Guilloury v. France), жалоба N 62236/00, § 55).</p> <p>Хотя национальные суды вправе оценивать представленные им доказательства, а также относимость доказательств, которые намерена представить защита, возможны исключительные обстоятельства, которые могут вынудить Европейский суд заключить, что отказ в допросе лица в качестве свидетеля не совместим со статьей 6 Конвенции (см. Постановление Европейского суда от 18 мая 2004 г. по делу "Дестреем против Франции" (Destrehem v. France), жалоба N 56651/00, § 41; Постановление Европейского суда от 7 июля 1989 г. по делу "Брикмон против Бельгии" (Bricmont v. Belgium), Series A, N 158, p. 31, § 89).</p> <p>2) Европейский суд, прежде всего, отмечает,</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>что заявитель ограничил свои доводы свидетелями Б., Т., С. и Р. и не упоминал об остальных лицах. Европейский суд также отмечает, что жалоба затрагивает первый эпизод сбыта наркотиков, в котором он обвинялся.</p> <p>Таким образом, Европейский суд рассмотрит жалобу заявителя только в части невозможности обеспечения вызова и допроса этих четырех лиц в отношении этого эпизода.</p> <p>3) Европейский суд отмечает, что согласно обвинению 19 октября 1999 г. заявитель продал, героин У. Заявитель утверждал, что не встречался с У. в эту дату.</p> <p>Таким образом, представляется, что одним из элементов защиты заявителя было подтверждение алиби для этой даты. Не утверждалось, что ходатайство заявителя о вызове свидетелей представляло собой злоупотребление, или что он не делал разумных попыток обеспечить их явку, например, не указывая их имена и адреса. Нет сомнений в том, что ходатайство было достаточно обоснованным, связанным с предметом обвинения и могло усилить позиции защиты или даже обеспечить оправдание (см., в этом отношении, Постановление Большой палаты по делу "Перна против Италии" (Perna v. Italy), жалоба N 48898/99, § 29, ECHR 2003-V; и</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>упоминавшееся выше Постановление Европейского суда от 22 июня 2006 г. по делу "Гийюри против Франции", § 64; Постановление Европейского суда от 14 февраля 2008 г. по делу "Дорохов против Российской Федерации" (Dorokhov v. Russia), жалоба N 66802/01, § 74).</p> <p>Вышеупомянутый вывод подкрепляется тем фактом, что сторона обвинения не возражала против ходатайства заявителя.</p> <p>4) Европейский суд также отмечает, что предложение заявителя о представлении доказательств было отвергнуто судом первой инстанции без объяснения причин. В этой связи следует отметить, что согласно российскому законодательству, действовавшему в период, относящийся к обстоятельствам дела, ходатайства о вызове дополнительных свидетелей и истребовании других доказательств подлежат удовлетворению во всех случаях, и отказ в их удовлетворении должен быть мотивирован.</p> <p>Представляется, что такое определение вынесено не было. Соответствующего обоснования не содержал и приговор суда.</p> <p>Суд кассационной инстанции также не рассмотрел довод заявителя относительно отказа суда первой инстанции от вызова свидетелей (см. § 16 настоящего Постановления).</p> <p>5) Европейский суд установил, что</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>ходатайство заявителя имело отношение к предмету обвинения. Единственным доказательством того, что заявитель продал наркотики 19 октября 1999 г., было показание предполагаемого покупателя на предварительном следствии, от которого она отказалась в судебном заседании. Таким образом, Европейский суд полагает, что при обстоятельствах, когда обвинительный приговор заявителю был основан преимущественно на предположении о том, что он находился в определенное время в определенном месте, право на вызов и допрос свидетелей с его стороны и принцип равенства сторон, которые являются специфическими аспектами права на справедливое судебное разбирательство дела, предполагают, что ему должна была быть предоставлена разумная возможность эффективно оспорить это предположение (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского суда от 13 июля 2006 г. по делу "Попов против Российской Федерации" (Popov v. Russia), жалоба N 26853/04, § 183). С учетом изложенных соображений Европейский суд полагает, что имело место нарушение подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>
8	Гендрик ван Мехелен, Виллем Венериус, Иоганн Венериус и	23 апреля 1997 г.	В январе и феврале 1989 г. заявители были арестованы в	Ст. 6 п. 1 и 3 (d) Конвен-	Суд повторяет, что допустимость доказательств является вопросом, который

	<p>Антониус Амандус Прюижмбоом против Нидерландов Теги: право допросить свидетелей, показывающих против обвиняемого</p>		<p>связи с вооруженным ограблением почты в Оирсчоте, происшедшим 26 января, сопровождавшимся перестрелкой, в результате которой были ранены четверо полицейских. Арестованным были предъявлены обвинения в краже при отягчающих обстоятельствах и в нескольких покушениях на предумышленное и простое убийство.</p> <p>В судебных решениях, вынесенных 12 мая, 3 августа и 9 октября 1989 г., Окружной суд Хертогенбоса признал заявителей виновными и приговорил каждого из них к десяти годам тюремного заключения. Обвинения были основаны на полицейских докладах, содержащих показания офицеров полиции, свидетельствовавших под номерах, но в остальном остававшихся анонимными, а также показаниях свидетелей, как полицейских, так и обычных жителей. Заявители подали апелляцию в Апелляционный суд,</p>	<p>ции</p>	<p>регулируется главным образом национальным законодательством, и по общему правилу именно национальные суды призваны оценивать предъявленные им доказательства. Задача Суда, согласно Конвенции, заключается не в том, чтобы оценивать показания свидетелей, а в том, чтобы удостовериться, было ли судебное разбирательство в целом справедливым, включая и то, как были получены доказательства (см. среди других прецедентов вышеупомянутое решение по делу Доорсона, с. 470, п. 67). В своем решении по делу Доорсона (там же, с. 470, п. 69) Суд указал, что использование показаний анонимных свидетелей для обоснования обвинительного приговора ни при каких обстоятельствах несовместимо с Конвенцией. Однако если сохраняется анонимность свидетелей обвинения, защита сталкивается с такими трудностями, которых при рассмотрении уголовных дел обычно быть не должно. Соответственно, Суд признал, что в таких случаях статья 6 п. 1 и п. 3 (d) Конвенции требует, чтобы эти трудности защиты в достаточной мере уравновешивались судебной процедурой (там же, с. 471, п. 72). И наконец, следует напомнить, что обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях (там же, с. 472, п. 76). Суду не</p>
--	--	--	---	------------	---

			<p>который в отличие от окружного суда рассматривал четыре дела одновременно. Защита потребовала допроса полицейских в открытом суде. Апелляционный суд, однако, решил, что всех свидетелей наедине допросит следователь. Свидетели, дававшие показания под номерами - офицеры полиции, - утверждали, что если их имена будут раскрыты, то они больше не смогут выполнять свои обязанности надлежащим образом. Более того, все они пожелали остаться анонимными из страха перед репрессиями против себя и своих семей. Все они подтвердили свои свидетельские показания в окружном суде, рассматривавшем дело по первой инстанции. В четырех отдельных судебных решениях, вынесенных 4 февраля 1991 г., Апелляционный суд признал всех четырех заявителей виновными в покушении на убийство и в ограблении с</p>		<p>было удовлетворительным образом объяснено, почему потребовалось прибегать к таким крайним ограничениям права обвиняемых на то, чтобы показания против них давались в их присутствии, и почему не были использованы иные, не столь далеко идущие меры.</p> <p>В отсутствие какой-либо дополнительной информации Суд не может признать оперативные потребности полиции достаточным оправданием для ограничения прав обвиняемых. Следует отметить, что пояснительная записка к законопроекту, который стал Законом от 11 ноября 1993 г., упоминает в этой связи о возможности использования грима или маски, а также предотвращения визуального контакта. Более того, единственным доказательством, на которое полагался Апелляционный суд, подтверждающим опознание заявителей в качестве лиц, совершивших преступления, были показания анонимных офицеров полиции. Таким образом, обвинительный приговор заявителей "в решающей степени" основывался на этих анонимных заявлениях. При таких обстоятельствах Суд не находит справедливой примененную процедуру в целом.</p> <p>Вывод: Имело место нарушение статьи 6 п. 1 и п. 3 (d).</p>
--	--	--	--	--	---

			<p>применением насилия и приговорил каждого к 14 годам тюремного заключения. Заявители подали жалобу, основывающуюся на вопросах права, в Верховный Суд. Их жалобы были отклонены в четырех самостоятельных судебных решениях от 9 июня 1992 г. Обращаясь в Европейский Суд, Заявители жаловались, что приговор им был вынесен главным образом на основе свидетельских показаний офицеров полиции, чья личность оставалась анонимной и которые не были заслушаны публично в их присутствии. Тем самым была нарушена статья 6 п. 1 и 3 (d).</p>		
9	<p>Унтерпертингер против Австрии (Жалоба ECH-1986-S-004) Теги: допрос свидетелей, показывающих против обвиняемого</p>	<p>24 ноября 1986г.</p>	<p>10 марта 1980 года региональный суд Инсбрука установил вину и вынес обвинительный приговор г-ну Унтерпертингеру по фактам нанесения телесных повреждений своей приемной дочери 14 августа 1979 года и своей жене 9 сентября 1979 года. Суд приговорил его к шести месяцам тюремного</p>	<p>Ст. 6.1. Ст. 6.3.Конвенции</p>	<p>Начав исследование дела, Суд сослался на свои предыдущие решения, в которых было установлено, что гарантии ст. 6-3-d ЕКПЧ (право подсудимого на допрос показывающих против него свидетелей) являются составными частями общей концепции справедливого судебного разбирательства, содержащейся в Ст. 6-1 ЕКПЧ. Согласно этому, Суд решил рассматривать требования заявителя с точки зрения Ст. 6-1 ЕКПЧ, взятой в</p>

			<p>заклучения. 4 июня 1980 г. апелляционный суд Инсбрука оставил этот приговор в силе.</p> <p>Г-жа Унтерпертингер и ее дочь были допрошены в полиции. Несмотря на это, на слушаниях в ходе судебного заседания регионального суда, обе заявили, что отказываются от дачи показаний, и тем самым лишили возможности региональный суд, а затем апелляционный суд допросить их. С другой стороны, в соответствии с австрийской судебной практикой, их показания, данные в полиции, были оглашены на заседании суда (Ст. 152.1 Уголовно - процессуального кодекса Австрии). При апелляционном обжаловании заявитель потребовал, чтобы были обеспечены дополнительные доказательства и были заслушаны некоторые другие свидетели, в частности, бывшая жена и дочь.</p>	<p>совокупности с нормами, содержащимися в Ст. 6-3-d ЕКПЧ.</p> <p>Далее он констатировал, что статья 152-1-1 Уголовно-процессуального кодекса, в силу которого члены семьи заявителя были вправе отказаться давать показания, не являлись сами по себе несовместимыми со Ст. 6-1 и 6-3-d ЕКПЧ. Что касается оглашения в суде показаний, данных в полиции, то это не может нарушать вышеуказанные положения, но их использование в качестве доказательств не должно, тем не менее, нарушать права на защиту. Это было особенно существенно в данном деле, где обвиняемый не имел возможности ни на одной из стадий более раннего производства дела задать вопросы лицам, показания которых были зачитаны в зале.</p> <p>Обращаясь к обстоятельствам дела, Суд подчеркнул, что вынесение обвинительного приговора заявителю апелляционным судом опиралось, главным образом, на заявления его бывшей жены и приемной дочери, сделанные в полиции. Эти заявления рассматривались не только как информационные материалы, а как доказательства правдивости обвинений, сделанных женщинами в свое время. В соответствии</p>
--	--	--	---	---

			<p>Апелляционный суд принял решение допросить его двоюродную сестру, но оставил без удовлетворения остальные требования. Уголовное наказание на основе показаний, данных полиции близкими родственниками обвиняемого и оглашенных на суде после того, как они заявили о своем праве на отказ от дачи показаний, нарушает право обвиняемого на допрос свидетелей, показывающих против него, и, следовательно, право на справедливое судебное разбирательство. В соответствии с этим, суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 6.1. ЕКПЧ, взятой в совокупности со ст. 6.3.d ЕКПЧ.</p>		<p>с этим Суд признал, что именно апелляционному суду надлежало исследовать различные материалы, но заявитель, несмотря на это, был осужден на основании свидетельств, в отношении которых права на защиту были значительно ограничены.</p>
10	<p>Кононенко против России (Жалоба № 33780/04) Теги: право допросить свидетеля, показывающего против обвиняемого</p>	17 мая 2011г.	<p>14 сентября 2003 года заявитель был арестован по подозрению в совершении убийства и доставлен в дежурную часть. 15 сентября 2003 года в отношении заявителя было возбуждено</p>	<p>Ст. 6.1. Ст. 6.3.d. Конвенции</p>	<p>Все доказательства, обычно, должны быть представлены на открытом судебном заседании в присутствии обвиняемого с учетом проведения состязательного процесса. Существуют исключения для данного принципа, но они не должны нарушать права защиты. Как правило,</p>

			<p>уголовное дело на основании статьи 105 Уголовного кодекса (убийство). В тот же день некого Ш. допросили по вопросу причастности заявителя к преступлению. В частности, он заявил, что "... Юрий [заявитель] схватил Андрея [потерпевшего] за ногу, резко поднял и выбросил его в разбитое окно...»</p> <p>8 января 2004 года судебный пристав, ответственный за привод Ш. в суд, заявил, что невозможно обеспечить присутствие Ш. в суде, поскольку он не проживает по своему адресу в Барнауле и, по словам его сожительницы, уехал на постоянное жительство в Славгород.</p> <p>Заявитель ссылался на основании пункта 3(d) статьи 6 Конвенции на то, что судебное разбирательство в отношении него, не было справедливым. В частности, он жаловался на то, что ни на одном из этапов уголовного процесса ему не дали возможность допросить Ш., ключевого свидетеля</p>		<p>пункт 1 и пункт 3(d) статьи 6 предусматривают, что обвиняемому должна быть дана адекватная и разумная возможность оспорить показания свидетеля против него и допрашивать его, либо после сделанного заявления, либо на более поздних этапах (см. дело «Люди против Швейцарии» (Liidi v. Switzerland), 15 июня 1992 года, пункт 49, Series A, № 238). Как утверждал в ряде случаев Суд, в определенных случаях может оказаться необходимым сослаться на показания, полученные на предварительном этапе расследования. Если обвиняемому была предоставлена адекватная и разумная возможность оспорить показания, либо сразу после их представления, либо на более позднем этапе, их использование в качестве доказательств само по себе не противоречит положениям пункта 1 и пункта 3(d) статьи 6. Выводом из этого, однако, является то, что, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях человека, которого заявитель не мог или не смог допросить, либо на этапе расследования, либо на этапе рассмотрения дела в суде, права защиты ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, предусмотренными статьей 6 (см. дело «Лука против Италии» (Lucd v. Italy), № 33354/96, пункт 40, ECHR 2001-II; дело</p>
--	--	--	--	--	--

			обвинения.		<p>«Макеев против России» (Makeyev v. Russia), № 13769/04, пункт 35, 5 февраля 2009 года; и дело Самошенкова и Строкова (Samoshenkov and Strokov), приведенное выше, пункт 75).</p> <p>Суд также напоминает, что власти должны приложить «все необходимые усилия» для обеспечения явки свидетеля в суд для прямого допроса в суде первой инстанции. В отношении показаний свидетелей, которых позднее, оказалось, невозможно допросить в присутствии ответчика или его адвоката, Суд подчеркивает, что «пункт 1 статьи 6 в совокупности с пунктом 3 предусматривают, что Договаривающиеся государства должны принять меры, в частности, предоставить возможность допроса обвиняемым свидетелей обвинения. Такие меры представляют собой одну из составляющих тщательности, которую Договаривающиеся государства должны проявить, чтобы обеспечить эффективное использование прав, гарантированных статьей. С учетом того, что заявитель не имел возможности провести перекрестный допрос свидетеля, чьи показания имели решающее значение для вынесения обвинительного приговора, и тот факт, что государственные власти не приложили всех возможных разумных</p>
--	--	--	------------	--	---

					усилий для обеспечения явки данного свидетеля в суд, Европейский суд делает вывод, что права заявителя на защиту были ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, изложенными в пунктах 1 и 3(d) статьи 6 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение данных положений.
11	<p>Владимир Анатольевич Романов против России (№41461/02)</p> <p>Теги: допрос свидетеля, показывающего против обвиняемого</p>	24 июля 2008г.	<p>Заявитель родился в 1973 году и проживал до своего задержания в г. Иваново. 27 октября 2000 г. четверо лиц напали на И. около его квартиры и попытались ограбить его. И. отбился, и нападавшие скрылись. Через три дня заявитель был задержан по подозрению в попытке ограбления И. в сговоре с Б. и В. В протоколе задержания отмечено, что он задержан за нарушение общественного порядка.</p> <p>1) Заявитель утверждал, что он был сильно избит в изоляторе, что эффективное разбирательство его жалоб на жестокое обращение не проводилось, и что он не имел адекватной возможности допросить в судебном заседании двоих свидетелей</p>	<p>Ст.6.3 (d) Конвенции во взаимосвязи со Ст.6.1 Конвенции</p>	<p>1) Согласно прецедентной практике Европейского Суда данное право предполагает, что все доказательства обычно представляются в открытом судебном заседании, в присутствии обвиняемого, в условиях состязательности. Однако само по себе использование в качестве доказательства показаний, полученных на стадии предварительного расследования и судебного следствия, не является несовместимым с пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции при условии, что соблюдаются права защиты. Эти права требуют, чтобы подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дает против него свидетель, задавать ему вопросы, когда получены показания или на более поздней стадии разбирательства (см. Постановление Европейского Суда от 20 сентября 1993 г. по делу "Саиди против Франции" (Saidi v. France), Series A, N 261-C, p. 56, § 43; и</p>

			<p>обвинения.</p> <p>2) Заявитель утверждал, ссылаясь на пункт 1 и подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, что он был лишен права на справедливое судебное разбирательство, поскольку не имел достаточной возможности допросить в судах страны свидетелей, показывающих против него, а именно И., являющегося потерпевшим по делу о грабеже, и Т.</p>	<p>Постановление Европейского Суда по делу "А.М. против Италии" (А.М. v. Italy), жалоба N 37019/97, § 25, ECHR 1999-IX). Если свидетели не могут быть допрошены в связи с их отсутствием, власти должны приложить разумные усилия для обеспечения их явки (см. Постановление Европейского Суда от 28 августа 1992 г. по делу "Артнер против Австрии" (Artner v. Austria), Series A, N 242 А, р. 10, § 21, последняя часть; Постановление Европейского Суда от 19 декабря 1990 г. по делу "Дельта против Франции" (Delta v. France), Series A, N 191-А, р. 16, § 37; и Постановление Европейского Суда от 13 ноября 2003 г. по делу "Рашдад против Франции" (Rachdad v. France), жалоба N 71846/01, § 25).</p> <p>2) Статья 6 Конвенции не дает обвиняемому неограниченного права на обеспечение явки свидетелей в суд. Национальные суды вправе определять, является ли необходимым или желательным допрос свидетеля (см., в частности, Постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 г. по делу "Брикмон против Бельгии" (Bricmont v. Belgium), Series A, N 158, р. 31, § 89). Европейский Суд осуществляет лишь надзорную функцию. Наконец, осуждение не может быть основано исключительно или в решающей степени на показаниях свидетеля, которого обвиняемый не мог допросить или</p>
--	--	--	---	---

					<p>который не был допрошен на предварительном следствии или в судебном заседании (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делу "Артнер против Австрии", р. 10, § 22; Постановление Европейского Суда по делу "Дельта против Франции", р. 16, § 37; Постановление Европейского Суда от 19 февраля 1991 г. по делу "Исгро против Италии" (Isgro v. Italy), Series A, N 194-A, р. 13, § 35, последняя часть; Постановление Европейского Суда по делу "Солаков против бывшей Югославской Республики Македонии" (Solakov v. former Yugoslav Republic of Macedonia), жалоба N 47023/99, § 57, последняя часть, ECHR 2001-X; и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Рашдад против Франции", § 23, последняя часть).</p> <p>3) Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд напоминает, что, признавая заявителя виновным, суды страны опирались на показания троих свидетелей, признания обвиняемых и показания И., данные на предварительном следствии (см. § 20 настоящего Постановления).</p> <p>Действительно, заявитель признал, что находился на месте преступления с намерением избить И., и суды учли это признание, но согласно российскому законодательству признание вины может быть положено в основу обвинения лишь</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>при его подтверждении совокупностью имеющихся доказательств по делу (см. § 42 настоящего Постановления). Европейский Суд не убежден, что признание заявителя в намерении избить потерпевшего равнозначно признанию в попытке его ограбить (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Бонев против Болгарии", с соответствующими изменениями, § 43).</p> <p>4) Что касается троих свидетелей, они не дали никаких показаний относительно вменяемых деяний и сообщили только, что видели неких четверых мужчин, убегающих с места преступления. Кроме того, свидетели не могли опознать этих мужчин (см. § 18 настоящего Постановления). Что касается признаний, Европейский Суд принимает к сведению, что обвиняемые отказались от них в судебном заседании, ссылаясь на давление, оказанное на них следствием. Оставляя в стороне методику допроса и предполагаемое получение показаний обвиняемых в состоянии наркотического опьянения, Европейский Суд напоминает, что оценка показаний других обвиняемых требует более внимательного подхода, поскольку положение сообщников, дающих показания, отличается от положения обычных свидетелей. Они не дают показаний под присягой, то есть правдивость их сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний. В частности, в деле "М.Н. против Соединенного Королевства" (М.Н. v. United Kingdom) (жалоба N 28572/95, решение Комиссии по правам человека от 17 января 1997 г.) был разработан способ определения того, делает ли признание вины обвиняемыми в качестве доказательства в деле заявителя разбирательство несправедливым. Для соблюдения гарантий статьи 6 Конвенции при решении вопроса о допустимости признания вины обвиняемыми такое признание может быть принято только при установлении факта совершения преступления признающим свою вину лицом, но не заявителем, и судья обязан разъяснить коллегии присяжных, что признание вины как таковое не доказывает, что заявитель причастен к этому преступлению.</p> <p>5) С учетом изложенных выше принципов и принимая во внимание доказательную силу показаний свидетелей, признания факта заявителем и признания вины обвиняемыми, Европейский Суд находит, что показания И., данные 23 апреля и 8 мая 2001 г. на предварительном следствии и оглашенные районным судом, составляли единственное прямое и объективное доказательство, на котором были</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>основаны выводы судов о виновности.</p> <p>б) Европейский Суд также принимает к сведению, что И. не явился в суд, поскольку он покинул Россию и не мог вернуться ранее 3 декабря 2001 г. (см. § 16 настоящего Постановления). Районный суд огласил его показания в судебном заседании 29 ноября 2001 г., то есть всего за несколько дней до того, как явка И. в суд могла быть обеспечена. Хотя Европейский Суд учитывает обязанность национальных судов обеспечивать надлежащее рассмотрение дел и избегать неоправданных задержек в уголовном судопроизводстве, он полагает, что отложение разбирательства на пять дней в целях получения показаний И. в процессе, на котором заявитель обвинялся в совершении весьма серьезного преступления, грозившего длительным сроком лишения свободы, представляло собой обоснованное отступление от принципа неотложности разбирательства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Артнер против Австрии", р. 10, § 21; Решение Европейского Суда от 4 мая 2000 г. по делу "Бериша против Нидерландов" (Berisha v. Netherlands), жалоба N 42965/98; и Решение Европейского Суда от 17 ноября 2005 г. по делу "Хаас против Германии" (Haas v. Germany), жалоба N 73047/01).</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>Власти не сочли нужным откладывать разбирательство. В результате, И. не дал суду показаний в присутствии заявителя.</p> <p>7) Европейский Суд напоминает, что в качестве общего правила требования пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции считаются исполненными, если обвиняемый имел адекватную и надлежащую возможность оспорить показания свидетелей, данные против него, и задавать им вопросы на любой стадии разбирательства (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Исгро против Италии", Series A, N 194-A, p. 12, § 34; и "Лука против Италии" (Luca v. Italy), жалоба N 33354/96, § 40 - 43, ECHR 2001-II).</p> <p>Европейский Суд принял к сведению тот факт, что у заявителя была очная ставка с И. 2 ноября 2000 г. Однако он считает, что право на защиту не соблюдалось по следующим причинам. На этом допросе И. утверждал, что четыре человека в масках пытались ограбить его. Он не опознал заявителя среди нападавших, отметив только, что тот имел такой же рост, как и один из нападавших, и не указал иных подробностей, относящихся к преступлению или преступникам, которые могли бы свидетельствовать об участии заявителя в грабеже. Поэтому Европейскому Суду не кажется странным, что заявитель не задал</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>никаких вопросов и не оспаривал показаний И. (см. § 11 настоящего Постановления).</p> <p>Помимо этого, Европейский Суд напоминает, что суды страны признали заявителя виновным на основании показаний, данных 23 апреля и 8 мая 2001 г., когда И. изменил свои предыдущие показания, опознал заявителя в качестве одного из нападавших и описал его роль в грабеже (см. § 17 настоящего Постановления). Заявитель не присутствовал на допросах И., проводившихся следователем в эти дни, он также не имел возможности задать вопросы И. тогда или впоследствии. Кроме того, поскольку видеозапись допроса И. на следствии не велась, ни заявитель, ни судьи не имели возможности наблюдать его поведение на допросе и, таким образом, составить представление об их достоверности (см. противоположную ситуацию в Решении Европейского Суда по делу "Аккарди и другие против Италии" (Accardi and Others v. Italy), жалоба N 30598/02, ECHR 2005-...).</p> <p>Европейский Суд не сомневается в том, что суды страны предприняли тщательное исследование показаний И. И предоставили заявителю возможность оспаривать их в судебном заседании, но это едва ли может считаться надлежащей заменой возможности личного наблюдения устных показаний главного</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>свидетеля (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Бокос-Куэста против Нидерландов", § 71). При таких обстоятельствах Европейский Суд не может признать, что заявитель имел надлежащую и адекватную возможность оспорить показания И., которые имели решающее значение для признания его виновным, и, таким образом, он не использовал право на справедливое разбирательство дела. Соответственно, в этой части имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>
12	<p>Мельников против Российской Федерации (N 23610/03) Теги: допрос свидетеля, показывающего против обвиняемого</p>	14 января 2010 г.	<p>Заявитель утверждал, что очная ставка не могла рассматриваться как эффективная возможность для допроса С., поскольку защитник заявителя не был уведомлен о ней. Заявитель утверждал, что отказался подписать протокол. Кроме того, власти не приняли разумных мер для обеспечения явки С. в суд. Власти Российской Федерации не представили доказательств направления ему повесток или принятия иных мер. Как утверждает заявитель, С.</p>	Ст. 6.3 Конвенции	<p>Европейский суд напоминает, что все доказательства обычно представляются в открытом судебном заседании, в присутствии обвиняемого, в условиях состязательности. Существуют исключения из этого принципа, но они не должны нарушать права защиты. В качестве общего правила пункт 1 и подпункт "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции требуют, чтобы подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дает против него свидетель, и задавать ему вопросы, когда получены показания или на более поздней стадии разбирательства. Действительно, как неоднократно указывал Европейский суд, при определенных обстоятельствах</p>

			<p>оговорил его в обмен на освобождение из-под стражи. Кроме того, показания С. были недостоверными, поскольку до суда он несколько раз изменял свои показания, в частности, в отношении личности и числа участников краж. С учетом вышеизложенного обоснование судом первой инстанции своего вывода о виновности заявителя в двух эпизодах краж показаниями С. на предварительном следствии было незаконным и нарушало презумпцию невиновности. Также, заявитель жаловался согласно статье 6 Конвенции, что суд первой инстанции ошибочно принял в качестве доказательств уличающие показания А., данные на предварительном следствии предположительно под давлением.</p>		<p>использование показаний, полученных на стадии следствия, может являться необходимым. Если подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дают против него свидетели, использование их показаний в качестве доказательств не является несовместимым с пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Однако если обвинительный приговор основан исключительно или в решающей степени на показаниях, данных лицом, которое обвиняемый не имел возможности допросить или оно не было допрошено на той или иной стадии разбирательства, права защиты ограничены в степени, несовместимой с гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции. Европейский суд также напоминает, что, если показания могут в существенной степени служить основой для признания вины, независимо от того, даны ли они свидетелем в строгом смысле или сообвиняемым, они являются доказательством обвинения, к которому применяются гарантии, предусмотренные пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Если невозможность допроса свидетелей объясняется их неявкой или отсутствием по каким-либо причинам, власти должны принять разумные меры для обеспечения их</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>присутствия. Европейский суд также полагает, что, хотя явка свидетеля является предпосылкой возможности защиты для очной ставки с этим свидетелем, должна быть также адекватная возможность для его допроса. Прецедентная практика Европейского суда в соответствии с подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции требует, чтобы обвиняемый располагал адекватной возможностью допроса свидетеля, или того, чтобы он был допрошен на той или иной стадии разбирательства, и является предпочтительным, чтобы такой допрос имел место в ходе состязательного разбирательства перед независимым и беспристрастным судом. На основании изложенного суд единогласно постановил, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>
13	<p>Шаркунов и Мезенцев против Российской Федерации (N 75330/01)</p> <p>Теги: право допросить свидетеля, показывающего против обвиняемого</p>	10 июня 2010 г	<p>Заявители жаловались со ссылкой на статью 6 Конвенции, что уголовное разбирательство против них было несправедливым. Они ссылались на отсутствие защитников при их первоначальных допросах; использование судом первой инстанции признательных показаний второго заявителя, предположительно полученных под давлением на</p>	Ст. 6.3 Конвенции	<p>Европейский Суд напоминает, что использование в качестве доказательств показаний, полученных на стадии дознания и судебного следствия, само по себе не является несовместимым с пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, при условии, что права защиты при этом соблюдаются. В качестве общего правила они требуют, чтобы обвиняемый имел адекватную возможность допроса свидетеля, показывающего против него, или на то, чтобы свидетель был допрошен, при получении этих показаний или</p>

			<p>предварительном следствии и в отсутствие юридической помощи, в отношении обвинений в убийстве.</p> <p>Заявители также сослались на невозможность обеспечения явки и допроса свидетеля С. в отношении обвинений, связанных с поджогом.</p> <p>Заявители также утверждали, что власти не приняли разумных мер для обеспечения явки свидетеля С. в суд первой инстанции для допроса в качестве свидетеля.</p>		<p>впоследствии. Действительно, при определенных обстоятельствах использование показаний, полученных на стадии следствия, может являться необходимым. Если подсудимый имел адекватную и надлежащую возможность оспаривать показания, которые дают против него свидетели, использование их показаний в качестве доказательств не является несовместимым с пунктом 1 и подпунктом "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Если обвинительный приговор основан исключительно или в решающей степени на показаниях, данных лицом, которое обвиняемый не имел возможности допросить или оно не было допрошено на той или иной стадии разбирательства, права защиты ограничены в степени, не совместимой с гарантиями, предусмотренными статьей 6 Конвенции.</p> <p>На основании изложенного суд единогласно постановил, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении второго заявителя.</p>
14	<p>Михаил Евгеньевич Кононов против России (№41938/04)</p> <p>Теги: право на квалифицированную юридическую помощь</p>	27 января 2011г.	<p>1) Заявитель жаловался на то, что власти Российской Федерации не предоставили ему право принимать участие в рассмотрении апелляции и не обеспечили ему эффективное представительство адвоката в</p>	<p>Ст.6.1 Конвенции</p> <p>Ст.6.3(с) Конвенции</p>	<p>1) Европейский Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, а также подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении отсутствия заявителя на рассмотрении его апелляционной жалобы.</p> <p>2) Европейский Суд отмечает, что статья 6 Конвенции ни, по сути, ни по духу не</p>

			<p>рамках оказания юридической помощи до рассмотрения апелляционной жалобы. При этом он ссылался на пункт 1 и подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p> <p>2) Заявитель жаловался со ссылкой на пункты 1 и 2 статьи 6 Конвенции на то, что судебное разбирательство по его делу не было, беспристрастным и в его отношении была, нарушена презумпция невиновности.</p>		<p>препятствует отказу лица по собственной воле как прямо, так и косвенно от своих прав, связанных с гарантиями данного законодательного положения. Таким образом, отказ, если это является целесообразным в отношении Конвенции, должен быть выражен недвусмысленным образом и сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми с его значимостью, а также не должен противоречить каким-либо важным общественным интересам</p>
15	<p>Фирдавис Фавизович Тимергалиев против РФ (№40631/02) Теги: право на квалифицированную юридическую помощь</p>	14 октября 2008 года	<p>В ночь на 11 мая 2001 г. заявитель был задержан на месте преступления по подозрению в поджоге квартиры своей матери. Его мать погибла при пожаре, а другое лицо, М., получило серьезные повреждения. Заявитель был доставлен в отделение милиции поселка Динас Свердловской области. Как указывает заявитель, в отделении милиции один из милиционеров дважды пнул его в грудную клетку. 12 мая 2001 г. заявитель был осмотрен врачом, который зафиксировал синяк на его</p>	<p>п. 1 ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции</p>	<p>Европейский суд, прежде всего, отмечает, что предусмотренное статьей 6 Конвенции право обвиняемого на эффективное участие в рассмотрении его уголовного дела обычно включает не только право личного присутствия, но и право слышать и следить за разбирательством. Это право вытекает из самого понятия состязательной процедуры и может быть выведено из гарантий, содержащихся, в частности, в подпункте "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, - права "защищать себя лично" (см., в частности, Постановление Европейского суда от 6 декабря 1988 г. по делу "Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании" ({Barbera, Messegue} andJabardo v.Spain), Series A, N 146, pp. 33 - 34, § 78; Постановление</p>

			<p>голове. Заявитель утверждает, что он жаловался также на боль в груди, которая, однако, не была осмотрена. 21 мая 2001 г. заявитель был принят в следственный изолятор N 1 г. Екатеринбурга, где был осмотрен врачом. Врач зафиксировал два синяка на лбу заявителя и синяк на его груди. На вопрос врача о происхождении синяков заявитель ответил, что они были получены вне пределов следственного изолятора N 1. Он подписал заявление о том, что не имеет жалоб, и необходимость расследования отсутствует. В неустановленную дату дело было передано на рассмотрение в Свердловский областной суд, где заявителю был назначен адвокат Р., Заявитель утверждал, что 21 ноября 2001 г. он просил суд обеспечить его слуховым аппаратом и организовать свидание с адвокатом. Он не получил ответа. Власти Российской Федерации утверждали, что таких</p>	<p>Европейского суда от 23 февраля 1994 г. по делу "Станфорд против Соединенного Королевства" (Stanford v. United Kingdom), Series A, N 282-A, pp. 10 - 11, § 26; и Постановление Европейского суда по делу "S.C. против Соединенного Королевства" (S.C. v. United Kingdom), жалоба N 60958/00, § 28, ECHR 2004-IV). Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский суд отмечает, что заявитель плохо слышит. Он представил медицинскую справку, свидетельствующую о том, что он страдает от хронического двустороннего ухудшения слуха (Справка от 6 июня 2003 г., выданная врачом санчасти учреждения N И-299, указывает, что заявитель страдает от хронического двустороннего сенсориневрального нарушения слуха). Таким образом, Европейский суд находит, что способность заявителя слышать и следить за разбирательством была пониженной. Власти Российской Федерации не оспаривали этого факта. Сторонами оспаривается вопрос о том, довел ли заявитель свои проблемы со слухом до сведения судьи, рассматривавшего дело. Европейский суд отмечает, что заявитель представил копию своей кассационной жалобы, в которой указывал, что имеет пониженный слух, и просил обеспечить его слуховым аппаратом. Таким образом, Европейский суд усматривает, что суд</p>
--	--	--	---	---

			<p>ходатайств к ним не поступало. 5 декабря 2001г. Свердловский областной суд на первом же заседании признал заявителя виновным в убийстве при отягчающих обстоятельствах и умышленном уничтожении чужого имущества и приговорил его с учетом прежней судимости к 18 годам лишения свободы в колонии строгого режима. 19 декабря 2001г. заявитель подал жалобу, оспорив показания свидетелей и точность их передачи в протоколе судебного заседания. Он ссылаясь на то, что действовал в состоянии аффекта, и просил суд переквалифицировать вменяемое ему деяние. Он также просил о предоставлении возможности личного участия в заседании суда кассационной инстанции. 14 января 2002 г. он подал дополнение N 1 к своей кассационной жалобе, затрагивавшее толкование фактов. 26 февраля 2002 г.</p>		<p>кассационной инстанции был прямо уведомлен о проблемах заявителя со слухом. Следует также отметить, что суду кассационной инстанции в интересах справедливости разбирательства было необходимо принять дополнительные меры до рассмотрения дела, чтобы убедиться, что состояние заявителя не будет препятствовать его эффективному участию в кассационном слушании (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Кускани против Соединенного Королевства", § 38; и Постановление Европейского суда по делу "Водель против Франции" (Vaudelle v. France), жалоба N 35683/97, § 59, ECHR 2001-I). Однако суд кассационной инстанции не рассмотрел вопрос о принятии мер, обеспечивающих возможность понимания разбирательства заявителем. Он приступил к рассмотрению жалобы, не запросив медицинское заключение по вопросу о том, позволяет ли пониженный слух заявителя слышать разбирательство, и не обсудив возможность принятия мер для обеспечения его слуховым аппаратом. Европейский суд также придает значение тому факту, что в суде кассационной инстанции заявитель не был представлен адвокатом. Действительно, суд кассационной инстанции не мог нести ответственность за бездействие адвокатов</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>Верховный суд Российской Федерации вынес определение о личном участии заявителя в заседании. 5 апреля 2002 г. заявитель просил Верховный суд назначить ему адвоката. 22 апреля 2002 г. заявитель подал дополнение N 2 к своей кассационной жалобе, в которой указывал на процессуальные нарушения, допущенные в судебном разбирательстве, включая неэффективное представление его интересов адвокатами Л. и Р., которые не поддерживали его ходатайств и заявлений. Он также указывал, что суд первой инстанции не обеспечил его слуховым аппаратом, и адвокат Р. не поддержал его соответствующего ходатайства. 9 апреля 2002 г. заявитель подал дополнение N 3 к его кассационной жалобе, в которой он, в частности, просил обеспечить представительство его интересов в суде кассационной инстанции, ссылаясь на то, что он не</p>		<p>заявителя, которые были надлежащим образом, уведомлены о дате и месте рассмотрения кассационной жалобы. Однако основным гарантом справедливости разбирательства является судья, который, столкнувшись с неявкой адвокатов, был обязан в соответствии с национальным законодательством назначить адвоката обвиняемому, не способному защищать себя в связи с физическим недостатком. Европейский суд напоминает, что в соответствии с подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции обвиняемый имеет право на назначение ему защитника бесплатно, "когда того требуют интересы правосудия" (см. Постановление Европейского суда по делу "Водель против Франции", § 59; и Постановление Европейского суда от 10 августа 2006 г. по делу "Падалов против Болгарии" (Padalov v. Bulgaria), жалоба N 54784/00, § 54 и 55). С учетом того, что недостаток слуха не позволял ему эффективно участвовать в разбирательстве, интересы правосудия требовали, чтобы для обеспечения справедливого разбирательства заявитель мог воспользоваться преимуществами юридической помощи при рассмотрении дела судом кассационной инстанции. С учетом вышеизложенных соображений Европейский суд заключает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции во</p>
--	--	--	--	--	--

			<p>имеет юридической подготовки и является "наполовину глухим". 27 мая 2002 г. Верховный суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу и оставил приговор от 5 декабря 2001 г. без изменения. Заявитель присутствовал, но не был представлен адвокатом. В кассационном определении не затрагивался вопрос обеспечения заявителя слуховым аппаратом. 29 мая 2002 г. заявитель подал жалобу в Президиум Верховного суда Российской Федерации в частности, на отказ суда кассационной инстанции обеспечить правовое представительство его интересов. 9 августа 2002 г. судья Галиулин ответил, что не усматриваются основания для возбуждения надзорного производства в отношении обжалуемых актов по делу. Со ссылкой на статью 6 Конвенции заявитель жаловался, что не был обеспечен слуховым</p>		<p>взаимосвязи с подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>
--	--	--	--	--	--

			аппаратом, что назначенные ему адвокаты Л. и Р. действовали неэффективно, и что ему не была оказана правовая помощь при рассмотрении дела судом кассационной инстанции.		
16	<p>Станислав Федорович Ромохов против России (№ 4532/04)</p> <p>Теги: право на квалифицированную юридическую помощь</p>	16 декабря 2010г	<p>Заявитель родился в 1951 году и проживает в г. Калининграде Калининградской области. 15 августа 2002 г. в г. Москве в ходе секретной операции правоохранительных органов заявитель и двое других лиц были арестованы по подозрению в распространении наркотиков. По утверждению заявителя сотрудники правоохранительных органов предположительно обращались с ним жестоко, подбросили ему в карман пакетик с наркотиками, отобрали деньги и документы в машину. 17 августа 2002 г. Останкинский районный суд г. Москвы санкционировал заключение заявителя под стражу. 19 августа 2002 г. заявитель обжаловал решение</p>	Ст.6.1 Конвенции	<p>1) Европейский Суд установил, что 30 мая 2007 г. решение, вынесенное в пользу заявителя, стало окончательным и подлежало исполнению. Сторонами не оспаривается тот факт, что решение было исполнено 29 мая 2008 г., спустя год после того, как оно вступило в законную силу.</p> <p>2) Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что стороны предоставили мало информации и еще меньше документальных доказательств, касающихся событий, случившихся после того, как решение, вынесенное в пользу заявителя, стало окончательным. Тем не менее, Европейский Суд обращает внимание, и это не оспаривается сторонами, на тот факт, что Министерство финансов Российской Федерации было проинформировано о необходимости незамедлительного исполнения решения после того, как оно стало окончательным и вступило в законную силу. Не оспаривая этого, власти Российской Федерации утверждали, что решение было исполнено с опозданием, поскольку заявитель не предоставил его заверенную</p>

			<p>о заключении под стражу, но жалоба не была рассмотрена. В неустановленный день органы, производящие расследование, предположительно изъяли у заявителя машину. Заявитель жаловался на то, что судья разрешил посетить его адвокату во время нахождения под стражей лишь один раз, что нарушало его право на защиту. Он ссылался на пункт 1 и подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>	<p>копию и информацию о своих банковских реквизитах Заявитель утверждал, что задержка была вызвана тем, что суды допустили ошибку при написании его фамилии в самом решении и исполнительном листе.</p> <p>3) Хотя не представляется неразумным со стороны властей требовать от заявителя предоставления дополнительных документов, как-то банковские реквизиты, чтобы начать и ускорить процесс исполнения решения (см. Постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 г. по делу "Акашев против Российской Федерации" (Akashev v. Russia), жалоба N 30616/05, § 22), Европейский Суд не может не отметить, что власти Российской Федерации не представили в настоящем деле никаких документов, например, копии переписки между Министерством финансов и заявителем, в поддержку своих доводов о том, что последний был предупрежден, но не представил необходимой информации. Единственным представленным документом было платежное поручение, подтверждающее, что назначенные суммы были перечислены на счет заявителя 29 мая 2008 г. (см. § 56 настоящего Постановления). Следовательно, Европейский Суд не может принять довод о том, что исполнение решения суда задерживалось по причине</p>
--	--	--	---	--

					<p>того, что заявитель не предоставил необходимой информации. В то же время из решения суда от 26 марта 2007 г., и это было подтверждено судом кассационной инстанции, следует, что суды обеих инстанций - первой и кассационной - допустили ошибку при написании фамилии заявителя.</p> <p>4) Европейский Суд напоминает, что требование о сотрудничестве со стороны кредитора не должно выходить за рамки строго необходимого. И в любом случае не должно освобождать власти государства-ответчика от их обязанности, установленной Конвенцией, своевременно предпринимать активные действия, и если необходимо, по собственной инициативе, основываясь на информации, имеющейся в их распоряжении, в целях исполнения решения, вынесенного против государства (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Акашев против Российской Федерации", § 22). Власти государства-ответчика в настоящем деле были осведомлены о требованиях заявителя, и как только решение, вынесенное в его пользу, вступило в законную силу, обязаны были его исполнить, (см. Постановление Европейского Суда от 29 сентября 2005 г. по делу "Рейнбах против Российской Федерации" (Reynbakh v.</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>Russia), жалоба N 23405/03, § 24).</p> <p>5) Европейский Суд часто устанавливал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 Конвенции в делах, касающихся вопросов, подобных тем, что рассматриваются в настоящем деле (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Акашев против Российской Федерации", § 21 и далее, Постановление Европейского Суда от 13 января 2005 г. по делу "Гиззатова против Российской Федерации" (Gizatova v. Russia), жалоба N 5124/03, § 19 и далее, Постановление Европейского Суда от 24 февраля 2005 г. по делу "Петрушко против Российской Федерации" (Petrushko v. Russia), жалоба N 36494/02, § 23 и далее <*>, а также Постановление Европейского Суда по делу "Бурдов и другие против Российской Федерации" (Burdov v. Russia), жалоба N 59498/00, § 34 и далее, ECHR 2002-III).</p> <p>6) Изучив представленные документы, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не выдвинули ни одного доказательства или довода, способного убедить его сделать иной вывод в настоящем деле. Учитывая сложившуюся практику по данному вопросу, Европейский Суд признает, что неисполнение в течение 12 месяцев судебного решения, вынесенного в пользу заявителя, которое вступило в</p>
--	--	--	--	--	--

					законную силу, российские компетентные органы препятствовали получению им сумм, которые он разумно ожидал получить. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.
17	Сахновский Сергей Вениаминович против России (Жалоба № 21272/03) Теги: право на квалифицированную юридическую помощь	2 ноября 2010 г.	30 апреля 2001 года заявитель был задержан по подозрению в убийстве своих отца и дяди. Заявитель в письменном виде ходатайствовал о предоставлении бесплатного адвоката. В тот же день были проведены экспертиза отпечатков пальцев и судебно-медицинская экспертиза, и 3 мая 2001 года заявитель был взят под стражу. 4 мая 2001 года адвокат П. была назначена для оказания помощи заявителю, и 10 мая 2001 года ему было предъявлено обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах. 31 октября 2002 года Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу заявителя. Заявитель участвовал в слушаниях	Ст. 6.1. Ст. 6.3.(с) Конвенции	Суд отмечает в первую очередь, что в настоящем деле он установил нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в совокупности с ее статьей 6 § 3 (с). Поскольку требование заявителя связано с установлением нарушения, Суд вновь заявляет, что в том случае, когда заявитель был осужден, несмотря на возможное нарушение его прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, он должен быть, насколько возможно, поставлен в ситуацию, в которой он бы был, если бы требования этой статьи не игнорировались, и что наиболее подходящим способом исправления в принципе было бы судебное рассмотрение дела de novo* или возобновление производства по делу, если этого потребуют (см. Öcalan против Турции [БП], № 46221/99, § 210 in fine, ЕСПЧ 2005-IV и Попов против России, № 26853/04, § 264, 13 июля 2006 года). Суд отмечает в этой связи, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса России предусматривает возможность возобновления производства по

			<p>посредством видеосвязи. У него не было защитника при этих слушаниях. Суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя, не установив доказательств того, что показания З. и Р. были недостоверными. Что касается предполагаемого нарушения права на защиту, то суд нашел эти утверждения необоснованными. Заявитель утверждал, в частности, что разбирательство его уголовного дела проходило с нарушением статьи 6 §§ 1 и 3 (с) Конвенции, жалуюсь на то, что при кассационном рассмотрении ему не был предоставлен бесплатный защитник и, более того, он не мог эффективно защищать себя, поскольку общался с судом кассационной инстанции посредством видеосвязи.</p>		<p>уголовному делу, если Суд установит нарушение Конвенции. Статья 412 Кодекса (“Внесение повторных надзорных жалоб или представлений”) предусматривает следующее: “1. Внесение повторных надзорных жалоб или представлений в суд, ранее оставивший их без удовлетворения, не допускается. 2. Надзорные жалоба или представление на приговор, определение или постановление суда, вынесенные после отмены предыдущих решений в кассационном порядке или в порядке надзора, могут быть внесены в порядке, установленном настоящей главой, независимо от мотивов, по которым были отменены первоначальные приговор, определение или постановление суда.” Что касается требований заявителя в отношении морального вреда, то Большая палата полностью поддерживает решение Палаты по статье 41 Конвенции: она, таким образом, приходит к решению, что заявителю нанесен моральный вред, который не будет должным образом компенсирован только установлением нарушения.</p>
18	<p>Павленко Александр Иванович против России (Жалоба № 42371/02) Теги: право на квалифицированную</p>	1 апреля 2010 г.	<p>Заявитель родился в 1971 году и отбывает наказание в виде лишения свободы в Иркутской области. В ноябре 1999 г., июле и сентябре 2000 г. были</p>	<p>Ст. 6.1 Ст. 6.3. (с) Конвенции</p>	<p>Пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы, как правило, доступ к услугам адвоката обеспечивался с первого допроса подозреваемого в полиции, если при особых обстоятельствах конкретного дела</p>

	<p>юридическую помощь</p>		<p>возбуждены уголовные дела в связи с обнаружением расчлененных тел женщин (потерпевших К., Ок. и А., Ос.). Позднее, 3 февраля 2001г., Ф. обвинила заявителя в изнасиловании и незаконном лишении свободы. Следователь распорядился о его заключении под стражу и предложил администрации изолятора обеспечить содержание заявителя отдельно от других заключенных. Как утверждает заявитель, в ту же дату ему было отказано в контактах с его семьей для привлечения адвоката. Дело заявителя было поручено четверем следователям с учетом "сложности дела и большого объема предстоящей работы". В тот же день следователь допросил С. в связи с обвинениями против заявителя. Как утверждал заявитель, после своего задержания он хотел привлечь К., адвоката местной коллегии. По-видимому, следователь решил, что К. не</p>		<p>не имеется веских причин для ограничения этого права. Даже если веские причины в виде исключения оправдывают отказ в доступе к адвокату, такое ограничение - чем бы оно ни оправдывалось - не должно ненадлежащим образом умалять права обвиняемого. Европейский Суд напоминает, что лицо, обвиняемое в преступлении, не желающее защищать себя лично, должно иметь возможность прибегнуть к юридической помощи по своему выбору. Что касается права не свидетельствовать против себя или права хранить молчание, Европейский Суд напоминает, что эти общепризнанные международные стандарты составляют основу справедливой процедуры. Их цель заключается в обеспечении обвиняемому защиты от ненадлежащего принуждения со стороны властей и, таким образом, в исключении судебных ошибок и утверждении целей статьи 6 Конвенции. Европейский Суд подчеркивает важность стадии следствия для подготовки уголовного разбирательства, поскольку доказательства, добытые на этой стадии, определяют рамки, в которых обвинение в совершении преступления будет рассматриваться в судебном разбирательстве (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по</p>
--	----------------------------------	--	---	--	---

			<p>может представлять интересы заявителя с учетом потенциального конфликта интересов, вытекающего из того факта, что к тому времени К. уже представлял интересы П.</p> <p>Однако, по словам заявителя, П. привлек К. в качестве защитника не ранее 19 февраля 2001 г.</p> <p>6 февраля 2001 г. следователь А. предъявил обвинение заявителю в отношении потерпевшей Ф. Заявитель был уведомлен о своем праве отказа от дачи показаний и праве на юридическую помощь и признал себя виновным "частично". Он отказался от услуг дежурного адвоката по назначению и просил отложить дело до следующего дня, когда в деле смог бы принять участие (неуказанный) защитник, привлеченный его родителями. Как утверждает заявитель, он ежедневно допрашивался поочередно до 12 часов в день следователями и сотрудниками милиции в</p>		<p>делу "Салдуз против Турции", § 54). В то же время обвиняемый часто оказывается в особенно уязвимом положении на этой стадии разбирательства, поскольку уголовно-процессуальное законодательство имеет тенденцию к всему большему усложнению, особенно в части сбора и использования доказательств. В большинстве случаев эта особая уязвимость может быть надлежащим образом компенсирована только помощью адвоката, задача которого, в частности, заключается в содействии обеспечению права обвиняемого не свидетельствовать против себя. Это право в действительности предполагает, что сторона преследования в уголовном деле должна обосновать свою позицию против обвиняемого, не прибегая к методам давления или подавления вопреки воле обвиняемого. Помощь адвоката на ранней стадии является частью процессуальных гарантий, которым Европейский Суд придает особое значение при рассмотрении вопроса о том, умалялась ли в данной процедуре самая сущность привилегии не свидетельствовать против себя. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктом "с" пункта 3 той же статьи.</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>изоляторе временного содержания до 2 марта 2001 г.</p> <p>В журнале посетителей указывалась только фамилия руководящего сотрудника. Заявитель сообщил, что его избивали сотрудники, использовавшие технику, не оставляющую следов. С целью получения признания сотрудники также высказывали угрозы против родственников заявителя, например, что они разрешат публикацию статьи в местной газете с указанием имен брата заявителя и подруги; что они проведут обыски в их квартирах; что они инсценируют его самоубийство с помощью сокамерников. В неустановленные даты заявитель предположительно был избит своими сокамерниками, которые получили указание вынудить его дать признательные показания. Заявитель впоследствии обвинил сотрудников в жестоком обращении</p>		
--	--	--	---	--	--

19	<p>Сабиров Радмир Ринатович против России (Жалоба № 13465/04) Теги: право на квалифицированную юридическую помощь, право на участие в разбирательстве дела судом надзорной инстанции</p>	11 февраля 2010 г.	<p>Заявитель родился в 1982 году и проживает в с. Шаран, Республика Башкортостан. В неустановленную дату заявителю было предъявлено обвинение в хулиганстве. 25 апреля 2003 г. с него была взята подписка о невыезде. 8 июля 2003 г. мировой судья Шаранского района Республики Башкортостан признал заявителя виновным, согласно предъявленным обвинениям, и приговорил его к одному году и девяти месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком в два года. Он оставил заявителя под подпиской о невыезде до вступления в силу приговора. Заявитель и прокурор обжаловали приговор. 19 августа 2003 г. Шаранский районный суд Республики Башкортостан оставил приговор, вынесенный заявителю, без изменения, за исключением условного осуждения. В тот же день заявитель был взят под стражу. На основании кассационной жалобы,</p>	<p>Ст. 6.1 Ст. 6.3.(с) Конвенции</p>	<p>Европейский Суд напоминает, что, хотя подпункт "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции предоставляет каждому, кому было предъявлено обвинение в преступлении, право "защищать себя... через посредство выбранного им самим защитника...", он не раскрывает средства осуществления этого права. Таким образом, он оставляет за Договаривающимися Сторонами выбор средств обеспечения его соблюдения их судебными системами, и в задачу Европейского Суда входит только удостовериться, что способ, который они выбрали, соответствует требованию справедливости судебного разбирательства. Европейский Суд ранее пришел к выводу, что назначение защитника само по себе необязательно обеспечивает соблюдение требований подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции. Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а практические и эффективные. Следовательно, назначение адвоката само по себе не обеспечивает эффективности помощи, поскольку адвокат по назначению может сталкиваться с препятствиями при осуществлении своих обязанностей или пренебрегать последними. Если власти уведомлены о ситуации, они должны</p>
----	---	--------------------	--	--	---

			<p>поданной заявителем, 9 октября 2003 г. Верховный Суд Республики Башкортостан отменил приговор районного суда от 19 августа 2003 г. и направил дело на новое разбирательство в районный суд. Верховный суд отметил, что районный суд нарушил порядок, касающийся выступления сторон с репликами, и не квалифицировал действия заявителя в полном соответствии с применимым материальным правом. Заявитель оставался под стражей. Он предположительно жаловался начальнику следственного изолятора на то, что его продолжающееся содержание под стражей не было основано на судебном решении, и требовал освобождения. Начальник сообщил в ответ, что некий "судья К." велел ему не освобождать заявителя до дополнительного распоряжения. Заявитель также жаловался в Верховный Суд Республики</p>	<p>заменить адвоката или обязать его или ее исполнять эти обязанности Следствием независимости юридической профессии от государства является то, что осуществление защиты представляет собой вопрос взаимоотношений обвиняемого и защитника, назначен ли он в порядке освобождения от оплаты юридической помощи или финансируется по договору. Соответствующие национальные органы согласно подпункту "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции, обязаны вмешаться только в том случае, если ошибка назначенного адвоката очевидна, или на нее обращают его внимание иным образом, возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что 17 февраля 2004 г. Верховный Суд Республики Башкортостан провел заседание в кассационной инстанции в отсутствие заявителя. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что заявитель не оспаривал утверждение властей Российской Федерации о том, что он, будучи извещенным о заседании суда кассационной инстанции, не просил Верховный суд обеспечить его участие в заседании. Однако, по мнению Европейского Суда, отказ заявителя от права лично участвовать в заседании не освобождал судебные органы от</p>
--	--	--	--	--

			<p>Башкортостан, но не получил ответа. Заявитель жаловался, что его содержание под стражей с 9 октября по 5 декабря 2003 г. было незаконным. Заявитель жаловался, что его адвокат по назначению не явился в заседание суда кассационной инстанции. Он ссылался на статью 6 Конвенции.</p>	<p>обязанности принять меры, необходимые для обеспечения эффективности его защиты.</p> <p>Европейский Суд далее отмечает, что защитник по назначению Г. не явился в заседание Верховного суда 17 февраля 2004 г. Он не просил суд отложить разбирательство и не сообщил ему причин своей неявки. По мнению Европейского Суда, защитник Г. не исполнял надлежащим образом своих обязанностей по защите заявителя, и это было очевидно для Верховного суда. Соответственно, при таких обстоятельствах суд был обязан вмешаться, особенно с учетом того, что прокурор участвовал в заседании и просил изменить квалификацию действий заявителя.</p> <p>Наконец, Европейский Суд отмечает, что, хотя власти Российской Федерации утверждали, что заявитель должен был просить суд об обеспечении участия своего защитника в заседании и в отсутствие такого ходатайства кассационный суд не нес ответственность за оплошность адвоката по назначению Г., они не ссылались на какое-либо положение российского уголовно-процессуального законодательства в подтверждение своего довода.</p> <p>Соответственно, Европейский Суд отклоняет довод властей Российской</p>
--	--	--	---	--

					<p>Федерации о том, что Верховный суд не был обязан предпринимать какие-либо действия в связи с неявкой защитника Г.</p> <p>Принимая во внимание вышесказанное, Европейский Суд приходит к выводу, что Верховный Суд Республики Башкортостан не обеспечил эффективную защиту заявителя адвокатом по назначению. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>
20	<p>Крылов против России (№ 36697/03) Теги: право на квалифицированную юридическую помощь</p>	14 марта 2013 г.	<p>Заявитель, находящийся под стражей в Ивановской области, жаловался на отказ в предоставлении ему защитника при рассмотрении его уголовного дела в суде кассационной инстанции.</p>	<p>пункт 1 статьи 6 в сочетании с положениями подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции</p>	<p>Заявитель предстал перед судом по обвинению в нескольких эпизодах убийства при отягчающих обстоятельствах, разбой, кража, с использованием поддельных документов и недонесение о преступлении, и следовательно, рисковал лишением свободы на срок превышающий пятнадцати лет. Статья 51 Уголовно-процессуального кодекса, согласно толкованию Конституционного Суда России , ввел обязательное юридическое представительство обвиняемых, которым предъявлены уголовные обвинения этой тяжести. Было возложено назначить адвоката для заявителя, чтобы обеспечить эффективное осуществление его прав. Не была сделана попытка назначить адвоката или отложить слушание дела по апелляции в целях обеспечения того, чтобы адвокат присутствовал (см. аналогичные рассуждения , Шулепов против России, №</p>

					<p>15435 /03 , § § 37 и 38 , 26 июнь 2008 г.).</p> <p>В вопросе "интересы правосудия ", требуется чтобы заявителю был предоставлен защитник в связи с его апелляцией, суд уже рассмотрел несколько аналогичных дел против России , в которой заявители не были представлены во время апелляционного производства по уголовному делу .</p> <p>Принимая во внимание три фактора - (а)широкие полномочия апелляционных судов в России , (б)серьезность обвинений против заявителей и (в) тяжесть того, что они столкнулись - Суд посчитал, что в интересах юстиции, чтобы получить справедливое судебное разбирательство, заявители должны иметь юридическое представительство (защитников) при рассмотрении жалобы. Таким образом, Суд установил нарушение статьи 6 § 1 в сочетании со статьей 6 § 3 (с) Конвенции (там же, § § 34 - 39 , а также см. также Потапов против России, № 14934 /03 , § § 21 - 26 , 16 июля 2009 года; Shilbergs против России, № 20075 /03 , § § 120 - 124 , 17 декабря 2009 года; и Самошенков и Строков против России , пп 21731 / 03 и 1886 /04 , § § 66 - 71 , 22 июля 2010 года) .</p>
21	<p>Нечто Андрей Владимирович против России (№24893/05)</p> <p>Теги: право на квалифицированную юридическую помощь</p>	21 января 2012 г.	<p>Нечто Андрей Владимирович был задержан 3 октября 2002 г. В г. Чита ввиду подозрения на совершения кражи и вовлечению</p>	Ст. 6 п.1 Конвенции	<p>1)П. 1 ст.6 Конвенции требует, как правило, что помощь адвоката быть предоставлена с момента первого допроса подозреваемого в отделении милиции, за исключением случаев, когда в свете</p>

			<p>несовершеннолетнего в совершение преступления. При вынесении решения о признании гражданина Нечто А.В. виновным, суд указывал, что руководствовался следующими обстоятельствами: Заявитель был арестован сотрудниками полиции 3 октября 2000г., в составе группы лиц, передвигающихся на двух автомобилях, по подозрению в причастности к недавно совершенным грабежам. Заявитель сделал в протоколе ареста отметку, что « не согласен со своим арестом» и « не совершал преступления». В протоколе также имеется запись о том, что заявитель был проинформирован о своих правах, включая право хранить молчание и на помощь адвоката, которая была им подписана. В этой записи уточнялось, что заявитель имеет право на встречу с адвокатом лишь в момент, предусмотренных п. 2 и 3 ч.2. ст 49 УПК РФ). В тот</p>		<p>обстоятельств конкретного дела будет доказано, что имелись достаточные основания для ограничения этого права(см. Постановление Большой Палаты от 27 ноября 2008г. По делу «Салдуз против Турции»), жалоба №36972/02. Даже если достаточные основания оправдывают лишение права на помощь адвоката, такое ограничение-независимо от оснований-не должно влиять на права обвиняемого, установленные ст. 6 Конвенции</p> <p>2)Европейский Суд далее подчеркивает значимость стадии расследования для производства по уголовному делу в целом, поскольку собранные во время этой стадии доказательства определяют рамки, в пределах которых предъявляемые обвинения будут рассматриваться судом(см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции»). В то же время на этой стадии производства по делу обвиняемый часто оказывается в особо уязвимом положении. В большинстве случаев эта уязвимость может быть должным образом компенсироваться помощью адвоката.</p> <p>В заключение Европейский Суд напоминает, что ограничение права, гарантированного Конвенцией, не должно выходить за пределы необходимой охраны общественных интересов.</p>
--	--	--	---	--	--

			<p>день заявитель отказался давать показания. Как утверждал заявитель, он просил предоставить ему адвоката, но ему было отказано.</p> <p>Позже, при участии заявителя в очной ставке с потерпевшим, ему была предоставлена возможность задавать вопросы потерпевшим, но он ничего не спросил. В протоколе очной ставки указано, что заявитель согласился на участвовать в ней без адвоката, и что он был информирован о своем праве хранить молчание. Заявителю был предоставлен адвокат после того, как ему было предъявлено формальное обвинение 5 октября 2002г. В совершении предъявленных преступлений. С этого момента он постоянно отказывался давать показания следователю. Впоследствии в ходе разбирательства по делу использовал его при вынесении приговора заявителю.</p>		<p>3) Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что стороны вступили в противоречие относительно того, просил ли заявитель предоставить ему адвоката сразу после ареста или же был лишен этого права и права хранить молчание, и согласился давать показания в отсутствие своего адвоката 4 октября 2002 г. В этой связи, Европейский Суд принимает во внимание тот неоспоримый факт, что заявитель отказывался давать показания после своего ареста 3 октября 2002г., и сделал ряд серьезных заявлений об оказываемом на него давлении и насилии со стороны сотрудников полиции с тем, чтобы заставить его признаться в совершении преступления. Европейский Суд указывает, что, помимо утверждений об оказываемом давлении, заявитель также требовал, чтобы из списка доказательств был исключен протокол очной ставки, поскольку в тот момент ему не была предоставлена помощь адвоката.</p> <p>4) Европейский Суд не может придавать значение подписи заявителя под записью об информировании о его правах от 3 октября 2002г. И согласию участвовать в очной ставке при отсутствии адвоката. Комментарий заявителя является слишком неопределенным и неубедительным, особенно с учетом его отказа давать показания 3 октября, в то время, как в записи</p>
--	--	--	--	--	--

			<p>Заявитель жаловался на то, что производство по его уголовному делу было несправедливым. В частности, он утверждал, что ему не была предоставлена помощь адвоката с момента ареста</p>		<p>есть ссылка на ч.2. ст.49 УПК РФ без объяснения ее смысла, что затруднило понимание заявителем того, отказано ли ему совсем в предоставлении адвоката в данный момент. Что касается согласия от 4 октября 2002г., оно совсем не подтверждает, что заявитель был проинформирован о своем праве на помощь адвоката.</p> <p>5) Принимая во внимание все вышеизложенное, утверждения сторон и документы, имеющиеся в его распоряжении, Европейский Суд приходит к выводу, что нет никаких указаний на то, что заявитель был обоснованно лишен права на помощь адвоката 4 октября 2002г.</p> <p>Европейский суд уже рассматривал обстоятельства, при которых были получены эти доказательства, и считает, что они вызывают сомнения в их достоверности. В Целом, даже при том, что заявитель имел возможность оспаривать доказательства со стороны обвинения в суде первой, а затем и кассационной инстанции(п. 43 настоящего Постановления), отсутствие адвоката во время его нахождения под стражей в отделении полиции сказалось на его праве на защиту.</p> <p>6) Учитывая Вышеизложенное, Европейский Суд приходит к выводу о том, что в настоящем деле имело место нарушение подпункта «с» пункта 3 ст 6. Конвенции во взаимосвязи с п.1 ст.6 Конвенции</p>
--	--	--	--	--	---

22	<p>Слашев против России(№24996/05) Теги: право на квалифицированную юридическую помощь</p>	31 января 2012	<p>В процессе нового рассмотрения дела(третья надзорная процедура) 8 октября 2007 г. заявитель просил президиум Курского областного суда назначить ему защитника, предоставить ему время для подготовки к защите и обязать защитника посетить его в следственном изоляторе с целью выработки стратегии защиты. Он был переведен в следственный изолятор Курска с целью участия в заседании суда надзорной инстанции посредством видеоконференцсвязи 16 ноября 2007. Президенту Адвокатской палаты Курской области было предложено назначить защитника для оказания заявителю помощи в надзорном производстве. 19 ноября 2007 г. ему был назначен защитник. 28 ноября 2007 г. президиум Курского областного суда изменил приговор от 12 февраля 2004 г. и</p>	П.1 и 3 ст.6 Конвенции	<p>1)Европейский Суд напоминает, что в первую очередь национальные власти обязаны устранять предполагаемое нарушение Конвенции . В этой связи вопрос о том, может ли заявитель считаться жертвой предполагаемого нарушения, возникает на всех стадиях конвенционного разбирательства(«Бурдов против России»).</p> <p>2) Обращаясь к обстоятельствам дела, Европейский суд отмечает, что на уровне страны отсутствовало полное признание нарушения требований п 1. И 3 ст.6. в ходе надзорной процедуры. Действительно, он отмечает, что в рамках первой надзорной процедуры нарушение не было признано или надлежащим образом устранено: дело было передано на рассмотрение в связи с ошибкой в назначении наказания. Во время третьей надзорной процедуры президиум Курского областного суда отметила отсутствие защитника заявителя в заседании суда кассационной инстанции, но, тем не менее, подчеркнул, что заявитель согласился на пересмотр дела в отсутствие его защитника и не требовал назначения другого.</p> <p>3)Европейский Суд заключает, что национальные суды не признали нарушения</p>

			<p>кассационное определение от 17 июня 2000г. В постановлении президиум отметил отсутствие защитника заявителя в заседании суда, указал, что заявитель и его защитник были надлежащим образом уведомлены о заседании суда, и нашел, что заявитель согласился на пересмотр дела в отсутствие защитника и не требовал назначения другого защитника для оказания помощи при рассмотрении жалобы.</p> <p>Президиум посчитал необоснованным доводы заявителя относительно нарушения его права на помощь защитника.</p> <p>В своей жалобе заявитель указал, что участвовал в заседании суда надзорной инстанции с помощью видеоконференцсвязи и настаивал на том, что его защитник в этом заседании не участвовал.</p> <p>Заявитель утверждал, что отсутствие защитника в заседании суда надзорной инстанции составляли</p>		<p>прав заявителя, гарантированных ст.6 Конвенции, что касается отсутствия помощи защитника на слушании в судах.</p>
--	--	--	---	--	--

			<p>нарушение его прав на справедливое судебное разбирательство и на помощь защитника(ст.6. Конвенции)</p> <p>Власти РФ полагали, что заявитель не может считаться жертвой нарушения в значении ст.34 Конвенции, что касается предполагаемого отсутствия защитника в заседании суда кассационной инстанции</p>		
23	<p>Сергей Владиславович Тимофеев (№12111/04) против России</p> <p>Теги: право обвиняемого участвовать в судебном заседании</p>	2 сентября 2010 года	<p>Заявитель родился в 1968 году и проживает в г. Шахты Ростовской области. 10 июля 1995 г. прокуратура г. Шахты возбудила уголовное дело против заявителя и г-на П. за изнасилование и попытку изнасилования двух лиц. 10 октября 1995 г. производство по делу было прекращено за отсутствием доказательств.</p> <p>1) Заявитель утверждал, что Ростовский областной суд воспользовался конфиденциальной медицинской информацией относительно состояния его здоровья против его интересов. Более того, решение о проведении</p>	<p>Ст.6.1Конвенции</p> <p>Ст.6.3.(с),(d) Конвенции</p>	<p>1)В первую очередь Европейский Суд напоминает, что статья 6 Конвенции в целом гарантирует лицу, которому предъявлено уголовное обвинение, право на эффективное участие в судебном разбирательстве по делу. Данное право предполагает возможность не только присутствовать в зале суда, но слышать и понимать, что происходит в ходе разбирательства (см., например, Постановление Европейского Суда от 23 февраля 1994 г. по делу "Стенфорд против Соединенного Королевства" (Stanford v. United Kingdom), Series A, N 282-A, § 26; а также Постановление Европейского Суда от 6 декабря 1988 г. по делу "Барбера, Мессеге и Ябардо против Испании" (Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain), Series A, N 146, § 78). Это право обвиняемого обусловлено самим понятием</p>

			<p>слушания дела в кассационном порядке в его отсутствие было основано на медицинских данных, а не на какой-либо норме закона.</p> <p>2) Заявитель жаловался на то, что производство по уголовному делу против него было чрезмерно длительным, и что суд кассационной инстанции провел рассмотрение дела в его отсутствие.</p>		<p>состязательного процесса, также вытекает из гарантий, предусмотренных подпунктами "с", "d" и "е" пункта 3 статьи 6 Конвенции - "защищать себя лично", "допрашивать свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены" и "пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке" (см. Постановление Европейского Суда от 12 февраля 1985 г. по делу "Колоцца против Италии" (Colozza v. Italy), Series A, N 89, § 27). Трудно представить, как лицо, "которому предъявлено уголовное обвинение", может реализовать эти права, не присутствуя в суде (см. Постановление Европейского Суда от 13 ноября 2008 г. по делу "Руссу против Молдовы" (Russu v. Moldova), жалоба N 7413/05, § 26).</p> <p>2) В то же время Европейский Суд отмечает, что личное присутствие ответчика на слушании дела по апелляции имеет не такое решающее значение, как его участие в разбирательстве в суде первой инстанции (см. Постановление Европейского Суда от 19 декабря 1989 г. по делу "Камасински против Австрии" (Kamasinski v. Austria), Series A, N 168, § 106). Даже в том случае, когда в юрисдикцию суда кассационной</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>инстанции входит рассмотрение дела по фактам и по вопросам права, статья 6 Конвенции не обязательно гарантирует право на публичное разбирательство, а, соответственно, и право на личное присутствие в суде (см. Постановление Европейского Суда от 29 октября 1991 г. по делу "Фейде против Швеции" (Fejde v. Sweden), Series A, N 212-C, § 31). Для принятия решения по этому вопросу необходимо учитывать, наряду с прочими соображениями, особенности рассматриваемого дела и то, каким образом были фактически представлены и защищались интересы заявителя в суде кассационной инстанции, особенно в свете существа вопросов, которые подлежат решению этим судом, и их важности для заявителя (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Эрми против Италии" (Hermi v. Italy), жалоба N 18114/02, § 62, ECHR 2006-XII).</p> <p>3) Относительно особенностей рассматриваемого дела Европейский Суд напоминает, что по российскому законодательству апелляционные жалобы по уголовным делам рассматриваются как по фактам, так и по вопросам права (см. Постановление Европейского Суда от 22 июня 2006 г. по делу "Метелица против Российской Федерации" (Metelitsa v. Russia), жалоба N 33132/02, § 31). Отменяя</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>постановление суда первой инстанции, кассационный суд вправе как направить дело на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции, так и изменить это постановление (см. § 65 настоящего Постановления). Учитывая широкий круг полномочий, предоставленных судам второй инстанции российским законодательством, Европейский Суд считает, что присутствие стороны защиты на рассмотрении апелляции может иметь решающее значение для соблюдения гарантий права на справедливое судебное разбирательство.</p> <p>4) Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что суд первой инстанции признал заявителя виновным в изнасиловании и попытке изнасилования. Несмотря на то, что ему не предстояло отбывать наказание в заключении, факт наличия судимости за совершение насильственного преступления мог оказать существенное негативное влияние на его частную и общественную жизнь. Следовательно, Европейский Суд считает, что повторное рассмотрение дела, по которому был вынесен обвинительный приговор, имело для заявителя особенно важное значение.</p> <p>5) Относительно вопроса, каким образом в суде второй инстанции защищались интересы заявителя, Европейский Суд</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>отмечает, что 30 сентября 2003 г. перед рассмотрением дела в кассационном порядке Ростовский областной суд принял решение о проведении слушания в отсутствие обвиняемого. Очевидно, что к тому моменту суду было хорошо известно, что в тот день адвокат заявителя не присутствует в зале заседаний. Следовательно, Ростовский областной суд намеренно принял решение о рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке в отсутствие кого бы то ни было, кто мог бы выдвигать аргументы в защиту заявителя. В этой связи следует отметить, что прокурор присутствовал и выступал на заседании суда.</p> <p>Европейский Суд пришел к заключению, что разбирательство дела в Ростовском областном суде не соответствовало требованиям справедливости.</p> <p>Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием заявителя на рассмотрении дела в кассационном порядке.</p>
24	<p>Романов Илья Эдуардович против России (№63993/00) Теги: право обвиняемого присутствовать в судебном заседании</p>	20 октября 2005 г.	<p>12 октября 1998 года заявитель, который якобы находился в состоянии опьянения, был задержан на улице милицейским нарядом и отправлен в РУВД. Был произведен личный досмотр, у задержанного якобы было</p>	п.1 ст.6 Конвенции	<p>Суд напоминает, что из самого понятия справедливого судебного разбирательства, очевидно, что лицу, обвиненному в совершении преступления нужно предоставить право присутствовать и участвовать эффективно в судебном заседании первой инстанции (см. Colozzav. Italy, решение от 12 февраля 1985 г.,</p>

			<p>найденное определенное количество марихуаны. В этот же день заявителю было предъявлено обвинение в незаконном приобретении наркотических средств для личного пользования и хранения; заявитель был заключен под стражу и было проведено психиатрическое обследование. 10 февраля 1999 г. следствие было завершено, уголовное дело заявителя передано в Гагаринский районный суд г. Москвы.</p> <p>Заявитель жаловался, что, несмотря на многочисленные запросы, он никогда не присутствовал на заседаниях в Гагаринском районном суде г. Москвы. Он заявлял о нарушении статьи 6 §1 Конвенции.</p>	<p>SeriesA no. 89, pp. 14-15, §§ 27 и 29). В настоящем деле это требование не было удовлетворено, поскольку районный суд рассмотрел дело в отсутствие заявителя. Суд напоминает, что государство обязано обеспечить присутствие обвиняемого, который находится в заключении (см. Goddi v. Italy, решение от 9 апреля 1984 г., Series A no. 76, p. 11, §29). . В настоящем деле администрация не предприняла никаких мер, чтобы обеспечить присутствие заявителя на судебных заседаниях.</p> <p>Суд отмечает, что согласно ст.406 УПК 1960 г. (действующего на тот момент): «...суд может вызвать в судебное заседание лицо, о котором рассматривается дело, если этому не препятствует характер его заболевания...». Однако, Суд уточняет- если судебное разбирательство предполагает оценку личности и характера обвиняемого и его умственное состояние в момент совершения преступления и если их результат может причинить вред заявителю, то важно для справедливого судебного разбирательства, чтобы он присутствовал на судебном разбирательстве и имел возможность поучаствовать в нем вместе с юристом (см. Kremzov v. Austria, решение от 21 сентября 1993 г., Series A no. 268-B, p. 45, §67; Pobornikoff v. Austria, no. 28501/95, §31, решение от 3 октября</p>
--	--	--	---	---

					<p>2000 г.; и Zana v. Turkey, решение от 25 ноября 1997 г., Reports 1997- VII, p. 2551, §71-73).</p> <p>Суд отмечает, что у районного суда было заключения двух психиатров одного и того же института судебной психиатрии. Хотя в основном мнения экспертов сошлись относительно диагноза заявителя, они отличались в части выбора мер, которые было необходимо принять. В своем заключении первый эксперт утверждал, что нет необходимости помещать заявителя в психиатрическую больницу и что достаточно проведение амбулаторного лечения, в то время как второй эксперт заявлял, что содержание заявителя в психиатрической больнице необходимо. Суд считает, что такое расхождение, оказавшее влияние на исход судебного разбирательства, и, в конечном счете, на свободу заявителя, сделало вопрос участия заявителя в судебном заседании особенно важным. С точки зрения того, что было поставлено для заявителя на карту, районный суд не мог, если бы разбирательство было справедливым, вынести решение без непосредственной оценки показаний заявителя, и присутствие юриста заявителя не могло компенсировать отсутствие самого заявителя.</p>
25	Сибгатуллин Герман Наильевич против России	23 апреля 2009 г.	В сентябре 2001 г. заявитель и некая Б. были задержаны по	п.1«с» и п.3 ст.6	Европейский Суд напоминает, что объект и цель статьи 6, взятые вместе,

	<p>(№32165/02)</p> <p>Теги: право присутствовать на рассмотрении дела в суде кассационной инстанции</p>		<p>подозрению в совершении трех убийств и заключены под стражу. 22 февраля 2002 г. Свердловский областной суд («суд первой инстанции») рассмотрел дело в присутствии заявителя, его защитника Ч. и второй обвиняемой Б. Он признал заявителя виновным в совершении трех убийств и краже и приговорил его к двадцати годам лишения свободы.</p> <p>22 февраля 2002 г. заявитель и его защитник подали кассационную жалобу, ссылаясь на то, что выводы суда первой инстанции о виновности заявителя в совершении первого убийства не подтверждались доказательствами, представленными в суд.</p> <p>15 августа 2002 г. Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу заявителя в присутствии прокурора и отказал в ее удовлетворении.</p> <p>26 октября 2005 г. заместитель Генерального прокурора</p>	<p>Конвенции</p>	<p>подразумевают, что "каждый при предъявлении ему уголовного обвинения" имеет право на участие в разбирательстве дела. Более того, подпункты «с», «d» и «e» пункта 3 гарантируют "каждому при предъявлении ему любого уголовного обвинения" право "защищать себя лично", "допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены" и "пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке". А также сложно представить, как можно реализовать эти права, не присутствуя в суде (см. Постановление Европейского Суда по делу "Колоцца против Италии (Colozza v. Italy) от 12 февраля 1985 г., § 27, Series A до. 89).</p> <p>На основании этого толкования статьи 6 Европейский Суд постановил, что обязанность гарантировать право обвиняемого по уголовному делу присутствовать в зале судебного заседания, - либо во время разбирательства дела судом первой инстанции, либо во время пересмотра его приговора. - является одним из существенных требований статьи 6 (см. Постановление Европейского Суда по делу "Стоичков против Болгарии"</p>
--	--	--	--	------------------	---

			<p>Российской Федерации подал надзорное представление на определение суда кассационной инстанции от 15 августа 2002 г. в Президиум Верховного Суда Российской Федерации на том основании, что заявитель и его защитник не были надлежащим образом извещены о заседании суда кассационной инстанции 15 августа 2002 г. и, следовательно, не могли принять в нем участие. 5 апреля 2006 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил определение от 15 августа 2002 г. и вернул дело на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции. 29 июня 2006 г. Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел дело в кассационном порядке в отсутствие заявителя и его защитника.</p> <p>4 июля 2006 г. заявитель, который предположительно не был осведомлен о заседании суда кассационной инстанции 29 июня 2006 г., но в какой-то</p>		<p>(Stoichkov v. Bulgaria) от 24 марта. Европейский Суд считает, что суд кассационной инстанции не был в состоянии надлежащим образом разрешить стоящие пред ним вопросы без прямой оценки доказательств, представленных заявителем лично. Он также не был в состоянии обеспечить равенство и состязательность сторон, не предоставив заявителю возможность ответить на заявления, сделанные прокурором на судебном заседании. Следовательно, при обстоятельствах настоящего дела справедливость судебного разбирательства требовала присутствия заявителя на заседании суда кассационной инстанции. Европейский Суд считает, что заявитель не был надлежащим образом извещен о рассмотрении дела судом кассационной инстанции 29 июня 2006 г. Европейский Суд также отмечает, что власти РФ не представили какого-либо документа, из которого следовало бы, что защитник заявителя получил соответствующее извещение. Кроме того, из кассационного определения от 29 июня 2006 г. следует, что суд кассационной инстанции не проверил, были ли заявитель и его защитник надлежащим образом извещены о судебном разбирательстве. При таких</p>
--	--	--	--	--	---

			<p>момент узнал о том, что кассационное определение от 15 августа 2002 г. было отменено 5 апреля 2006 г., выслал дополнительные аргументы в суд кассационной инстанции. В тот же день он также обратился со специальной просьбой разрешить принять участие в заседании суда кассационной инстанции и попросил суд кассационной инстанции предоставить ему защитника.</p> <p>Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции, утверждая, что уголовное судопроизводство по его делу было несправедливым, поскольку рассмотрение дела судом кассационной инстанции 15 августа 2002 г. и 29 июня 2006 г. проводилось в его отсутствие.</p>		<p>обстоятельствах Европейский Суд считает, что нельзя говорить о том, что в настоящем деле заявитель недвусмысленным образом отказался от своего права участвовать в судебном заседании.</p> <p>В связи с этим, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции по причине проведения заседаний суда кассационной инстанции 15 августа 2002 г. и 29 июня 2006 г. в отсутствие заявителя</p>
26	<p>Ваньян Григорий Аркадьевич против России (Жалоба № 53203/99) Теги: принцип состязательности</p>	15 декабря 2005 г.	<p>Заявитель родился в 1971 году, проживает в г. Москве. 3 июня 1998 г. заявитель был задержан и доставлен в ОВД района "Капотня" г. Москвы, где его обыскали и нашли при нем пакетик героина.</p>	<p>Ст. 6.1 Ст. 6.3. (с) Конвенции</p>	<p>Европейский суд напомнил, что из понятия справедливого судебного разбирательства вытекает, что лицо, обвиненное в совершении преступления, как правило, должно иметь право на присутствие и эффективное участие в заседании суда первой инстанции. Также</p>

			<p>4 июня 1998 г. начальник отделения милиции вынес Постановление о том, что заявитель совершил мелкое хулиганство и должен был уплатить административный штраф. Заявитель был освобожден, по его словам, 5 июня 1998 г., а, по утверждению властей Российской Федерации, 4 июня 1998 г. 5 июня 1998 г. в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в незаконном приобретении и хранении наркотических веществ. По окончании расследования ему было предъявлено обвинение в незаконном приобретении, хранении и сбыте наркотических веществ на основании части четвертой статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации. Заявитель утверждал, в частности, что на совершение преступления, за которое он был осужден, его спровоцировали сотрудники милиции, действовавшие через своего агента О.З., а</p>	<p>для справедливости системы уголовного правосудия имеет решающее значение адекватная защита подсудимого, как в суде первой инстанции, так и в суде второй инстанции. Принцип равенства средств представляет собой лишь одну из черт более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, которое включает также фундаментальное право на состязательный характер уголовного процесса. Последнее означает, применительно к уголовному делу, что стороне обвинения и стороне защиты должна быть предоставлена возможность ознакомиться с представленными другой стороной замечаниями и доказательствами и прокомментировать их. Европейский суд отметил, что довод властей Российской Федерации о том, что, принимая во внимание, протест о пересмотре дела в порядке надзора не ухудшал положение заявителя, суд надзорной инстанции действовал в соответствии с национальным законодательством, что оставляло на усмотрение суда вопрос о том, вызывать ли на заседание заявителя и его защитника. Однако, учитывая вышеуказанные полномочия президиума Московского городского суда, Европейский суд счел, что этот суд не мог</p>
--	--	--	---	--

			также что его дело было рассмотрено президиумом Московского городского суда в его отсутствие.		рассматривать дело заявителя в отсутствие заявителя и его защитника, ставя под сомнение справедливость судебного разбирательства. Если бы они присутствовали, они бы имели возможность представить позицию стороны защиты и прокомментировать протест заместителя Председателя Верховного суда Российской Федерации и заявления прокурора. Учитывая все вышесказанное, Европейский суд счел, что надзорное производство в президиуме Московского городского суда не соответствовало требованиям справедливости. Поэтому имело место нарушение пункта 1 статьи 6 в совокупности с подпунктом "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.
27	Алексеенко Александр Борисович против России (№74266/01) Теги: принцип состязательности, принцип равенства оружия	8 января 2009 г.	В 1996 году заявитель был задержан и обвинен в совершении ряда тяжких преступлений, включая хранение взрывчатых веществ, угрозу убийством, покушение на убийство и убийство. Ростовский областной суд рассмотрел дело заявителя и 18 февраля 1997г. вынес приговор, которым тот был оправдан по всем обвинениям. 30 апреля 1997г. Верховный	п.1 ст.6 Конвенции	Европейский суд напоминает, что из понятия справедливого судебного разбирательства следует, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно в качестве общего принципа иметь право присутствовать и эффективно участвовать в разбирательстве дела судом первой инстанции (см. Постановление Европейского суда от 12 февраля 1985 г. по делу "Колоцца против Италии" (Colozza v. Italy), § 27 и 29, Series A, N 89). Европейский суд, прежде всего, отмечает,

			<p>суд России рассмотрел дело в кассационном порядке и, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. 23 июля 1997г. Ростовский областной суд повторно рассмотрел дело заявителя, и признал его виновным по всем обвинениям. Он был приговорен к 15 годам лишения свободы. Суд также вынес решение о конфискации имущества заявителя. Жалоба заявителя на приговор от 23 июля 1997г. была отклонена Верховным судом России 25 декабря 1997г. В неуставленную дату заместитель Генерального прокурора Российской Федерации принес протест на приговор от 23 июля и Определение от 25 декабря 1997 г. 18 октября 2000 г. Президиум Верховного суда России рассмотрел протест прокурора. Суд возобновил разбирательство и частично изменил принятые по делу судебные акты. В частности, суд установил, что в</p>		<p>что нет необходимости разрешать вопрос о том, делало ли отсутствие заявителя и его защитника, в отдельности, разбирательство в суде надзорной инстанции несправедливым. Ни тот, ни другой не присутствовали в заседании Президиума Верховного суда и не могли высказать своего мнения до него, и Европейский суд рассмотрит данную жалобу с учетом этого обстоятельства. Европейский суд отмечает, что надзорное производство в соответствии с Уголовно-Процессуальным Кодексом 1960 года отличалось от кассационного тем, что, в частности, правом возбуждения этой процедуры были наделены высшие должностные лица судов и прокуратуры, но не участники дела. Однако при этом суд надзорной инстанции не был связан доводами протеста и мог полностью пересмотреть дело путем отмены или изменения принятых по нему судебных актов, передачи дела в нижестоящие суды или на новое расследование, или прекращения уголовного дела полностью или в части. Даже притом, что, в конце концов, приговор, вынесенный заявителю, остался неизменным, Президиум Верховного суда использовал свои полномочия в изменении вынесенных по делу актов и тем самым разрешил предъявленные обвинения. С учетом вышеизложенного и того факта, что надзорное производство было</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>отношении обвинения в угрозе убийством истек срок давности, и изменил квалификацию преступных действий заявителя по одному из других обвинений. Срок наказания заявителя был оставлен без изменения. Заявитель и его адвокат не были уведомлены о заседании суда и не получили повесток о нем. Обвинитель участвовал в заседании и выступал на нем. Заявитель жаловался на то, что рассмотрение его дела в порядке надзора Верховным судом 18 октября 2000 г. не было справедливым, поскольку власти не уведомили о заседании защиту, в то время как прокурор в заседании участвовал.</p>	<p>возбуждено по требованию прокуратуры, Европейский суд полагает, что в целях соблюдения принципа справедливости, воплощенного в статье 6 Конвенции, Президиуму Верховного суда следовало уведомить заявителя и его защитника о содержании принесенного прокуратурой протеста и о дате и месте заседания.</p> <p>Поскольку прокурор позднее присутствовал в заседании суда надзорной инстанции 18 октября 2000 г. и давал пояснения, принцип состязательности требовал, чтобы защита также была представлена на этом заседании и имела возможность оспорить и прокомментировать доводы, выдвинутые прокуратурой. При таких обстоятельствах Европейский суд отклоняет как несущественную ссылку властей Российской Федерации на тот факт, что отсутствие заявителя и его защитника на заседании не было незаконным в соответствии с национальным законодательством. Европейский суд находит изложенные соображения достаточными для того, чтобы заключить, что разбирательство в Президиуме Верховного суда не отвечало требованию справедливости. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. На основании изложенного Европейский Суд постановил, что имело место нарушение</p>
--	--	--	--	--

					пункта 1 статьи 6 Конвенции
28	Шаромов Вадим Геннадьевич против России (Жалоба № 8927/02) Теги: принцип равенства оружия	15 января 2009 г.	<p>Заявитель, 1972 года рождения, отбывал наказание в исправительной колонии № УК-272/25 в поселке Вихоревка Братского района Иркутской области.</p> <p>Заявитель жалуется в Европейский Суд на нарушения статьи 3 и статьи 13 Конвенции, выразившиеся в том, что 21 сентября 2001 г. он был избит и по этому поводу не было проведено эффективного расследования.</p> <p>Государство-ответчик утверждает, что применение силы было вызвано попыткой заявителя воспрепятствовать проведению обыска в своей камере, и не было несоразмерным. Кроме того, государство-ответчик полагает, что заявитель не мог жаловаться в Европейский Суд на события, произошедшие 10 сентября 2001г., так как применение силы имело место 21 сентября 2001 г. На момент подачи жалобы заявитель не воспользовался никакими</p>	Ст. 6.3.(с) Конвенции	<p>Европейский Суд уже констатировал нарушение требования справедливости, предъявляемого пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в случаях, когда суды надзорной инстанции переквалифицировали действия заявителей, не вызывая их в судебное заседание либо не давая им возможности представлять комментарии по поводу поданных протестов. Согласно прецедентной практике Суда принцип равенства процессуальных возможностей сторон требует, чтобы каждой из сторон по делу была обеспечена достаточная возможность изложить в суде свою позицию на условиях, которые не ставят ее в невыгодное положение по отношению к другой стороне. Кроме того, Суд напоминает, что принцип равенства процессуальных возможностей сторон не зависит от последующей, имеющей количественное выражение несправедливости, вытекающей из процессуального неравенства сторон. Защита сама решает, заслуживает ли тот или иной довод ее реакции. Поэтому, когда обвинение заявляет суду свои доводы без ведома защиты, это несправедливо. Если такого рода замечания не дают преимущества ни одной из сторон по вопросу, который</p>

			<p>внутригосударственными средствами правовой защиты. Свердловский районный суд Иркутской области признал заявителя виновным в совершении кражи и назначил ему наказание в виде пяти лет лишения свободы. 11 апреля 2000 г. Иркутский областной Суд оставил обвинительный приговор по этому уголовному делу без изменения. Заявитель — со ссылкой на пункт 1 и подпункты «b» и «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, а также статьи 13 и 14 Конвенции — жалуется в Европейский Суд на несправедливость рассмотрения его дела в суде надзорной инстанции; на то, что он отсутствовал в судебном заседании по делу 2 июля 2001 г. и 2 декабря 2002 г.; на то, что у него не было возможности представить свои доводы, и он не располагал достаточным временем для подготовки своей защиты. Кроме того, заявитель жалуется в Суд на результат производства по его</p>		<p>решает суд, это не меняет дела. Суд полагает, что этот принцип не теряет своей значимости и в том случае, когда доводы, о которых идет речь, выгодны защите. Европейский Суд отмечает, что заявителю не сообщили о заседании суда надзорной инстанции в 2001 году; не участвовал он и в судебном заседании, которое состоялось 2 июля 2001 г. Европейский Суд, кроме того, отмечает, что сторона обвинения присутствовала в заседании суда надзорной инстанции и представила устные замечания в поддержку своего протеста. Принимая во внимание изложенные выше соображения, Европейский Суд приходит к выводу, что рассмотрение дела в Президиуме областного суда оба раза не отвечало требованиям справедливости. Поэтому по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.</p>
--	--	--	---	--	---

			делу в надзорной инстанции.		
29	<p>Аркадий Петрович Городничев против Российской Федерации (№52058/99)</p> <p>Теги: разумный срок судебного разбирательства</p>	24 мая 2007 г.	<p>19 февраля 1995 г. заявитель был задержан в г. Новосибирске по подозрению в совершении кражи (статья 144 Уголовного кодекса РСФСР) и двух нападениях, совершенных, соответственно, в 1994 и 1995 гг. (части 1 и 2 статьи 108 Уголовного кодекса РСФСР). 21 февраля 1995 г. было вынесено постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. 3 марта 1995 г. по запросу следователя было представлено заключение экспертизы. 18 мая 1995 г. предварительное расследование было завершено. 22 мая 1995 г. прокуратура составила обвинительное заключение и направила дело в</p>	п.1 ст.6 Конвенции	<p>Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы определить длительность разбирательства по уголовному делу, рассматриваемый период исчисляется со дня, когда лицо становится "обвиняемым" в независимом и фактическом значении, которое следует применить к данному термину (см. Постановление Европейского Суда по делу "Корильяно против Италии" (Corigliano v. Italy) от 10 декабря 1982, Series A, N 57, p. 13, § 34; и завершается в день постановления окончательного обвинительного или оправдательного приговора (Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против России" (Kalachnikov v. Russia), жалоба N 47095/99, § 124, ECHR 2002 VI). В данном случае рассматриваемый период начинается 19 февраля 1995 г., когда заявитель был задержан. Относительно окончания этого периода Европейский Суд отмечает, что 21 июля 1999 г. Новосибирский областной суд в качестве суда второй инстанции утвердил обвинительный приговор, вынесенный заявителю 29 марта 1999 г.</p>

			<p>Кировский районный суд г. Новосибирска. 27 июня 1995 г. Кировский районный суд назначил судебное заседание на 8 сентября 1995 г., оставив меру пресечения заявителю без изменения.</p> <p>Впоследствии судебное заседание было перенесено из-за неявки в суд некоторых свидетелей.</p> <p>Следующее судебное заседание было назначено на 11 сентября 1995 г. 25 февраля 1997 г. Кировский районный суд сделал вывод о невозможности вынесения решения по делу и вынес определение о направлении дела для производства дополнительного расследования. Мера пресечения в отношении заявителя была оставлена без изменения. 9 апреля 1997 г. это решение было отменено в кассационном</p>		<p>Это решение, как и кассационное определение, вступившие в законную силу, было отменено 8 февраля 2001 г. в связи с протестом в порядке надзора, и рассмотрение дела было возобновлено. Новое разбирательство завершилось 17 мая 2001 г. вынесением нового обвинительного приговора и утверждающим его кассационным определением от 9 июля 2001 г. Таким образом, рассматриваемый период оканчивается этой датой.</p> <p>Вместе с тем Европейский Суд не считает, что должен учитывать промежуток времени с 21 июля 1999 г. по 8 февраля 2001 г., принимая во внимание, что в течение этого периода дело не рассматривалось в национальных судах. В этих обстоятельствах период, принимаемый к рассмотрению в данном случае, состоит из двух периодов: с 19 февраля 1995 г. по 21 июля 1999 г. и с 8 февраля по 9 июля 2001 г., т.е. рассматриваемый период составляет четыре года и десять месяцев.</p> <p>Европейский Суд может принять во внимание только период после 5 мая 1998 г., то есть период продолжительностью приблизительно в</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>порядке Новосибирским областным судом в связи с тем, что необходимое дополнительное расследование могло быть проведено самим Кировским районным судом в ходе рассмотрения дела (часть первая статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Вследствие этого 12 мая 1997 г. в Кировском районном суде было возобновлено судебное разбирательство по делу. Последующие слушания переносились несколько раз в связи с отсутствием свидетелей и потерпевших. 12 ноября 1997 г. Кировский районный суд приговорил заявителя к пяти годам лишения свободы за умышленное нанесение тяжких телесных повреждений (часть первая статьи 108 Уголовного кодекса РСФСР) и восьми</p>	<p>один год и семь с половиной месяцев. За это время судебное разбирательство проходило в судах двух инстанций. Однако для того, чтобы определить "разумный" характер длительности разбирательства, Европейский Суд должен учесть, в каком состоянии оно находилось на 5 мая 1998 г. (Постановление Европейского Суда по делу "Боранкова против Чешской Республики" (Borankova v. Czech Republic) от 7 января 2003 г., жалоба N 41486/98, § 52).</p> <p>Европейский Суд напоминает, что разумный характер длительности судебного разбирательства определяется, исходя из обстоятельств дела и учитывая критерии, установленные в прецедентной практике Суда, в частности, сложности дела, действий заявителя и компетентных органов власти (см. среди многих прочих Постановление Европейского Суда по делу "Маршнер против Франции" (Marschner v. France) от 28 сентября 2004 г., жалоба N 51360/99, § 53).</p> <p>Также принимается во внимание и исход судебного разбирательства для заявителя. В частности, для того, чтобы</p>
--	--	--	--	---

			<p>годам лишения свободы за умышленное нанесение тяжких телесных повреждений, в результате которых наступила смерть потерпевшего (часть вторая статьи 108 Уголовного кодекса РСФСР). По обвинению в краже (часть вторая статьи 144 Уголовного кодекса РСФСР) заявитель был оправдан.</p> <p>Заявитель подал кассационную жалобу на приговор Кировского районного суда. 12 января 1998 г., после того, как было установлено, что не были рассмотрены замечания заявителя на протоколы слушания, что о постановленном приговоре не были уведомлены другие стороны, участвующие в разбирательстве, и отсутствовала отметка о дате уведомления заявителя о вынесенном решении</p>		<p>определить, было ли решение об обоснованности предъявленного обвинения вынесено в разумный срок, учитывается содержание заявителя под стражей (Постановления Европейского Суда по делу "Сари против Дании" (Sarı v. Turkey and Denmark) от 8 ноября 2001 г., жалоба N 21889/93, § 72).</p> <p>В данном случае Европейский Суд в первую очередь отмечает, что после 5 мая 1998 г. разбирательство несколько раз неоправданно задерживалось, в то время как до этой даты расследование по делу продолжалось три месяца (с 21 февраля по 18 мая 1995 г.), разбирательство по делу в суде первой инстанции продолжалось около двух лет и трех месяцев (с 22 мая 1995 г. по 25 февраля 1997 г. и с 12 мая по 12 ноября 1997 г.), дело дважды направлялось для дополнительного расследования (28 мая и 11 ноября 1998 г.). Власти Российской Федерации не доказали особый характер дела, что могло бы оправдать неоднократные вмешательства следователя в разбирательство. Тот факт, что власти Российской Федерации объясняют их необходимость "недостатками, отмеченными в ходе</p>
--	--	--	---	--	--

			<p>(статьи 266, 327 и 328 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР).</p> <p>Новосибирский областной суд направил кассационную жалобу в Кировский районный суд для исправления процессуальных ошибок.</p> <p>Кировский районный суд г. Новосибирска рассмотрел замечания на протокол, представленные заявителем, и отклонил их.</p> <p>Кассационная жалоба заявителя была вновь передана в Новосибирский областной суд, который определением от 4 марта 1998 г. оставил без изменения приговор от 12 ноября 1997 г. в части, касающейся преступлений, предусмотренных частью первой статьи 108 и частью второй статьи 144 Уголовного кодекса РСФСР приговор в части, касающейся причинения</p>	<p>судебного разбирательства дела", поддерживает мнение Европейского Суда, который, изучив материалы дела, выражает сомнение в качестве неоднократных дополнительных расследований, проведенных после начала судебного разбирательства, и их эффективности. Кроме того, Европейский Суд не согласен с доводом властей Российской Федерации, утверждавших, что рассматриваемая длительность разбирательства являлась необходимой для того, чтобы позволить судьям выполнить свои задачи с требуемой тщательностью. Безусловно, пункт 1 Статьи 6 Конвенции вместе с вопросом быстроты судебных разбирательств посвящен общему принципу надлежащего отправления правосудия (Постановление Европейского Суда по делу "Боддаерт против Бельгии" (Boddaert v. Belgium) от 12 октября 1992 г., однако из материалов дела следует, что когда определенные национальные власти проводят тщательное изучение дела, судебное разбирательство существенно убыстряется.</p> <p>В отношении действий заявителя из</p>
--	--	--	---	---

			<p>тяжких телесных повреждений, повлекших смерть (часть вторая статьи 108 Уголовного кодекса РСФСР), был отменен, и дело было направлено на новое рассмотрение.</p> <p>20 апреля 1998 г. новый состав Кировского районного суда назначил судебное заседание по делу на 29 апреля 1998 г. и оставил в отношении заявителя меру пресечения в виде заключения под стражу. 31 июля 1998 г. Кировский районный суд назначил судебное заседание по делу на 7 августа 1998 г. 18 сентября 1998 г. Кировский районный суд вынес определение о проведении новой судебной экспертизы. Заключение экспертизы было представлено 2 октября 1998 г. 11 ноября 1998 г., вынося решение по</p>		<p>материалов дела, вопреки утверждениям властей Российской Федерации, не следует, что судебное разбирательство продлевалось в связи с ходатайствами, поданными заявителем. Во-первых, никакие материалы дела не позволяют сделать вывод о том, что позиция заявителя или его представителя способствовала замедлению судебного разбирательства. Далее, вопреки утверждению властей Российской Федерации, 25 февраля 1997 г. Кировский районный суд направил дело для дополнительного расследования, не удовлетворив ходатайство заявителя. В соответствии с этим решением суд направил дело для производства дополнительного расследования, сделав вывод о невозможности рассмотрения дела в таком состоянии. Также, вопреки утверждению властей Российской Федерации, 11 ноября 1998 г. Кировский районный суд вновь направил дело для производства дополнительного расследования не по ходатайству заявителя, а, как следует из этого решения - по заявлению прокурора.</p> <p>Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд</p>
--	--	--	--	--	--

			<p>заявлению прокурора, Кировский районный суд вновь направил дело на дополнительное расследование, при этом мера пресечения заявителю была оставлена без изменений. 25 января 1999 г. Кировский районный суд назначил судебное заседание на 4 февраля 1999 г. Перед окончанием данного слушания Кировский районный суд назначил проведение медицинской экспертизы относительно характера телесных повреждений, нанесенных жертве. . 29 марта 1999 г. Кировский районный суд признал заявителя виновным в причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, и осудил на восемь лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии</p>		<p>считает, что уголовное дело, возбужденное в отношении заявителя по факту правонарушения, предусмотренного частью второй статьи 108 Уголовного кодекса, не было рассмотрено с требуемой основательностью и тщательностью.</p> <p>Учитывая принцип разделения ответственности, провозглашенный в его прецедентной практике, Европейский Суд постановляет, что недостаточная быстрота по сути вменяется в вину национальным властям. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции.</p> <p>На этих основаниях Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции.</p>
--	--	--	--	--	---

			общего режима. Время содержания заявителя под стражей с 19 февраля 1995 г. было зачтено в срок отбывания наказания.		
30	<p>Валерий Александрович Шерстобитов против России (N 16266/03)</p> <p>Теги: разумный срок судебного разбирательства</p>	10 июня 2010 года	<p>Заявитель родился в 1974 году и проживает в г. Красноярске. 29 января 2002 года г-жа Ц. и г-жа В. распивали пиво на автобусной остановке, откуда и увидели заявителя и Б., девятилетнего мальчика. Им показалось, что заявитель приставал к мальчику с сексуальными домогательствами, и они попросили продавщицу из ближайшего магазина вызвать милицию. Продавщица вызвала охрану фирмы, которой принадлежал магазин. Двое охранников, Т. и С., прибыли и доставили заявителя и Б. в отделение милиции приблизительно в час ночи 30 января 2002 года.</p> <p>1) Заявитель утверждал, что значительные задержки в производстве по делу происходили по вине российских властей. Суд не</p>	Ст.6.1. Конвенции	<p>1) Европейский Суд напоминает, что разумность длительности производства должна оцениваться в свете фактических обстоятельств дела исходя из критериев, разработанных практикой Европейского Суда, таких, как сложность дела, поведение заявителя и действия властей (см. среди многих других упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "Нахматович против Российской Федерации", § 95).</p> <p>2) Европейский Суд признает, что дело было достаточно сложным. Оно касалось действий сексуального характера в отношении ребенка, не способного к обучению, и требовало всесторонних судебных исследований и экспертиз. Однако, по мнению Европейского, Суда, сложность дела сама по себе не может оправдать длительность производства по настоящему делу.</p> <p>3) Европейский Суд полагает, что заявитель не был виновником значительных задержек в производстве по делу. Тот факт, что рассмотрение дела переносилось в июне и июле 2007 года из-за</p>

			<p>мог вынести приговор в соответствии с законом, и приговор дважды отменялся в кассационном порядке. Более того, прокурор не обеспечивал явку в суд свидетелей, что также способствовало затягиванию производства по делу. Наконец, по мнению заявителя, суд не назначал слушания регулярно, и лишь после того, как его жалоба была коммуницирована Европейским Судом властям Российской Федерации, производство производилось без задержек.</p>	<p>болезни и отпуска его адвоката, повлиял на длительность производства незначительно.</p> <p>4) Европейский Суд далее установил, что вышестоящие суды дважды отменяли приговор заявителя. В результате заявитель предстал перед судом трижды. Хотя Европейский Суд не склонен анализировать правовую природу решений российских судов, он полагает, что, поскольку решение о возвращении дела на новое рассмотрение часто связано с ошибками, допущенными нижестоящими судами, такие решения, повторяющиеся на протяжении в рамках одного производства, могут указывать на серьезные недостатки в судебной системе.</p> <p>(см., mutatis mutandis, среди прочих решений, Постановление Европейского Суда от 25 ноября 2003 года по делу "Верчижевска против Польши" (Wierciszewska v. Poland), жалоба N 41431/98, § 46). Тот факт, что российские суды рассматривали дело несколько раз, не освобождает их от обязанности соблюдать требования разумного срока пункта 1 статьи 6 Конвенции (см., mutatis mutandis, Постановление Европейского Суда от 5 февраля 2004 года по делу "Литоселитис против Греции" (Litoselitis v. Greece), жалоба N 62771/00, § 32).</p> <p>5). Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд считает, что длительность производства</p>
--	--	--	---	---

					по уголовному делу заявителя не отвечала требованию "разумного срока". Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.
31	Экле против Федеративной Республики Германии Теги: разумный срок судебного разбирательства	15 июля 1982 г.	Г-н Экле был владельцем фирмы, которая занималась поставкой в кредит материалов и подготовкой площадок для желающих строиться. Его жена работала на этой фирме. Деятельность фирмы в период между 1959-м и 1967 г. стала предметом трех самостоятельных уголовных дел в Трире, Саарбрюкене и Кельне. В 1959 г. прокуратура Трира начала расследование, подозревая заявителя в заключении многочисленных договоров, основывавшихся на ложных обещаниях, и в получении займов обманным путем. Суд открылся 11 ноября 1970 г. 17 марта 1972 г. Земельный суд Трира приговорил г-на и г-жу Экле к тюремному заключению за мошенничество. 19 февраля 1976 г. их жалоба по вопросам права была отклонена Верховным федеральным судом. Жалоба в Федеральный	Ст.6 п. 1 Конвенции	В уголовных делах "разумный срок", о котором говорится в статье 6 п. 1, начинает течь с момента, когда лицу "предъявлено обвинение"; это может произойти раньше, чем дело попадет в суд (см., например, решение от 27 февраля 1980 г. по делу Девеера. Серия А, т. 35, с. 22, п. 42), со дня ареста, с даты, когда заинтересованное лицо было официально уведомлено, что против него возбуждено уголовное дело, или с даты, когда было начато предварительное следствие (см. вышеупомянутые решения по делу Вемхофа от 27 июня 1968 г.; по делу Неймастера, вынесенное в тот же день; по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г.). "Обвинение" для целей статьи 6 п. 1 можно определить как официальное уведомление лица компетентными властями, что есть основание утверждать, что им совершено уголовное преступление. Применяя эти принципы к обстоятельствам дела, Суд полагает, что дата, предложенная заявителями в связи с разбирательством в Трире, не является соответствующей, т.к. представленные Правительством документы показывают, что жалоба, поданная 28 октября 1959 г. на супругов Экле, не привела

			<p>Конституционный Суд, в том числе на длительность разбирательства, в июне 1977 г. была отклонена как не имеющая шансов на успех. По завершении другого расследования, которое началось в конце 1963 г., Земельный суд Саарбрюкена в октябре 1967 г. признал заявителей виновными в мошенничестве; после того как в марте 1969 г. Верховный федеральный суд отменил приговор, в 1970-м и 1971 г. Земельный суд осудил их повторно. Новая жалоба по вопросам права была отклонена 20 апреля 1972 г. Наконец, прокуратура Кельна начала по аналогичным основаниям расследование в марте 1967 г., но дело было закрыто в сентябре 1977 г. по причине незначительности приговора, который мог бы быть вынесен, по сравнению с приговорами, уже вынесенными в двух других судах.</p> <p>Заявители жаловались на длительность рассмотрения их</p>		<p>к назначению формального расследования.</p> <p>Настоящее предварительное следствие началось только в августе 1960 г., когда в связи с обвинениями, выдвинутыми против г-на Экле, опрашивались многочисленные свидетели. Тем не менее, поскольку невозможно установить, когда заявителям стало официально известно о следствии, Суд взял за точку отсчета в качестве "начала" 1 января 1961 г. Что касается времени окончания, то в уголовных делах период, на который распространяются положения статьи 6 п. 1, охватывает все время прохождения дела, включая апелляционную процедуру (см. решение по делу Кенига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 33, п. 98). Суд посчитал окончанием процесса дату, когда закончилось кассационное производство по делу, и при определении срока наказания было учтено все время предварительного заключения заявителя.</p> <p>Соответственно, период, подлежавший учету, завершился 23 января 1978 г., когда Верховный земельный суд Кобленца подтвердил кумулятивный приговор, вынесенный Земельным судом 24 ноября 1978 г. Длительность процесса, которая рассматривалась на предмет соответствия требованиям статьи 6 п. 1, составила, таким образом, семнадцать лет и три недели (1 января 1961 г.-23 января 1978</p>
--	--	--	--	--	---

			уголовных дел в судах Трира и Кельна; они утверждали, что разбирательство превысило "разумный срок". В жалобе заявителя говорится, что судебный процесс в Трире начался в ноябре 1959 г. и завершился 24 ноября 1977 г., когда суд суммировал вынесенные всеми приговорами наказания.		г.). Такая продолжительность, без сомнения, является необычной и должна, по общему правилу, рассматриваться как превосходящая "разумный срок", о котором говорится в статье 6 п. 1 (см. вышеупомянутые решения по делу Неймастера, т. 8. с. 41, п. 20; по делу Кенига, с. 34, п. 102). В подобных обстоятельствах от государства-ответчика требуется получить объяснения. По этим основаниям Суд постановил, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.
32	Михаил Владимирович Гришин против России (N 14807/08) Теги: Разумные сроки судебного разбирательства	24 июля 2012 года	Заявитель родился в 1969 году и проживает в поселке Синегорье Ягодинского района Магаданской области. 24 сентября 2002 г. следственное управление Следственного комитета Министерства внутренних дел по Дальневосточному федеральному округу (далее - Следственный комитет) возбудило уголовное дело против заявителя по подозрению в совершении разбоя при отягчающих вину обстоятельствах и хулиганства, то есть грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное	Ст. 6.1 Конвенции	Европейский Суд напоминает, что разумность длительности разбирательства подлежит оценке с учетом обстоятельств дела и следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов, а также значения предмета спора для заявителя (см. в числе многих примеров Постановление Большой Палаты по делу "Пелисье и Сасси против Франции" (Pelissier and Sassi v. France), жалоба N 25444/94, § 67, ECHR 1999-II). Европейский Суд учитывает, что дело было весьма сложным, поскольку четверым обвиняемым были предъявлены обвинения в совершении тяжких преступлений, состоящих из нескольких эпизодов, дело включает большое количество потерпевших и свидетелей, многие из которых проживали в

			<p>неуважение к обществу, совершенного с применением насилия против граждан и угрозами применения такого насилия группой лиц по предварительному сговору с использованием оружия.</p> <p>Рассматриваемый срок начался 24 сентября 2002 года, когда заявитель проходил подозреваемым по делу, и завершился 23 июля 2009 года, когда судебное решение было оставлено без изменения в кассационном порядке, и продлилось 6 лет и 10 месяцев на двух уровнях юрисдикции.</p> <p>Заявитель жаловался на то, что длительность разбирательства по его делу несовместима с требованием "разумного срока", содержащимся в пункте 1 статьи 6 Конвенции</p>		<p>отдаленных поселениях, от места, где проходили судебные разбирательства, по делу было проведено и рассмотрено много судебных медицинских экспертиз.</p> <p>Предварительное следствие по делу продлилось одиннадцать месяцев, из них полтора месяца заявитель уклонялся от следственного органа, но после ареста заявителя расследование продвигалось без задержки до того момента, когда заявитель начал свое ознакомление с материалами дела, которое он сознательно задерживал.</p> <p>Дело было рассмотрено присяжными заседателями три раза, поскольку решение Магаданского Областного Суда было дважды оспорено в кассационном порядке в Верховном Суде Российской Федерации.</p> <p>Европейский суд резюмировал, «что даже при том, что имелись задержки, за которые заявитель был ответственен наряду с его соответчиками, есть и существенные задержки, за которые государство несет ответственность, а именно во время периода, когда дело находилось на рассмотрении в суде первой инстанции второй и третий раз», имела место необоснованная задержка его рассмотрения, « и в то время, когда заявитель был заключен под стражу, рассмотрение дела требовало особого усердия со стороны национальных судов, чтобы вершить правосудие оперативно».</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>Так, во второй раз дело находилось на рассмотрении в течение двух лет, при этом в течение первого года потребовалось три месяца, чтобы оспорить ошибочное решение о возврате дела в следственный орган, а в течение второго года слушаний, рассмотрение дела: было отложено на два месяца и двадцать дней в связи с летними каникулами присяжных заседателей, после отложено еще на полтора месяца, и в материалах дела нет подтверждений того, что вышеупомянутая задержка была оправдана; кассационная жалоба на второе решение была рассмотрена через шесть месяцев; пока не было вынесено третье решение, дело оставалось без движения в течение трех месяцев; прошло еще пять месяцев, пока жюри присяжных не было сформировано, и судебные разбирательства могли начаться, которые затем продлились больше года; кассационная жалоба на третье решение была рассмотрена через четыре месяца).</p> <p>При этом ЕСПЧ принял во внимание сложность дела и трудности, с которыми столкнулся национальный суд при рассмотрении дела, и напоминает, «что государство несет ответственность за эффективность своей судебной системы и то, каким способом будет выполнено требование о рассмотрении дела в разумный срок - будь то с помощью</p>
--	--	--	--	--	--

					автоматически заданных временных ограничений и правил или любыми другими методами - решать самому государству».Если же государство позволяет судебному процессу выходить за рамки "разумного срока", установленные статьей 6 Конвенции, и не делает ничего, чтобы ускорить процесс, то оно несет ответственность за задержку, соответственно было нарушение пункта 1 Статьи 6.
33	Свинаренко и Сляднев против России (№№ 32541/08 и 43441/08) Теги: разумный срок судебного разбирательства	11 декабря 2012	Заявители жаловались, что длительность судебного разбирательства была несовместима с "разумным сроком", с изложенным в статье 6 § 1 Конвенции, в которой говорится: " При определении любого предъявленного обвинения, заявитель имеет право на разбирательство дела судом в разумный срок".	статья 6 § 1 Конвенции.	Период, который необходимо принимать во внимание, начался с 24 сентября 2002 года в отношении первого заявителя и с 20 января 2003 года в отношении второго заявителя. В эти даты они были допрошены в качестве подозреваемых по этому делу. Дело закончилось 23 июля 2009 года, когда решение суда первой инстанции было оставлено в силе. Таким образом, дело продолжалась шесть лет и десять месяцев для первого заявителя, и шесть с половиной лет для второго заявителя. Суд повторяет, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела и с учетом следующих критериев: сложность дела и поведение заявителя и соответствующих органов власти (см., среди многих других источников, Пелисье и Сасси против Франции [GC], № . 25444/94 , § 67 , ЕСПЧ 1999 -II). Суд отмечает, что дело было

					<p>очень сложным. Дело состояло из более десяти пунктов тяжких преступлений и четырех обвиняемых. В нем приняли участие более семидесяти потерпевших и свидетелей, многие из которых проживают в отдаленных поселениях, расположенных более чем в 500 километрах от Магадана, где состоялся суд. Многочисленные сообщения эксперта были рассмотрены в ходе судебного разбирательства.</p> <p>Предварительное следствие по делу длилось менее года. За это время второй заявитель намеренно затягивали рассмотрение дела с 20 мая и 13 августа 2003 года. Заявители и их подсудимых , которые все были представлены юристами , выбрали суд присяжных. Дело было рассмотрено судом присяжных три раза, а решение Суда Магаданской области было отправлено два раза в кассационном порядке в Верховный суд России.</p> <p>Хотя и были некоторые задержки, по которым ответственны заявители или другие обвиняемые, были значительные задержки со стороны государства в период, когда дело находилось на рассмотрении в суде первой инстанции, что составило по крайней мере год , и за это время заявители содержались под стражей. В то время как с учетом сложности дела и трудности, с которыми Магаданский областной суд столкнулся, ЕСПЧ напоминает, что государство несет</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>ответственность за эффективность своей системы, и то, каким образом он обеспечивает механизмы соблюдать требования «разумного срока». Если суд ведет разбирательство, более "разумного срока", предусмотренных статьей 6 Конвенции, не делая ничего, чтобы ускорить дело, государство будет нести ответственность за задержки (см. Блейк против Соединенного Королевства, № . 68890 /01 , § 45 , 26 сентября 2006 года).</p> <p>Принимая во внимание свое прецедентное право по данному вопросу, Суд считает, что в настоящем деле длительность судебного разбирательства была чрезмерной и не для удовлетворения " разумного срока". Соответственно, имело место нарушение статьи 6 § 1.</p>
34	<p>Сынгаевский против Российской Федерации (№17628/03)</p> <p>Теги: разумный срок судебного разбирательства</p>	27 марта 2012 г.	<p>1 августа 2000г. Управление внутренних дел Москвы возбудило уголовное дело в отношении заявителя еще одного лица по подозрению в попытке продажи не принадлежащей им квартиры нескольким разным лицам.2 августа 2000г. заявителю было предъявлено обвинение в мошенничестве. Заявитель утверждал, что ответственность за существенные периоды</p>	П.1.ст.6 Конвенции	<p>1)Европейский Суд повторяет, что обоснованность срока рассмотрения дела должна определяться с учетом обстоятельств дела, принимая во внимание критерии, определенные правоприменительной практикой Европейского Суда, в частности, сложность дела, поведение заявителя и действия компетентных властей(«Нахманович против России», № 55669/00)</p> <p>2)Европейский Суд полагает, что настоящее дело, касающееся одного обвинения в мошенничестве с привлечение двух</p>

			<p>бездействия в проведении судебного разбирательства лежит на властях. Так, например, у национальных органов власти ушло более трех месяцев на то, чтобы определить территориальную подсудность дела. После пяти месяцев дело было направлено на дополнительное расследование. После того, как Через семь месяцев дело было передано на повторное рассмотрение в суд, слушания назначались редко, и многие из них переносились из-за неявки потерпевших, свидетелей, прокурора. Многие судебные заседания откладывались.</p> <p>Относительно разбирательства по кассационной жалобе заявитель утверждал, что получил копию приговора суда первой инстанции 29 апреля 2003 года, спустя почти два месяца после оглашения, а копию протокола судебного заседания он получил только 23 июня 2003 г., спустя почти</p>		<p>обвиняемых и 30 свидетелей, было достаточно сложным. Тем не менее, по мнению Европейского Суда, продолжительность рассмотрения дела не может объясняться только его сложностью.</p> <p>3) Европейский Суд полагает, что наиболее существенные задержки происходили именно по вине национальных органов власти. В связи с этим Европейский Суд ссылается в своей статье на вывод, сделанный в рамках рассмотрения п3. Ст.5. Конвенции, что национальные органы власти несут ответственность за задержку, сроком не менее года и восьми месяцев, с окончания следствия в декабре 2000 года до начала судебного разбирательства в сентябре 2002 г.</p> <p>4) В заключение, возвращаясь к рассмотрению кассационных жалоб, Европейский Суд констатирует, что кассационному суду потребовалось более 1 года, чтобы назначить кассационное слушание. Данная просрочка произошла из-за задержки с вручением протокола судебного заседания и приговора суда первой инстанции заявителю и его адвокату, что задержало подачу кассационной жалобы.</p> <p>Следующая задержка была вызвана проверкой обстоятельств, при которых проходило оглашение приговора суда первой инстанции. Национальным судам потребовалось почти два месяца, чтобы</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>четыре месяца.</p> <p>Таким образом, заявитель жаловался, что его разбирательство по уголовному делу было чрезмерно длительным, ссылаясь на п 1. Ст.6 Конвенции</p>		<p>установить, в какой день проводилось оглашение и присутствовали ли на нем заявитель и его адвокат. В дальнейшем два слушания по кассационным жалобам были перенесены по ходатайству прокурора и по организационно-техническим причинам.</p> <p>5)Принимая во внимание рассматриваемые периоды бездеятельности, за которые ответственны власти, и тот факт, что заявитель содержался под стражей в течение всего рассматриваемого срока, Европейский Суд делает вывод, что продолжительность рассмотрения дела превышает «разумные сроки». Следовательно, имело место нарушение п.1.ст6 Конвенции</p>
35	<p>Максим Владимирович Петров против России (N 23185/03)</p> <p>Теги: нарушение принципа презумпции невиновности</p>	6 ноября 2012 года	<p>Заявитель 1965 года рождения, в настоящее время отбывает пожизненный срок в городе Соликамск, Пермской области.</p> <p>В 1999 году в Санкт-Петербурге были совершены преступления, в которых много пожилых и больных людей подверглись нападению в своих домах преступником, который выдавал себя за врача.</p> <p>17 января 2000 года заявитель, врач, работающий на скорой помощи, был пойман на месте, пытаясь войти в квартиру</p>	Ст. 6.2 Конвенции	<p>Европейский Суд напоминает, что соответствующий аспект пункта 2 статьи 6 Конвенции направлен на предупреждение ущерба справедливому уголовному судопроизводству преждевременными заявлениями о виновности, сделанными в тесной связи с этим разбирательством.</p> <p>Презумпция невиновности, предусмотренная пунктом 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого рассмотрения уголовного дела, требуемого пунктом 1 той же статьи (см. Постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 г. по делу "Аллене де Рибмон против Франции" (Allenet de Ribemont v. France), Series A, N 308, § 35).</p> <p>Она запрещает преждевременное</p>

			<p>пожилого человека. Он был арестован по обвинению в многократном грабеже и убийстве и находился под стражей с того момента. Заявитель утверждает, что с ним плохо обращались во время его ареста. 21 ноября 2003 года Санкт-Петербургский Городской Суд рассмотрел уголовное дело заявителя и признал его виновным в многократных обвинениях в убийстве, покушении на убийство и грабеже. Заявитель был приговорен к пожизненному заключению.</p> <p>Дело заявителя получило общенациональное освещение в СМИ как до его ареста, во время проведения следствия и судебных разбирательств, так и после суда.</p> <p>Заявитель жаловался, что власти неоднократно нарушали его право на презумпцию невиновности до вынесения решения по уголовному делу (ссылка на ст.6 Конвенции)</p> <p>Он ссылался на публикации в</p>		<p>выражение самим судом мнения о том, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, виновно, до того как это будет установлено в соответствии с законом (см. Постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 г. по делу "Минелли против Швейцарии" (Minelli v. Switzerland), Series A, N 62, § 37), но также охватывает высказывания, допущенные иными должностными лицами по поводу рассматриваемого уголовного дела, которые внушают общественности представление о том, что подозреваемый виновен, и опережают оценку фактов компетентным судебным органом (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Аллене де Рибмон против Франции", § 41; и Постановление Европейского Суда по делу "Буткевичюс против Литвы" (Butkevicius v. Lithuania), жалоба N 48297/99, § 49, ECHR 2002-II).</p> <p>Европейский Суд также напоминает, что презумпция невиновности нарушается, если судебное решение или заявление должностного лица в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, отражает мнение о его виновности до признания его виновным в установленном законом порядке.</p> <p>Основополагающее различие должно проводиться между заявлением о том, что</p>
--	--	--	---	--	--

			<p>газете Московский Комсомолец, Комсомольская Правда, Невское Время и Петербург Экспресс.</p>	<p>кто-либо только подозревается в совершении преступления, и однозначным утверждением о том, что лицо совершило рассматриваемое преступление, до его окончательного осуждения. Европейский Суд последовательно подчеркивал важность выбора выражений должностными лицами в их заявлениях, сделанных до рассмотрения дела судом и признания лица виновным в совершении конкретного преступления (см. Постановление Европейского Суда от 3 октября 2002 г. по делу "Бемер против Германии" (Bohmer v. Germany), жалоба N 37568/97, § 54 и 56; и Постановление Европейского Суда от 27 февраля 2007 г. по делу "Нештяк против Словакии" (Nestak v. Slovakia), жалоба N 65559/01, § 88 и 89).</p> <p>Возвращаясь к фактам данного дела, Европейский Суд отмечает, что до вынесения приговора на первом уровне юрисдикции по делу заявителя по обвинению в многократном убийстве и грабеже, много газет напечатали интервью с С.З. и Ю.Д., сотрудниками Фрунзенского РУВД, и А.К., начальником отдела уголовного розыска, комментируя суть обвинений, сделанных против заявителя во время суда.</p> <p>В этой связи Европейский Суд отмечает довод властей Российской Федерации в том</p>
--	--	--	--	--

					<p>смысле, что государство не может считаться ответственным за материал, опубликованный в частных СМИ. Однако, сторонами не оспаривается тот факт, что утверждения, относящиеся к заявителю, были на самом деле сделаны им, и что они были созданы рассматриваемыми сотрудниками, которые очевидно никогда не возражали против публикации этих утверждений до вынесения судебного решения первой инстанции по делу. Ввиду вышеизложенного, Европейский Суд полагает, что содержание интервью относится к государству - ответчику. Что касается содержания утверждений, то Европейский Суд отмечает, что сотрудники РУВД С.З., Ю.Д. и А.К. заявляли в утвердительной форме, что заявитель совершил рассматриваемые преступления. В частности С.З. заявил, что “[заявитель] убил пожилых женщин, украл их макароны, и в тот же вечер ел эти макароны с его семьей” (см. параграф 53); Ю. Д. заявил, что “[заявитель] был ужасным маньяком” и что “он убил [пожилых людей] из-за нескольких копеек” (см. параграф 55); А.К. заявил, что заявитель был “ответственен за более чем шестнадцать убийств и более чем пятьдесят эпизодов грабежа” (см. параграф 54). Их заявления не были ограничены описанием состояния продолжающегося разбирательства или "наличием подозрения"</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>против заявителя, но преподносили в качестве установленного факта, без ограничений и оговорок, совершение им преступления.</p> <p>Европейский Суд полагает, что «эти заявления публичных должностных лиц представляли собой объявление заявителей виновными и опережали оценку фактов компетентным судебным органом. Учитывая, что сотрудники РУВД, которые давали комментарии по этому делу, должны были проявлять особую сдержанность в выборе выражений при описании продолжающегося уголовного разбирательства против ..., что данные утверждения не могли внушить общественности представление о том, что заявитель убийца, до того, как его виновность была установлена в соответствии с законом», в связи с чем, установил нарушение Статьи 6 § 2 Конвенции.</p>
36	<p>Игорь Вячеславович Сутягин против России (N 30024/02)</p> <p>Теги: разумный срок судебного разбирательства, независимость и беспристрастность суда</p>	3 мая 2011 года	<p>Заявитель работал в должности заведующего сектором военно-технической и военно-экономической политики Института США и Канады Российской академии наук. Он проживал в Обнинске Калужской области. 26 октября 1999 года против него было возбуждено</p>	Ст. 6.1. Конвенции	<p>Европейский Суд напоминает, что разумность длительности судебных разбирательств подлежит оценке с учетом обстоятельств дела и следующих критериев: сложности дела и поведения заявителя и соответствующих органов власти (см. в числе многих примеров Постановление Большой Палаты по делу "Пелисье и Сасси против Франции" (Pelissier and Sassi v. France), жалоба N</p>

			<p>уголовное дело в связи с публикацией в 1998 году книги "Стратегическое ядерное вооружение России", в которой предположительно раскрывались государственные тайны.</p> <p>1) Заявитель, в частности, утверждал, что длительность его предварительного заключения и уголовного разбирательства против него были избыточными, не отвечали требованию разумного срока, установленному ст.6.1 Конвенции.</p> <p>2) Заявитель утверждал, что суд, рассматривавший его дело, не являлся независимым, беспристрастным и законным, что судебное разбирательство по его делу не было справедливым.</p>	<p>25444/94, § 67, ECHR 1999-II).</p> <p>Европейский Суд отмечает, что период, который должен быть принят во внимание, начался с 27 по 30 октября 1999 г., точная дата оспаривалась сторонами (см. § 142 настоящего Постановления), когда заявитель был взят под стражу, и окончился 17 августа 2004 г., когда Верховный Суд Российской Федерации оставил приговор без изменения. Таким образом, разбирательство продлилось более четырех лет и девяти месяцев на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства в двух инстанциях.</p> <p>1) Калужский областной суд в определении от 27 декабря 2001 г. о направлении дела на дополнительное расследование указал, что ошибкой следственных органов являлось то, что они не подготовили обвинение должным образом. Таким образом, властям потребовалось около двух лет и пяти месяцев, чтобы подготовить окончательное обвинительное заключение против заявителя от 29 июля 2002 г., что свидетельствует об отсутствии достаточной старательности с их стороны. Власти Российской Федерации не представили никакого оправдания данной задержке.</p> <p>Что касается одного года, который потребовался защите для ознакомления с материалами дела после дополнительного</p>
--	--	--	---	---

				<p>расследования, Европейский Суд считает, что власти должны были выделить защите больше времени для скорейшего ознакомления с материалами дела, особенно из-за существенной задержки на стадии расследования.</p> <p>Европейский Суд часто устанавливал нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в делах, затрагивавших те же вопросы, что и в настоящем случае (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу "Пелисье и Сасси против Франции"). С учетом значимости дела для заявителя, который находился под стражей большую часть рассматриваемого периода - более четырех лет и пяти месяцев - во время следствия и судебного разбирательства, Европейский Суд, исследовав все представленные ему материалы дела, заключает, что власти Российской Федерации не указали факта или довода, вынуждающего сделать иное заключение в настоящем деле. Принимая во внимание прецедентную практику по данному вопросу, Европейский Суд полагает, что в этом случае длительность слушания была чрезмерной и не отвечавшей требованию "разумного срока". Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.</p> <p>2) Европейский Суд полагает, что объем работы и ежегодный отпуск, на которые</p>
--	--	--	--	---

					<p>ссылались власти Российской Федерации, связаны с профессиональной деятельностью любого судьи и не могут являться убедительным объяснением того, почему судья Ш. "больше не мог принимать участие" в разбирательстве. Если замена судьи объяснялась намерением предотвратить задержку разбирательства дела, то такие противопоставления, как необходимость избрания нового состава присяжных и нового разбирательства, также должны были быть приняты во внимание. Кроме того, новый председательствующий судья смогла начать разбирательство только в марте 2004 года, через три с половиной месяца после назначения. Представляется, что, поскольку коллегия присяжных была сформирована и разбирательство началось, доводы, представленные властями Российской Федерации при данных обстоятельствах, не могут убедительно объяснить, почему потребность заменить весь состав суда и возобновить разбирательство перевесила интерес правосудия в продолжении разбирательства первоначальным составом (см. с необходимыми изменениями Решение Европейского Суда от 30 января 2003 г. по делу "Меллорс против Соединенного Королевства" (Mellors v. United Kingdom), жалоба N 57836/00). В любом случае в обязанность Европейского Суда не входит</p>
--	--	--	--	--	---

					<p>установление обстоятельств, требовавших замены судей. Они должны были быть сообщены защите в разбирательстве на национальном уровне. Однако процессуальное решение, указывающее причины замены, вынесено не было, и защита оставалась в неведении до конца разбирательства, несмотря на свои запросы. Таким образом, она не имела возможности оспорить замену судьи.</p> <p>В связи с вышеизложенным Европейский Суд находит, что сомнения заявителя в отношении независимости и беспристрастности суда первой инстанции, рассматривавшего его уголовное дело, объективно оправданы в отношении замены председательствующего судьи, которая была проведена по неустановленным причинам и не была ограничена какими-либо процессуальными гарантиями.</p> <p>Соответственно имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, что касается независимости и беспристрастности суда первой инстанции с точки зрения объективного теста.</p>
37	<p>Роменский против России (№ 22875/02) Теги: презумпция невинности, право на справедливый и</p>	13 июня 2013 г.	<p>Заявитель, проживающий в Краснодарском крае, утверждал, что судья, отказавшийся освободить его из-под стражи на время</p>	Ст.6.1 Конвенции	<p>Европейский суд по правам человека повторяет, что «Суд должен быть субъективно беспристрастным, то есть, ни один член суда не должен питать никаких личных предубеждений или предвзятости.</p>

	<p>беспристрастный суд</p>		<p>судебного разбирательства со ссылкой на совершение им тяжкого преступления, не был беспристрастным, и что судом была нарушена презумпция невиновности.</p>	<p>Личная беспристрастность презюмируется, если нет доказательств обратного» (см. Padovani против Италии , 26 февраля 1993 года § 26 , Series A, N 257 B, и Daktaras против Литвы , No 42095/98 , § 30 , ЕСПЧ 2000 X). Суд может также использовать объективный подход, то есть, определить, предложил ли судья достаточные гарантии, чтобы исключить любое законное сомнение в отношении его беспристрастности (см. Piersack против Бельгии , 1 октября 1982 года, § 30 , Series A, N 53, и Grievies против Соединенного Королевства [GC], no 57067 /00 , § 69 , ЕСПЧ 2003 -XII). Наконец, Суд всегда подчеркивал важность национальных процедур для обеспечения беспристрастности, которые направлены, на устранение любого проявления пристрастности и служить для продвижения доверия, которое суды в демократическом обществе должны внушать общественности (см. против Хорватии , No 71615 /01 , § 27 , 15 июля 2005 года и Гусейн и другие против Азербайджана, pp 35485 /05 , 45553 /05 , 35680 /05 и 36085 / 05, § 162 , 26 июль 2011 года). Судье не требуется, в рамках Конвенции и внутреннего законодательства, установить существование «обоснованного подозрения» в отношении ответчика. При принятии решения о ходатайстве, об освобождении поданным ответчиком, суд</p>
--	-----------------------------------	--	---	---

				<p>не должен оценивать, действительно ли обвиняемый виновен (см. Gulyayeva против России, № 67413 / 01, § 197, 1 апреля 2010 года). " Подозрительность и формальное признание вины не следует рассматривать как одно и то же" (Brudnicka and Others против Польши , No 30865/96 , § 55 , 20 декабря 2005 года) .</p> <p>По мнению ЕСПЧ, окружной суд в своем постановлении от 30 ноября 2001 выходит за рамки беспристрастности. ЕСПЧ считает, что опасения заявителя о том, что у судьи, было предвзятое мнение об этом деле была объективно оправдана, потому что суд отказался освободить заявителя из-под стражи на время судебного разбирательства со ссылкой на совершение им тяжкого преступления.</p> <p>Наконец, Европейский Суд напоминает, что если смотреть в целом судебные процессы, можно считать справедливым, если любые дефекты в первоначальном рассмотрении дела, впоследствии исправляют, апелляционные суды (см. , с соответствующими изменениями , Эдвардс против Соединенного Королевства , 16 декабря 1992 года, § 39 , Series A, N 247- В, и Де Куббер против Бельгии , 26 октября 1984 года, § 33 , Series A, N 86, Series A, N 86 , с дальнейшими ссылками на Адольф против Австрии , 26 марта 1982 года, § § 38 - 40 , Series A, N 49).</p>
--	--	--	--	---

					С учетом разбирательства в целом, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 6 §1 Конвенции в связи с отсутствием беспристрастности районного суда.
38	<p>Амир ГилвановичХужин; Дамир ГилвановичХужин и Марат ГилвановичХужин против РФ (№13470/02)</p> <p>Теги: нарушение презумпции невиновности</p>	23 октября 2008 г.	<p>14 апреля 1999 г. первый и второй заявители были задержаны по подозрению в похищении, совершенном по предварительному сговору. 12 мая 1999 г. следователь допросил третьего заявителя в качестве свидетеля. В тот же день он был заключен под стражу по подозрению в пособничестве и подстрекательстве к похищению.</p> <p>2 июня 1999 г. трем заявителям было предъявлено обвинение в похищении и пытках, преступлениях, предусмотренных статьями 117 и 126 Уголовного кодекса. Они обвинялись в похищении некоего В., бродяги без определенного места жительства, и принуждении его к физическому труду на принадлежащем им фруктовом складе за крайне низкую плату. Несколько раз</p>	Ст. 6 п. 2 Конвенции	<p>Презумпция невиновности, предусмотренная пунктом 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого рассмотрения уголовного дела, требуемого пунктом 1 той же статьи (см. Постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 г. по делу "Аллене де Рибмон против Франции" (AllenetdeRibemont v.France), Series A, N 308, § 35). Она запрещает преждевременное выражение самим судом мнения о том, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, виновно до того, как это будет установлено в соответствии с законом (см. Постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 г. по делу "Минелли против Швейцарии" (Minelli v.Switzerland), Series A, N 62), но также охватывает высказывания, допущенные иными должностными лицами по поводу рассматриваемого уголовного дела, которые внушают общественности представление о том, что подозреваемый виновен, и опережают оценку фактов компетентным судебным органом. Обращаясь к фактам настоящего дела,</p>

			<p>В. пытался скрыться, но братья ловили его, подвергали побоям и пытали его путем приложения электрических проводов к различным частям тела.</p> <p>20 июля 1999 г. государственный телевизионный канал "Удмуртия" выпустил в эфир программу "Версия". Вторая часть программы была посвящена делу заявителей. В ней участвовали ведущая Темеева, Глазовский городской прокурор Зинтереков, следователь Курбатов и начальник отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Удмуртской Республики Никитин, а также потерпевший В., лицо которого было скрыто. 7 августа 1999 г. журналистка М. опубликовала статью под заголовком "Страна рабов" в местной газете "Калина красная", где журналистка изложила историю В., которого эксплуатировали и избивали братья Хужины. В</p>		<p>Европейский Суд отмечает, что за несколько дней до начала рассмотрения судом дела заявителей государственный телевизионный канал организовал трансляцию телевизионной программы, в которой приняли участие следователь, ответственный за дело заявителей, городской прокурор и начальник отдела расследования особо важных дел региональной прокуратуры. Участники и в меньшей степени ведущая и предполагаемая жертва посягательства подробно обсуждали дело заявителей. Впоследствии программа вновь дважды транслировалась во время суда и один раз за несколько дней до рассмотрения кассационных жалоб. Что касается содержания программы, Европейский Суд отмечает, что все три сотрудника прокуратуры охарактеризовали деяния, вменяемые в вину заявителям, как преступления, совершенные ими. Их заявления не были ограничены описанием состояния продолжающегося разбирательства или "наличием подозрения" против заявителей, но преподносили в качестве установленного факта, без ограничений и оговорок, совершение ими преступления даже в отсутствие упоминания о том, что заявители отрицали это. Кроме того, городской прокурор Зинтереков ссылаясь на судимости заявителей, изображая их как закоренелых</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>статье упоминалось, что старший брат носил имя Марат, что двое других братьев были 24-летние близнецы и что они торговали фруктами на местном рынке. Заявители подали несколько жалоб на освещение в прессе уголовного дела, возбужденного против них. Где 25 июля и 15 августа 2001г. заместители прокурора Удмуртской Республики уведомили первого и третьего заявителей о том, что нет оснований для возбуждения уголовного дела против производителя телевизионной программы и что прокуратура не намерена поддерживать переписку по этому вопросу. Вместе с тем Глазовскому городскому прокурору дано указание, провести проверку, который связан с вопросом о наличии оснований для возбуждения уголовного дела в связи с публикацией статьи в газете "Калина красная". Где 27 сентября 2001 г. следователь Глазовской городской прокуратуры вынес</p>		<p>преступников, и утверждал, что совершение ими "преступления" было следствием их "личных качеств" - "жестокости и бессмысленного зверства". В заключительном заявлении он также указал, что суду остается только приговорить их к лишению свободы достаточной продолжительности, таким образом, представив осуждение заявителей в качестве единственного возможного исхода судебного разбирательства. Европейский Суд полагает, что эти заявления публичных должностных лиц представляли собой объявление заявителей виновными и опережали оценку фактов компетентным судебным органом. С учетом того, что эти должностные лица занимали высокие посты в городском и региональном органах прокуратуры, они должны были проявлять особую сдержанность в выборе выражений при описании продолжающегося уголовного разбирательства против заявителей. Однако с учетом содержания их заявлений, изложенных выше, Европейский Суд находит, что некоторые из них не внушить общественности представление о том, что заявители виновны, до того, как их виновность была установлена в соответствии с законом. Европейский Суд находит, что было допущено нарушение презумпции невиновности заявителей. Этот вывод делает необязательным обособленное рассмотрение</p>
--	--	--	---	--	--

		<p>формальное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела о клевете против журналистки М., которой принадлежало авторство статьи "Страна рабов". Следователь установил, что содержание статьи было в основном правдивым, и что М. не распространяла ложных сведений, порочащих достоинство или честь третьего заявителя. Заявители жаловались, ссылаясь на пункт 1 и подпункты "a", "b" и "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции, что они могли ознакомиться с материалами уголовного дела только в конце расследования, что они не имели возможности допросить свидетелей защиты и потерпевшего и что рассматривавший дело судья был необъективным и отклонял отводы. Они также утверждали, что длительность уголовного разбирательства была чрезмерной. Наконец, они ссылались на нарушение</p>		<p>жалобы заявителей на то, что предоставление уголовного дела журналистам также нарушало презумпцию их невиновности. Соответственно, имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции. На основании изложенного Суд постановил, что имело место нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.</p>
--	--	--	--	--

			<p>принципа презумпции невиновности, гарантированной пунктом 2 статьи 6 Конвенции, тесным сотрудничеством прокуратуры со средствами массовой информации во время судебного разбирательства.</p>		
39	<p>Максим Владимирович Петров против России (N 23185/03) Теги: нарушение принципа презумпции невиновности</p>	6 ноября 2012 года	<p>Заявитель 1965 года рождения, в настоящее время отбывает пожизненный срок в городе Соликамск, Пермской области.</p> <p>В 1999 году в Санкт-Петербурге были совершены преступления, в которых много пожилых и больных людей подверглись нападению в своих домах преступником, который выдавал себя за врача.</p> <p>17 января 2000 года заявитель, врач, работающий на скорой помощи, был пойман на месте, пытаясь войти в квартиру пожилого человека. Он был арестован по обвинению в многократном грабеже и убийстве и находился под стражей с того момента. Заявитель утверждает, что с</p>	Ст. 6.2 Конвенции	<p>Европейский Суд напоминает, что соответствующий аспект пункта 2 статьи 6 Конвенции направлен на предупреждение ущерба справедливому уголовному судопроизводству преждевременными заявлениями о виновности, сделанными в тесной связи с этим разбирательством.</p> <p>Презумпция невиновности, предусмотренная пунктом 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого рассмотрения уголовного дела, требуемого пунктом 1 той же статьи (см. Постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 г. по делу "Аллене де Рибмон против Франции" (Allenet de Ribemont v. France), Series A, N 308, § 35).</p> <p>Она запрещает преждевременное выражение самим судом мнения о том, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, виновно, до того как это будет установлено в соответствии с законом (см. Постановление Европейского Суда от 25 марта 1983 г. по делу</p>

			<p>ним плохо обращались во время его ареста. 21 ноября 2003 года Санкт-Петербургский Городской Суд рассмотрел уголовное дело заявителя и признал его виновным в многократных обвинениях в убийстве, покушении на убийство и грабеже. Заявитель был приговорен к пожизненному заключению.</p> <p>Дело заявителя получило общенациональное освещение в СМИ как до его ареста, во время проведения следствия и судебных разбирательств, так и после суда.</p> <p>Заявитель жаловался, что власти неоднократно нарушали его право на презумпцию невиновности до вынесения решения по уголовному делу (ссылка на ст.6 Конвенции)</p> <p>Он ссылаясь на публикации в газете Московский Комсомолец, Комсомольская Правда, Невское Время и Петербург Экспресс.</p>	<p>"Минелли против Швейцарии" (Minelli v. Switzerland), Series A, N 62, § 37), но также охватывает высказывания, допущенные иными должностными лицами по поводу рассматриваемого уголовного дела, которые внушают общественности представление о том, что подозреваемый виновен, и опережают оценку фактов компетентным судебным органом (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Аллене де Рибмон против Франции", § 41; и Постановление Европейского Суда по делу "Буткевичюс против Литвы" (Butkevicius v. Lithuania), жалоба N 48297/99, § 49, ECHR 2002-II).</p> <p>Европейский Суд также напоминает, что презумпция невиновности нарушается, если судебное решение или заявление должностного лица в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, отражает мнение о его виновности до признания его виновным в установленном законом порядке.</p> <p>Основополагающее различие должно проводиться между заявлением о том, что кто-либо только подозревается в совершении преступления, и однозначным утверждением о том, что лицо совершило рассматриваемое преступление, до его окончательного осуждения. Европейский Суд последовательно подчеркивал важность</p>
--	--	--	--	--

				<p>выбора выражений должностными лицами в их заявлениях, сделанных до рассмотрения дела судом и признания лица виновным в совершении конкретного преступления (см. Постановление Европейского Суда от 3 октября 2002 г. по делу "Бемер против Германии" (Bohmer v. Germany), жалоба N 37568/97, § 54 и 56; и Постановление Европейского Суда от 27 февраля 2007 г. по делу "Нештяк против Словакии" (Nestak v. Slovakia), жалоба N 65559/01, § 88 и 89).</p> <p>Возвращаясь к фактам данного дела, Европейский Суд отмечает, что до вынесения приговора на первом уровне юрисдикции по делу заявителя по обвинению в многократном убийстве и грабеже, много газет напечатали интервью с С.З. и Ю.Д., сотрудниками Фрунзенского РУВД, и А.К., начальником отдела уголовного розыска, комментируя суть обвинений, сделанных против заявителя во время суда.</p> <p>В этой связи Европейский Суд отмечает довод властей Российской Федерации в том смысле, что государство не может считаться ответственным за материал, опубликованный в частных СМИ. Однако, сторонами не оспаривается тот факт, что утверждения, относящиеся к заявителю, были на самом деле сделаны им, и что они</p>
--	--	--	--	---

					<p>были созданы рассматриваемыми сотрудниками, которые очевидно никогда не возражали против публикации этих утверждений до вынесения судебного решения первой инстанции по делу. Ввиду вышеизложенного, Европейский Суд полагает, что содержание интервью относится к государству - ответчику. Что касается содержания утверждений, то Европейский Суд отмечает, что сотрудники РУВД С.З., Ю.Д. и А.К. заявляли в утвердительной форме, что заявитель совершил рассматриваемые преступления. В частности С.З. заявил, что “[заявитель] убил пожилых женщин, украл их макароны, и в тот же вечер ел эти макароны с его семьей” (см. параграф 53); Ю. Д. заявил, что “[заявитель] был ужасным маньяком” и что “он убил [пожилых людей] из-за нескольких копеек” (см. параграф 55); А.К. заявил, что заявитель был “ответственен за более чем шестнадцать убийств и более чем пятьдесят эпизодов грабежа” (см. параграф 54). Их заявления не были ограничены описанием состояния продолжающегося разбирательства или "наличием подозрения" против заявителя, но преподносили в качестве установленного факта, без ограничений и оговорок, совершение им преступления.</p> <p>Европейский Суд полагает, что «эти заявления публичных должностных лиц</p>
--	--	--	--	--	--

					представляли собой объявление заявителей виновными и опережали оценку фактов компетентным судебным органом. Учитывая, что сотрудники РУВД, которые давали комментарии по этому делу, должны были проявлять особую сдержанность в выборе выражений при описании продолжающегося уголовного разбирательства против ..., что данные утверждения не могли не внушить общественности представление о том, что заявитель убийца, до того, как его виновность была установлена в соответствии с законом», в связи с чем, установил нарушение Статьи 6 § 2 Конвенции.
40	Моисеев Валентин Иванович против России (Жалоба № 62036/00) Теги: право на свидание с защитником, право на конфиденциальность переписки с защитником	9 октября 2008 г.	Заявитель родился в 1946 году и проживает в Москве. 3 июля 1998 года Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ) задержала южнокорейского дипломата г-на Ч. при получении некоторых материалов от заявителя, который в то время был заместителем директора Первого департамента Азии Министерства иностранных дел Российской Федерации. На следующий день г-н Ч. был объявлен persona non grata и покинул Россию. 3 июля 1998 года в 23.30 группа в составе	Ст. 6.1. Ст. 6.3. (b,c) Конвенции	Европейский Суд напоминает, что право обвиняемого на общение со своим представителем в условиях, благоприятствующих широкому и беспрепятственному обсуждению, является частью базовых требований о справедливом судебном разбирательстве в демократическом обществе и вытекает из подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции; что переписка с адвокатами, независимо от ее цели, всегда является привилегированной и что чтение писем заключенного, направляемых адвокату или получаемых от него, допустимо в исключительных случаях, когда у властей есть разумные основания полагать, что этой привилегией злоупотребляют в том

			<p>восьми вооруженных сотрудников ФСБ вошла в квартиру заявителя и провела там обыск. Они задержали заявителя и препроводили его в СИЗО «Лефортово». 3 августа 1998 года МИД уволил заявителя за серьезные нарушения российского законодательства о государственной службе. 6 декабря 1999 года Московский городской суд признал заявителя виновным в соответствии с предъявленным обвинением, приговорил его к двенадцати годам лишения свободы и конфисковал его имущество. Заявитель жаловался, что в период разбирательства дела адвокаты заявителя могли встречаться с ним только по разовым разрешениям. Во время предварительного следствия обвинительное заключение хранилось в специальной части следственного изолятора. Заявитель имел доступ к нему по письменному разрешению администрации. Его адвокаты</p>	<p>смысле, что содержание письма угрожает безопасности пенитенциарного учреждения, безопасности других или носит какой-либо другой преступный характер. Европейский Суд полагает, что судебное разбирательство дела заявителя было несправедливым по следующим причинам:</p> <p>орган преследования имел неограниченное усмотрение в вопросе свиданий с адвокатами и обмена документами, доступ заявителя и его защитников к материалам дела и их собственным записям был строго ограничен и, наконец, заявитель не имел достаточных условий для подготовки своей защиты. Совокупное влияние этих трудностей до такой степени ограничило права защиты, что принцип справедливого судебного разбирательства, предусмотренный статьей 6 Конвенции, был нарушен.</p> <p>Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции во взаимосвязи с подпунктами "b" и "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.</p>
--	--	--	---	--

			<p>получили доступ к обвинительному заключению после начала судебных слушаний в специальной части Московского городского суда.</p> <p>Любой обмен документами между заявителем и его адвокатами допускался только через администрацию следственного изолятора и по ее письменному разрешению.</p> <p>Администрация изучала документы до их передачи.</p>		
41	<p>Девеер против Бельгии</p> <p>Теги: право на доступ к правосудию</p>	27 февраля 1980 года	<p>В сентябре 1974 г. сотрудник Главной экономической инспекции, проводя проверку магазина, который принадлежал заявителю, установил нарушение. На основании отчета инспектора королевский прокурор при суде 30 сентября уведомил заявителя, что против него возбуждено уголовное дело и с этого момента, впредь до решения суда, его магазин будет закрыт. Однако г-н Девеер может избежать этих последствий, уплатив в порядке "мирного</p>	п.1 ст.6 Конвенции	<p>В соответствии со статьей 6 п. 1 г-н Девеер имел право на справедливое разбирательство перед "независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона" для "рассмотрения предъявленного ему уголовного обвинения" и решение о его как правовой, так и фактической обоснованности. Но, заплатив 10000 бельгийских франков в порядке штрафа, г-н Девеер отказался от своего права на рассмотрение его дела судом. Тем не менее, в демократическом обществе "право на правосудие" слишком значимо, чтобы оно могло считаться утраченным единственно по той причине, что лицо оказалось стороной в соглашении, носящем согласительный характер. Принуждение, на которое</p>

			<p>урегулирования" 10000 (десять тысяч) бельгийских франков. Поскольку в ином случае ему грозили большие финансовые потери из-за закрытия магазина, заявитель уплатил штраф, оговорив, однако, в письме к прокурору, что считает предложенную ему альтернативу незаконной. В феврале 1975 г. он подал жалобу в Комиссию по правам человека. В 1978 г. г-н Девеер умер, но месяц спустя его вдова и три дочери поставили Комиссию в известность, что они считают себя морально и материально заинтересованными в завершении начатого им дела. Требование г-на Девеера о признании его жертвой "наложения штрафа, уплаченного в порядке мирового соглашения, к которому его принудили угрозой временного закрытия его магазина", основывается в первую очередь на статье 6 п. 1 Конвенции</p>		<p>жаловался заявитель, следует искать в другом, а именно в приказе о закрытии магазина от 30 сентября 1974 г. Этот приказ должен был вступить в действие через сорок восемь часов после решения королевского прокурора и мог оставаться в силе до даты принятия решения компетентным судом. Это означает, что на протяжении многих месяцев заявитель был бы лишен дохода от своей профессиональной деятельности. В результате г-н Девеер понес бы значительные убытки. Итак, отказ г-на Девеера от справедливого разбирательства в суде со всеми гарантиями, которые требует в данной связи Конвенция, отмечен принуждением. Соответственно, имело место нарушение статьи 6 п. 1.</p>
42	Сергей Анатольевич Прошкин против России	7 февраля 2012 года	Заявитель родился в 1963 году и проживает в Перми. 8	Ст. 6.1. Ст. 6.3. (d)	Европейский Суд напоминает, что из понятия справедливого судебного

	<p>(N 28869/03)</p> <p>Теги: неучастие в разбирательстве дела лица, к которому применены принудительные меры медицинского характера.</p>		<p>октября 1996 г. заявитель стал участником дорожно-транспортного происшествия, допущенного П. Заявитель, его жена и сын были ранены, а автомобиль заявителя был поврежден. Уголовное разбирательство против П. было прекращено на основании постановления об амнистии.</p> <p>П. и его мать подали заявление в милицию о том, что они подвергались постоянным преследованиям со стороны заявителя, который неоднократно угрожал им в ряде телефонных переговоров и предположительно требовал деньги в счет возмещения морального вреда и материального ущерба, которые он претерпел вследствие дорожно-транспортного происшествия.</p> <p>29 марта 1999 г. Индустриальный районный суд Перми принял решение о возбуждении уголовного дела против заявителя по подозрению в клевете при</p>	<p>Конвенции</p>	<p>разбирательства следует, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно в качестве общего принципа иметь право присутствовать и эффективно участвовать в уголовном разбирательстве (см. Постановление Европейского Суда от 12 февраля 1985 г. по делу "Колоцца против Италии" (Colozza v. Italy), § 27 и 29, Series A, N 89).</p> <p>В настоящем деле это требование не было соблюдено, поскольку районный суд вынес решение по делу заявителя в его отсутствие.</p> <p>Заявителю также не была предоставлена возможность выступить в суде кассационной инстанции. Европейский Суд напоминает, что объект и цель пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции предполагают присутствие обвиняемого. Государство обязано обеспечить присутствие обвиняемого, который содержится под стражей. Европейский Суд также напоминает, что суд может в порядке исключения продолжать слушания, когда обвиняемый отсутствует по болезни, при условии, что его интересы надлежащим образом защищены. Однако, если при разбирательстве оцениваются личность и характер обвиняемого и его душевное состояние в момент совершения преступления и результат этого разбирательства может нанести ему значительный ущерб, важное значение</p>
--	---	--	--	------------------	--

			<p>отягчающих вину обстоятельствах и оскорбительном поведении. В июле 1999 года П. обратился в Пермскую областную прокуратуру с ходатайством о заключении заявителя под стражу и назначении ему психиатрической экспертизы, поскольку угрозы не прекратились, а даже переросли в угрозы убийством в отношении П. и его матери. 20 дней спустя адвокат П. повторно подал ходатайство. 24 сентября 1999 г. против заявителя было возбуждено другое уголовное дело по подозрению в угрозе убийством. 31 августа 2000 г. Индустриальный районный суд, проведя слушание с участием заявителя, признал его виновным в клевете при отягчающих вину обстоятельствах и вымогательстве, оправдал по остальным обвинениям и приговорил его к семи годам лишения свободы. В тот же день заявитель был доставлен в следственный изолятор. 18</p>		<p>для справедливого судебного разбирательства имеют его присутствие на слушании и предоставление ему возможности принять в нем участие вместе со своим адвокатом. В настоящем деле власти не обеспечили явку заявителя в суды первой и кассационной инстанций, утверждая, что национальное законодательство не требовало его присутствия в связи с его психическим состоянием. Европейский Суд считает, что «право быть заслушанным играет такую важную роль в демократическом обществе и имеет такое основополагающее значение для защиты личности от произвола со стороны государственных органов, что сам по себе факт того, что человек страдает психическим расстройством, а также признание его недееспособным, не может автоматически исключить осуществление им своих прав». В этом контексте власти должны проявить надлежащее усердие в обеспечении права обвиняемого на эффективное присутствие на слушании и должны действовать особенно осторожно при ограничении этого права, чтобы не ставить психически больных в невыгодное положение по сравнению с другими обвиняемыми, которые пользуются таким правом. Европейский Суд не убежден, что данная обязанность</p>
--	--	--	---	--	---

			<p>января 2001 г. В результате слушаний по жалобе, на которых заявитель присутствовал, 9 ноября 2000 г. Пермский областной суд отменил приговор, оправдал его по обвинению в клевете при отягчающих вину обстоятельствах и направил дело на новое рассмотрение по обвинению в вымогательстве. 26 октября 2002 г. заявитель был задержан в Перми и доставлен в Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского в Москве (далее - Центр). Спустя месяц Центр представил экспертное заключение о том, что заявитель страдает шизофренией. Заявитель жаловался на уклонение от обеспечения его присутствия в судах первой и кассационной инстанций, которые рассматривали возбужденное против него уголовное дело.</p>	<p>была соблюдена российскими судами в настоящем деле, нет указаний на то, что российские суды дали правильную оценку способности заявителя участвовать на квалифицированном уровне в уголовном разбирательстве против него. Заявитель участвовал только один раз на протяжении непродолжительного периода в заседании суда первой инстанции 27 января 2003 г., на котором решался вопрос о заключении его под стражу. Европейский Суд считает, что этой встречи было не достаточно для районного суда, чтобы решить, что присутствие на слушаниях заявителя является необязательным. ЕС также учитывает тот факт, что в деле нет официального решения относительно присутствия заявителя, нет никаких доказательств, убедительно демонстрирующих, что поведение заявителя и его психическое состояние препятствовали ему изложить свои доводы по делу в открытом судебном заседании».</p> <p>Европейский Суд также отметил, что национальные суды разрешили вопрос об уголовном обвинении и нашли, что он не в состоянии нести уголовную ответственность в связи с его психическим здоровьем, и вынесли решение о его содержании в психиатрическом учреждении. Довод Властей РФ о том, что присутствие заявителя не требуется только на том</p>
--	--	--	---	---

					<p>основании, что он страдает психическим нездоровьем, «поражает с учетом того, что суд должен был определить, совершил ли заявитель преступление в невменяемом состоянии, и оценить, необходимо ли проведение принудительного лечения (см. Постановление Европейского Суда от 20 октября 2005 г. по делу "Романов против Российской Федерации")». ЕС убежден в том, что «решения о госпитализации и лечении лиц с психическими расстройствами должны приниматься судами на основе достоверных и надежных стандартов медицинской экспертизы и с учетом необходимости лечения лиц с психическими расстройствами в подходящих для этого местах. Европейский Суд полагает, что в ситуации, когда суд первой инстанции не убедили результаты экспертизы Центра и он считал, что необходима другая психиатрическая экспертиза заявителя, но не получил результатов новой экспертизы до вынесения обвинительного приговора, было особенно важно, чтобы судьи выслушали заявителя лично и оценили его состояние. Суды не должны при справедливом уголовном разбирательстве рассматривать его дело без наблюдения за поведением заявителя и непосредственной оценки выдвинутых им доводов. Присутствие адвоката и матери</p>
--	--	--	--	--	--

					заявителя не может компенсировать невозможность заявителя представлять свою позицию в судебном заседании». Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд находит, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта "с" пункта 3 статьи 6 Конвенции.
43	<p>Веселов и другие против России (№№ 23200/10, 24009/07 и 556/10)</p> <p>Теги: провокация преступления</p>	2 октября 2012 г.	<p>Три заявителя стали объектами негласных мероприятий, проведенных милицией в форме проверочных закупок наркотиков. Каждый из них умышленно приобрел запрещенные вещества в ходе проверочных закупок, и в результате этих операций они были осуждены за сбыт наркотиков. В своих жалобах в Европейский Суд заявители утверждали, что их действия не были типичными и объяснялись подстрекательством милиции, а также указывали, что проверочные закупки были организованы произвольно в отсутствие предварительной информации о какой-либо преступной деятельности с их стороны, в связи с чем осуждение являлось несправедливым. Они также</p>	Ст. 6 п.1 Конвенции	<p>По поводу соблюдения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Европейский Суд напомнил общие принципы своей обширной прецедентной практики по этому вопросу. Дело Банникова против России (№ 18757 /06 , § § 33 - 65 , 4 ноября 2010 года)</p> <p>В частности, при проведении проверочных закупок национальные власти обязаны обеспечить, чтобы способ проведения проверочных закупок исключал возможность злоупотребления властью, в частности, провокации. (см. Sequeira против Португалии (решение) , № 73557 /01 , ЕСПЧ 2003 -VI ; Eurofinacom против Франции (решение) , № 58753 /00, ЕСПЧ 2004 -VII ; Шеннон против Соединенного Королевства (решение) , № 67537 /01 , ЕСПЧ 2004 -IV ; Раманаускаса , упомянутое выше, § § 63 и 64 , и Malininas , упомянутое выше, § 36). Таким образом, существенное значение имеет система ответственности, которая в данном случае отсутствовала. Не была создана ясная и предсказуемая процедура санкционирования проверочных закупок, отсутствовала надлежащая регулятивная</p>

			<p>жаловались на то, что их доводы о провокации не были надлежащим образом рассмотрены в национальных разбирательствах.</p>		<p>база, и российская система в этом отношении не получила развития, несмотря на установленные в предыдущих делах недостатки. Это свидетельствует о структурной проблеме российской системы, которая в отличие от большинства других государств-ответчиков не предусматривает при проведении негласных мероприятий процессуальных ограничений, например, таких как требование о получении санкции судьи или прокурора.</p> <p>Недостатки российской нормативной базы усматриваются в настоящем деле, поскольку милиция не приняла иных следственных мер, помимо проверочных закупок, (см. Ванян упомянутое выше, § § 46 и 47; Худобин , упомянутое выше, § 135 , и Банникова , упомянутое выше, § § 49 - 50) чтобы проверить подозрение в том, что заявители являлись наркодилерами.</p> <p>Кроме того, в каждом деле проведение закупки было назначено простым административным решением органа, который позднее осуществлял операцию, основанную на предположительно добровольном сообщении информации частным источником. Решение содержало недостаточно сведений относительно причин и целей планируемой проверочной закупки, и операция не подвергалась судебной проверке или иному независимому надзору.</p>
--	--	--	---	--	--

					<p>Также в отношении двух заявителей частные источники ранее выступали в качестве милицейских информаторов. (см. Sequeira и Шеннон , оба приведенных выше ; } { Miliniene против Литвы , номер 74355 /01 , § § 37 - 38 , 24 июня 2008 года; Malininas , упомянутое выше, § 37, и Gorgievski B. «бывшая Югославская Республика Македония », № 18002 / 02, § § 52 и 53 , 16 июль 2009 года) Ввиду повышенного риска злоупотребления процедурой в подобных делах эти источники должны оставаться строго пассивными в разбирательстве, чтобы не подстрекать к совершению преступления, но в данных случаях они играли активную роль. Следовательно, требовалось особенно убедительное обоснование для закупок: они должны были исполняться в соответствии со строгой процедурой получения санкции и при условии ее документирования таким образом, чтобы обеспечить последующий независимый контроль за действиями участников. Но в деле заявителей власти не только не восполнили отсутствие процессуальных гарантий, а несправедливо извлекли из него выгоду. Неудовлетворительная процедура получения санкции на проверочную закупку сделала заявителей объектом произвольных действий милиции и умалила справедливость уголовных разбирательств против них.</p>
--	--	--	--	--	--

					<p>Вместе с тем суды страны уклонились от адекватного рассмотрения довода заявителей о провокации и, в частности, не проверили основания проверочных закупок и поведение милиции и ее информаторов в отношении заявителей. С учетом этого уголовное разбирательство против всех троих заявителей было несовместимо с понятием справедливого судебного разбирательства. По делу допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции</p>
44	<p>Борткевич против России (№ 27359/05) Теги: жесткие условия содержания</p>	2 октября 2012 г.	<p>Заявитель, отбывающий наказание в виде лишения свободы, жаловался на невозможность лично участвовать в судебных заседаниях по его жалобе на условия содержания в исправительной колонии.</p>	Статья 6 § 1 Конвенции	<p>Суд повторяет, что принцип состязательности и равенства сторон, который является одним из элементов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, требует, чтобы каждой из сторон была предоставлена возможность знать и комментировать доказательства выдвинутые другой стороной, представить свое дело в условиях, которые не ставят его в существенно невыгодное положение по отношению к другой стороне. (см. Křmář и другие против Чешской Республики , нет. 35376/97 , § 39 , 3 марта 2000 года, и Dombo Beheer BV против Нидерландов , 27 октября 1993 года, § 33 , Серия А № . 274).</p> <p>Статья 6 Конвенции прямо не предусматривает право на слушание в котором примут участие лично заявители, это подразумевается в более широком понятии справедливого судебного разбирательства , уголовный процесс должен</p>

				<p>проходить в присутствии обвиняемого (см. , например, Колоцца против Италии , 12 февраля 1985, § 27 , Серия А № . 89). Тем не менее, в качестве компенсации морального вреда в уголовных делах нет абсолютного права присутствовать на собственном суде, кроме как в отношении ограниченной категории дел , таких, как те, где характер и образ жизни данного лица имеет непосредственное отношение к теме вопроса по делу, или если решение предполагает поведения человека (см. , например, Кабве и Chungu против Соединенного Королевства (решение), № . 29647 / 08 и 33269 /08 , 2 февраля 2010 года).</p> <p>В случае (Хужины и другие против России (№ 13470 / 02, § § 53 и след. , 23 октября 2008 г.)) Суд установил, что отказываясь обеспечить, чтобы заключенные заявители могли присутствовать на слушаниях, и будучи не в состоянии рассмотреть и другие правовые средства обеспечения их эффективного участия в разбирательстве, российский суд нарушил принцип равенства сторон. Аналогичный вывод был сделан судом в других делах против России, где власти не смогли обеспечить выступления заключенных заявителей в гражданских судах рассмотрение их жалоб на условия содержания под стражей (см. , например, Shilbergs , упомянутое выше, § § 107-113 ; Артемов против России , упомянутое выше,</p>
--	--	--	--	--

					<p>§ § 204-208 ; . Карасев и римских против России, № 30251 /03 , § § 65-70 , 25 ноября 2010 года). В случаях, указанных выше, Суд постановил, требования заявителей должны быть удовлетворительны, на представленных делах должны были лично присутствовать заявители.</p> <p>Следовательно, имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в связи с отказом властей , получая заявителя адекватная возможность представить свое дело эффективно в гражданских судах .</p>
45	<p>Сергеев и другие против России(№28309/03,28318/03, 28490/03)</p> <p>Теги: необоснованно длительная задержка исполнения решения суда</p>	6 марта 2012	<p>Дело было инициировано 11 жалобами, поданными против Российской Федерации. Власти РФ утверждали, что жалобы являются не приемлемыми. Прежде всего они указали, что некоторые заявители первоначально жаловались только не исполнение решений и не ссылались на их отмену в пределах шестимесячного срока.</p> <p>Заявители утверждали, что их жалобы являются приемлемыми, и ссылались на прецедентную практику Европейского Суда по этому вопросу.(«Козеев против РФ») Заявители жаловались на</p>	Ст.6 Конвенции	<p>1)Европейский Суд отмечает, что в пяти делах решения были отменены менее чем через год после вступления в законную</p> <p>2)Европейский суд напоминает, что необоснованно длительная задержка исполнения вступившего в силу решения может рассматриваться как нарушение Конвенции.(«Бурдов против России», №59489/00). Разумность такой задержки должна оцениваться с учетом сложности исполнительного производства, поведения самого заявителя и компетентных органов.</p> <p>Европейский Суд отмечает, что вступившее в силу решение и исполнимое решение Калужского гарнизонного военного суда от 19 декабря 2001г. в отношении восьми заявителей оставалось неисполненным три года и 11 месяцев. А Вступившее в силу и исполнимое решение, вынесенное тем же</p>

			<p>нарушение ст.6 Конвенции в связи с неисполнением решений, которые были отменены в порядке надзора.</p>		<p>судом 27 февраля 2002г. в пользу трех заявителей оставалось неисполненным более четырех лет.</p> <p>3)С Учетом устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда длительные задержки в данном деле не совместимы с требованием исполнения решения в разумный срок («Бурдов против России»).Власти РФ не предоставили довода, позволяющего Европейскому Суду отступить в настоящем деле от ранее сделанных заключений.</p> <p>Европейский Суд напоминает, что основная ответственность за исполнение решения, вынесенного национальным судом против государства, лежит на национальный властях. Требование о сотрудничестве взыскателя не должно выходить за пределы строгой необходимости и в любом случае не освобождает власти от их конвенционной обязанности совершить своевременно и в пределах своих полномочий действия на основе доступной информации в целях исполнения решения суда, вынесенного против государства(Акашев против России»)</p> <p>4)Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд заключает, что длительное уклонение от исполнения вступивших в законную силу решений и подлежащих исполнению решений суда представляет собой нарушение ст.6 Конвенции</p>
--	--	--	---	--	---

